

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, СЛОВЕСНОСТИ

и

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

*Мы одно любимъ, одного желаемъ: лю-
бимъ Отечество; желаемъ ему благоден-
ствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ,
да не измѣнится никогда твердое основа-
ніе нашего величія; да правила Мудраго
Самоудержавія и Святой Вѣры болѣе и бо-
лѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣ-
тѣтъ Россія . . .; по крайней мѣрѣ долго,
долго, если на землѣ нѣтъ ничего без-
смертнаго, кромѣ души человѣческой!*

КАРАМЗИНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 2 8.

**Печатать позволяется
съ тѣмъ, чтобы по оппечатаііи представлени были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги.**

Москва, 19 Ноября, 1828.

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XIII и XIV.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ИСТОРІЯ ЗАКОНОВЪ.

*Общія замѣчанія о Русской Правдѣ, какъ
о началѣ права положительнаго въ
Россіи (*).*

(Изъ Эверса.)

Еще во введеніи замѣчено мною о важности Русской Правды и о томъ, что она есть древнѣйшій памятникъ законодательства, какого нѣтъ ни у одного народа; ибо ни у одного не было такъ рано закона письменнаго, почти чрезъ 158 лѣтъ по основаніи Государства. Она издана во время, близкое ко времени дикости. Христіанская вѣра, чрезъ которую прекратилось у Руси приношеніе въ жертву людей, введена уже въ 988 году, слѣдовательно не болѣе, какъ за 32 года до написанія сего закона. Здѣсь собственно должно искать начала права положительнаго, и представ-

(*) См. No 1 и 2 Моск. Вѣстника. Сочиненіе Г. Эверса переводимся на Русскій языкъ.

лѣтъ постепенное происхожденіе онаго изъ первоначальнаго семейственнаго союза, предшествовавшаго составленію Государства.

Въ семъ краткомъ уствѣ находимъ мы происхожденіе и первое образованіе тѣхъ древнѣйшихъ законоположеній, коихъ слѣды сохранились у Европейскихъ народовъ, кои простираются въ отдаленную древность и о происхожденіи коихъ въ другихъ Государствахъ можно только догадываться. Еще болѣе: мы можемъ показать происхожденіе сихъ учрежденій изъ первоначальнаго устройства семействъ, имѣвшаго основаніемъ своимъ самую природу челоука.

Первое важное положеніе, заключающееся въ семъ законѣ, относится къ происхожденію денежной пѣни или виры (Wehrgeld). Мы видимъ, что мщеніе за убійство, первоначальное право семействъ, долго еще было терпимо въ Государствѣ; что оное ограничивали постепенно, и что сіе ограниченіе касалось сперва степени родства, коей предоставлялось мстить за убійство; что въ послѣдствіи вознагражденіе (со стороны убійцы) дозволялось тогда только, когда нѣкому было отмстить за убійство, и что сначала не было прямого, безусловнаго запрещенія мстить за убійство въ степеняхъ дальнихъ. Это также основывалось на свойствѣ грубыхъ людей и древняго семейственнаго союза. Челоукъ того времени не легко дозволялъ лишать себя права мстить за убійство, столь тѣсно соединеннаго съ его понятіями и въ

продолженіе многихъ въковъ бывшаго въ обыкновеніи; въ Государствѣ оно не могло ослабѣть при дальнѣйшемъ образованіи и утвржденіи на прочныхъ основаніяхъ союза общественнаго; но уничтожать его должно было постепенно и съ величайшею осторожностію. —

Далѣе изъ сего закона видимъ, что при всѣхъ плѣсныхъ поврежденіяхъ частный человекъ имѣлъ право мстить за оныя. Сіе взаимное право людей, начавшись до составленія Государства, долго еще остается и въ Государствѣ. Это легко объяснить, Государство первоначально основано опдѣльно жившими семействами для взаимной защиты. Прѣжнихъ своихъ правъ и обычаевъ не заходячи они перемѣнили, — и удержали ихъ въ Государствѣ. Когда изъ сего не швердаго соединенія семействъ должно было произойти цѣлому, тѣсно соединенному во всѣхъ частяхъ своихъ, Государству, въ собственномъ смыслѣ сего слова, то первоначальное право семействъ, предшавлявшее главѣ Государства мало власти и вліянія, равно какъ и мщеніе частное надобно было уничтожить. Всѣ Государства подають сему примѣры. Во всѣхъ молодыхъ Государствахъ законодательство содѣйствуетъ достиженію сей цѣли, и тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе Государство; ибо тѣмъ общишельнѣе бываетъ потребность единства и увеличенія власти, главы Государства. Но вездѣ законодательная власть должна въ семъ случаѣ дѣйствовать исподо-

волю и съ большою осторожностію. Дикой человекъ не охотно допускаетъ лишать себя права на частное мщеніе. Въ древнемъ законѣ нашемъ мы видимъ, когда частнаго мщенія не лзя было противъ воли опинишь у обиженнаго, пакъ какъ права мщини за убитаго у ближайшихъ родшвенниковъ. Но законъ дозволялъ оное не прямо; какъ право мщини за убійство, да и сіе дозволялъ съ ограниченіемъ извѣсными степенями родства. Но изъ всего содержанія закона оказываеца, что частное мщеніе допускалось какъ укоренившійся обычай. Къ уничтоженію онаго судѣйствовали не прямо опредѣленіемъ значительнаго вознагражденія за оскорбленія въ такомъ случаѣ, когда частное мщеніе не могло имѣть мѣста.

Древнѣйшія Государства основаны войнами. Состояніе военное естъ почепнѣйшее; воинственный образъ мыслей господствуетъ въ первомъ письменномъ законѣ. Отъ сего произошли удивительныя для насъ опредѣленія вознагражденія за поврежденія телесныя: за опрубленіе пальца 3 гривны, а за поврежденіе, нанесенное дубиною или только рукоушью меча, 12 гривенъ и сполько же за вырваніе бороды; слѣдовательно въ чепыре раза болѣе нежели за опрубленіе пальца. Изъ сего видно, что поносное оцнивалось выше болѣзненнаго и вреднаго. Если палецъ былъ опрубленъ мечемъ, то мечемъ можно было защищиться отъ удара меча (1.); но удары дубиною или сосудомъ,

(1) Вѣроятно въ обычай было почитать чрезвычайно поноснымъ обнаженіе меча на безоружнаго, а по-

кроме причиненія боли, могли бытъ нанесены безоружному (1), или (что одно и то же) неожиданно; они были иногда опасны, но болѣе поносны. Удары мечемъ не считались поносными. Но поноснѣе всего было вырваніе волосъ изъ бороды, составлявшей украшеніе мужа. Посему-то и положена за оное шоль высокая пеня.

Особенно замѣчательно, что не упоминается еще ни о какой денежной пени. Другое неоспоримое доказательство опдаленной древности нашего закона. Вся денежная назначенія, здѣсь вспрычающіяся, учреждены въ замѣнъ, въ вознагражденіе за частное мщеніе, и даже словъ: замѣнъ или вознагражденіе здѣсь не находишь. Следовательно понятіе не вездѣ еще распространилось, и учреждая вещь, не давали ей особеннаго названія. Разумѣется, что ошибающіеся одни получали все. Это ясно видно изъ закона. Государь не принималъ еще въ себѣ никакого участія; что также доказываетъ опдаленную древность закона. Но это было уже на крайней чертѣ того времени, когда Государь не получалъ никакой части изъ сихъ вознагражденій; ибо въ слѣдующее послѣ Ярослава правленіе Государь началъ принимать въ оныхъ участіе.

тому и поспавлялось правиломъ носить его всегда при себѣ.

- (1) Т. е. шоль, у кого не было въ рукахъ ни дубины, ни сосуда; ибо въ прошивномъ случаѣ, по праву возмездія, за удары оплачивали такими же ударами.

Всѣ наказанія, всѣ строгости, имѣнія предметомъ своимъ собственности, заключались въ правилѣ, что каждый свое могъ взять опять себѣ, гдѣ бы оно ни нашлось. Противозаконное присвоеніе чуждой собственности было несправедливостию, за коей въ древнее время немедленно следовало частное мщеніе; вмѣсто онаго въ Государствѣ установлено вознагражденіе денежное, а именно: три гривны.

Въ естественномъ состояніи при всѣхъ похищеніяхъ собственности могло встрѣтиться только два случая: или другой взялъ вещи, и онѣ найдены у него беззащитными; или взятое скрылъ онъ въ безопасное мѣсто. Въ первомъ случаѣ лишившійся бралъ свое; во второмъ случаѣ требовалъ онаго назадъ. Первоначальное правило естественнаго состоянія: брать свое, гдѣ бы оно ни нашлось, осталось господствующимъ и въ Государствѣ; оно было уважено какъ первое, главное правило. Если другой не допускалъ взять онаго, то въ естественномъ состояніи рѣшала сила, а въ Государствѣ должно было рѣшить право или правда. Здѣсь право основывалось на прошломъ положеніи, что брать непозволенное значить оскорблять другаго. И такъ рѣшить споръ о предметѣ должно было показаніемъ способа приобрѣтенія онаго, по ещѣ каждый приводилъ къ шumu, отъ кого получилъ вещь, и кто наконецъ не могъ сослаться на другаго, доставившаго ему оную, шомъ почиался за

взявшаго ону, и плащилъ за несправедливостъ денежную пеню.

Такое показаніе о пріобретеніи вещей, конхъ исхазъ другой, случалось вообще при всѣхъ пребываніяхъ, также и тогда, когда пребывалось болѣе одной, шочно определенной вещи. Здѣсь только показаніе, по болѣшей запущанности, должно было происходить предъ двѣнадцатью избранными мужами, кои собственно не рѣшали, но только свидѣтельствовали показанія. Тотъ, кошорый по сему показанію оказывался удержавшимъ чужую собственность, плащилъ три гривны за оскорбленіе.

Все право собственности основывалось на прошомъ положеніи, одинаково признаваемомъ всѣми народами: не должно брать ничего чужаго. Этимъ все сказано. Надобно только было сіе правило привести въ употребленіе. Гдѣ дѣло очевидно и легко для всѣхъ, тамъ не нужно было дальнѣйшихъ обстоятельствъ; гдѣжъ предстояли сомнѣнія, тамъ рѣшало показаніе, по есть приведеніе къ каждому владѣтелю вещи до того, кошорый не можетъ довести до владѣвшаго ранѣе его и слѣдовательно долженъ быть почтенъ за владѣтеля незаконнаго. Если дѣло было запущано, то рѣшалось также чрезъ показаніе, ш. е. чрезъ возвращеніе къ первоначальному законному владѣтелю предмета; только въ дѣлахъ болѣе запущанномъ показаніе сіе не могло быть для всѣхъ ясно, а потому и дѣлалось предъ избранными изъ общества,

и сіи - но избранные были двенадцать мужей.

Бюде эшаго ничего не заключается въ древнемъ уставѣ. Очевидна пресупошка въ первоначальныхъ распоряженіяхъ, и сіи пресупошка ешь вѣрнѣйшая порука за опдаленную онаго древность. Уголовное и частное право были въ началѣ одно и то же. Первоначально въ понятіи о вредѣ заключалось все. Пресупушокъ, обязанность, право означали одно и то же отношеніе, были однимъ и тѣмъ же понятіемъ, въ различныхъ только отношеніяхъ. Сей справедливый приговоръ здраваго человеческого разума, къ коему приводитъ сравненіе различныхъ системъ права, когда устраняемъ особенности каждой изъ нихъ (1), подтверждается и древнимъ законодательствомъ. Мы видимъ это ясно въ древнѣйшемъ законѣ нашемъ, когда говорится о собственности. Пресупушенія прошивъ собственности и пресупушенія гражданскія требованія (civil-forderungen) ни сколько не различны: о воровствѣ вовсе не упоминается, какъ объ особенномъ пресупушеніи, а и того менѣе о разбоѣ. Всѣ споры объ имуществѣ могутъ быть приведены къ пресупошму вопросу: шопъ, чрезъ кого лишаясь моей собственности, взялъ оную, или нѣтъ? ибо чрезъ взятіе только могла она

(1) Лучшее раскрытіе сего находится, по моему мнѣнію, въ *Traité de la législation civile et pénale; ouvrage extrait de manuscrits de Zéremie Bentham, par E. Dumont. Paris, 1820, 3 vol.*

прошивузаконно перейши въ его владѣніе, не смошря на то, онъ ли, или другой продашій ему, взялъ оную. Мое оспаешся моимъ; слѣдовашельно я всегда получаю мою собспвенноснѣ назадъ, ш. е. первоначальнo: я беру оную при всѣхъ шакже, какъ въ ешеспшенномъ сосшояніи привыкли прямо брашъ назадъ свое. И шопъ, кшо дѣйшвишельно взялъ мою собспвенноснѣ, должнъ заплашишъ мнѣ за оскорбленіе. Взашіе бываешъ всегда одно и шo же, какимъ бы образомъ и при какихъ бы обшояшельсшвахъ ни случилось. Оно всегда бываешъ однимъ и шѣмъ же дѣйшвиемъ, кошорое первоначально вездѣ означающъ словомъ: *взашіе*. И шакъ, заключаешъ далѣе дикой человѣкъ по простому ешеспшенному уму своему, во всѣхъ сшхъ случаяхъ должно слѣдовашъ удовлетшвореніе: въ ешеспшенномъ сосшояніи частное мщеніе, въ Государсшвѣ опредѣленное за оное награжденіе, кошорое одинаково для всѣхъ родовъ взашія. — Всѣ шакъ называемыя гражданскія шребованія касашельно собспвенносши (въ прошивноснѣ шѣмъ, кои по нашимъ понашіямъ соединающъ съ онымъ оскорбленіе уголовнаго права) основывались первоначально на обвшненіи, что другой взялъ у насъ нашу собспвенноснѣ. Если это оказывалось справедливымъ, шo онъ обшывался сдѣлашъ вознагражденіе за сіе оскорбленіе, а потому всѣ шребованія касашельно собспвенносши, если оная признана законною, влекли за собою первоначально вознагражденіе, кошo-

рое долженъ былъ заплашить прошивникъ, признанный владѣльцемъ незаконнымъ, родъ денежной пени, которую вначалѣ, какъ и всѣ денежные пени (ибо тогда были онѣ просто вознагражденіемъ), получалъ одинъ истецъ. Сія денежная пеня, бывшая одинакою во всѣхъ родахъ взятія, въ случаѣ кражи, неплатежа долга, удержанія вѣреннаго имущества и т. д., составляла въ Государствѣ наказаніе (вознагражденіе) за обыкновенную несправедливость; потому что такое задержаніе чужой собственности чаще всего наноситъ вредъ другому. И такъ оно употреблялось и въ другихъ родахъ несправедливости (при тѣлесныхъ поврежденіяхъ); или можетъ быть первоначально вознагражденіе, опредѣленное за обыкновенное тѣлесное поврежденіе, распространено было и на удержаніе собственности. Какъ бы то ни было, но во всѣхъ древнихъ правахъ находимъ ту же пеню за обыкновенную несправедливость, какъ и за противозаконное присвоеніе чужой собственности (1).

(1) Первоначально вознагражденіе, а потомъ денежная пеня. Сими замѣчаніями, основанными не на однихъ предположеніяхъ, но почерпнутыхъ изъ закона, очевидно, древняго и достовѣрнаго, объясняются странныя узаконенія древнихъ касательно собственности — многое, кажущееся намъ въ оныхъ непонятнымъ отъ незнанія разныхъ посредствовавшихъ обстоятельствъ, разрѣшится здѣсь весьма удовлетворительно, если воспользуемся всѣми положеніями, находящимися въ древнемъ нашемъ законѣ. Здѣсь видимъ мы происхожденіе перво-

Исцѣдованія о томъ, дѣйствишельно ли
сдѣлано похищеніе, въ первыхъ законахъ
нѣтъ. Это было трудомъ слишкомъ тяго-
спнымъ, о коемъ тогда нѣкто и не помы-
шлялъ. Тотъ, у кого находили чужую
вещь, почишался похищителемъ до того
времени, пока не доказывалъ противномго;
если же сей послѣдній хотѣлъ ошѣвестъ ошъ
себя обвиненіе, то долженъ былъ пред-
ставитъ, то естъ привести того, ошъ
кого онъ получилъ вещь. Наконецъ, кто не
могъ, или не хотѣлъ привести ни къ кому
другому, долженъ былъ заплащитъ вознагра-
жденіе, ибо оставался въ семъ случаѣ
виновнымъ. Пока воровство не дѣлалось
особымъ преступленіемъ; а всѣ роды про-
тивозаконнаго присвоенія почишались за
оное, подозрѣваемый въ воровствѣ почи-
шался за настоящаго вора, если не могъ ошъ-
вратить взводимаго на него подозрѣнія.

И такъ все право составляли слѣдую-
щія пять положеній: 1) ограниченія кро-
вавой мести близкою степенью родства и
установленіе денежнаго вознагражденія въ
случаѣ, если сего не возможно будетъ про-
извести въ дѣйствіе; 2) установленіе или,
лучше сказать, безмолвное допущеніе ча-
стнаго мщенія при шѣлесныхъ повреждені-

начальнаго, на правѣ основаннаго понятія о соб-
ственности. Острыки изъ законодательства дру-
гихъ древнихъ народовъ, до насъ дошедшіе, отно-
сятся, по крайней мѣрѣ къ сему періоду, и легко мо-
гутъ быть выведены изъ начала права, какъ скоро
сіе послѣднее найдено.

яхъ, и назначеніе вмѣсто онаго денежнаго вознагражденія; 3) утвержденіе самовластнаго опіянія своей собственности, гдѣбъ оную ни нашли, и установленіе, кромѣ онаго вознагражденія за поврежденіе; 4) въ случаѣ спора обращеніе къ прежнему владѣльцу, такъ что послѣдній, не могшій болѣе ни на кого указать, плащилъ вознагражденіе; 5) рѣшеніе всѣхъ запутанныхъ дѣлъ чрезъ подобное обращеніе къ прежнимъ владѣльцамъ двѣнадцашю мужами, изъ общества избранными, съ уполномочіемъ взимать вознагражденіе съ того, кто удерживалъ у себя чужое.

Изъ сего краткаго обозрѣнія видно, что первоначально уголовное и гражданское права были внутренне между собою соединены. Все право основывалось на понятіи о поврежденіи, къ коему присоединялось понятіе о справедливости и возвращеніи взятой вещи. Положеніе вещей, бывшее до учрежденія власти въ Государствѣ, есть основаніе всего первоначальнаго законодательства. Первоначально все почишалось поврежденіемъ, и на поврежденіе только обращалось вниманіе. При поврежденіяхъ личныхъ предоставлялось частное мщеніе, какъ въ состояніи естественномъ, только чрезъ постепенное ограниченіе и приманкою выгоды (собственности получаетъ большую цѣну въ Государствѣ, послику она безопаснѣе) старались содѣлать оное рѣдкимъ. При поврежденіяхъ собственности уничтожили уже частное

мщеніе; здесь это установили ранее всего, поелику боль, а следовательно и влеченіе ко мщенію не споль сильно. Вмѣсто онаго: установлено вознаграждать имущее снвомъ.

Въ первоначальномъ судопроизводствѣ все собразовалось съ естественнымъ состояніемъ. Не было судей, не было судилища, не было судебныхъ служителей, ни испцовъ, ни опѣшчиковъ. — Имя ищща еще не вошло въ употребленіе. Каждое требованіе было дѣломъ общественнымъ, подобно какъ всякое требованіе между членами семейства есть дѣло всего семейства. Предъ ихъ глазами происходило все производимо дѣла. Общеизвѣстность обезопасивала отъ несправедливости, ибо дѣла обществу не легко поскупиться несправедливо съ сочѣномъ своимъ, какъ въ семействѣ члену семейства. Первые общества произошли изъ семействъ, взаимно соединившихся. Тотъ, у кого похищали собственность, бралъ оную при всѣхъ, а похищатель шущъ же плащилъ вознагражденіе. Это было бы чрезвычайно затруднительно въ наши времена, а не въ шъ; ибо сдѣлавшій несправедливостъ не смѣлъ предъ цѣлымъ обществомъ медлить уплатою вознагражденія, составлявшаго право всего общества и которое одно могло предохранить его отъ чуждаго мщенія. Если дѣло было не совсѣмъ ясно, если вѣтрячалось сомнѣніе, то обѣ стороны, также въ присутствіи всего общества, совѣщались, но

безъ помощи прешняго лица. Они, будучи сами и свидѣтелями и судіями, при всѣхъ переходили къ тому, у кого прежде всѣхъ находилась спорная вещь, и если она взята, слѣдовательно несправедливо перешла во владѣніе другаго, то это оказывалось при изслѣдованіи. Кто не могъ оправдаться показаніемъ на предшественника, тотъ оставлялъ себя въ подозрѣніи, а по сему и долженъ былъ заплашиться. Въ семъ случаѣ какъ сей не могъ медлить уплатою закономъ поставленнаго удовлетворенія, ко-ему онъ подвергся по общему показанію, такъ и тотъ, у кого найдена чужая собственность и который не можешь показать, отъ кого оную получилъ. Я говорю: тяжущіеся въ первоначальномъ судопроизводствѣ были сами и свидѣтелями и судьями и судебными служителями: ибо мѣсто всѣхъ сихъ лицъ заступала публичность судопроизводства. — Сего изслѣдованія нельзя было производить медлительно; осмѣлившійся сдѣлать это, возбуждалъ бы прошивъ себя негодованіе цѣлаго общества: ибо оскорбилъ бы права его. Въ тогдашнее время не возможно было отважиться на такой поступокъ. Весьма рѣдко могло случиться, чтобъ гражданинъ простеръ тогда свою дерзость до такой степени, во всякомъ случаѣ, долженъ ли онъ былъ бояться ненависти своихъ соотечественниковъ, или нѣтъ. Это было бы для него все равно, какъ и добровольное лишеніе себя покровительства законовъ. Посему су-

дебными лица, и вообще судопроизводство въ шеперещнемъ смыслѣ были бы тогда совершенно изличиними. На сей-то первоначальной степенн законнаго состоянiя находимъ мы людей во время изданiя нашей Правды. Между тѣмъ не воспрещалось, чтобы тѣхъ, ошъ коихъ что-либо шребовалось, сопровождая иногда родственники или друзья (1).

Такимъ образомъ самыя паршii, соббразно повелѣнiю закона, представлялись въ видѣ двухъ гражданъ, а посему и не имѣли нужды, чтобы дѣло ихъ разбиралось шрещами,

Еслижъ дѣло было такого рода, что не могло бытъ изслѣдовано въ присущствiи всѣхъ; если оно, по запущанности своей, шребовало многихъ изслѣдованiй; тогда избирались изъ общества двѣнадцать мужей, представляющихъ въ нѣкоторомъ отношенiи все общество. Они дѣлали только то, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ дѣлаю общество. Это ясно видно частiю изъ нашего закона, ибо въ ономъ не предпшмается на свѣ случай ничего особеннаго; частiю изъ свойства первоначальнаго судопроизводства, нами описаннаго. Подобно какъ въ обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ дѣло оканчивалось простымъ изслѣдованiемъ, произведеннымъ въ глазахъ всего общества и само собою рѣшалось (тогда достаточно

(1) Такъ могли пропайти *advocati*, какъ въ другихъ древнихъ законахъ являются позднѣе.

было, если само общество видело результатъ); такъ точно и здѣсь разрѣшеніе запутанныхъ изслѣдованій происходило въ глазахъ двѣнадцати мужей. Доспашочно было, чѣмъбъ сіе происшествіе повѣрено было ихъ глазами. Никто не могъ медлить въ исполненіи по ихъ приговору; ибо двѣнадцать мужей заступали мѣсто обществу, общество (за неимѣніемъ другаго средства), сказанное ими, признавало столь же вѣрнымъ, какъ и имъ самимъ видѣнное. Здѣсь видно основаніе учрежденія присяжныхъ (jury), учрежденія весьма древняго и, вѣроятно, общаго всемъ народамъ. Двѣнадцать мужей говорили о происшествіи, по естѣ, выводили изъ изслѣдованій заключеніе (1), и такимъ образомъ произносили приговоръ; ибо право тогда не было еще особою наукою; рѣшеніе само собою происходило изъ розысканій (2).

Въ древнемъ законѣ нашемъ (ш. е. въ Русской Правдѣ) не говорится ничего о правахъ семейственныхъ и наследственныхъ. И то и другое первоначально было дѣломъ семейнымъ, въ которое не вмѣшивалось законодательство; хозяинъ или глѣ-

(1) Въ Англіи: виновать и невиновать. —

(2) Въ Англіи произносятъ это судьи — учрежденіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда составилась особая наука правъ, и фактической приговоръ въ дѣлахъ судебныхъ отдѣлила отъ правомѣрнаго. Въ древности оба они употреблялись вмѣстѣ.

ва семейства имѣлъ неограниченную власть касательно рѣшенія дѣлъ семейныхъ.

Въ древнемъ законѣ ничего также нѣтъ и о правѣ общемъ (публичномъ). Состояніе, въ коемъ находилось въ то время общество гражданское; не имѣло въ ономъ нужды: Власть Государя основывалась на тѣхъ же естественныхъ основаніяхъ, какъ и власть главы семейства; а посему и не было нужды въ постановленіяхъ касательно оной. Верховная власть Государя была проста и неограниченна. Въ общественныхъ доходахъ своихъ онъ не имѣлъ ничего общаго съ правами гражданъ, кои одни были предметомъ закона. — Государевъ Намѣстникъ употреблялъ верховную власть вмѣсто Государя; въ дѣла гражданъ вмѣшивалось все общество. Въ томъ только случаѣ, когда одинъ человекъ отказывался отъ повиновенія законамъ общества, верховная власть Государя противъ него возставала; но случаи такого рода были рѣдки, и въ прежнее время считалось правиломъ: лишать того покровительства законовъ противъ произвольныхъ дѣйствій другихъ, кто противился закону и законной власти.

Такимъ-то образомъ простой законъ нашъ, при всей своей краткости, былъ совершенно достаточенъ для того времени.

Св. Нѣм. П. Архивъ

О ТИТУЛѢ И ГЕРБѢ РОССІЙСКАГО ЦАРЯ (*).

Имя *Царь* не есть Русское, но происходитъ отъ Лашинскаго. Саязгъ. Городъ Константиннополь одинъ изъ всѣхъ былъ называемъ Царьградомъ и по сіе время сохранилъ сіе названіе. Къ тому же, одни Римскіе Императоры въ продолженіе многихъ столѣтій назывались Царями. Начиная со временъ Асана, Короля Болгарскаго (иначе называемаго Ассегномъ или Ассеніемъ), который, разбивши Императора Балдуина въ кровопролитномъ сраженіи противъ Грековъ, былъ отъ того названъ *Ρευρεδικτονος* Римскимъ (по примѣру Императ. Василія), прозваннаго *Βουλγαροκτονος* (Болгарскимъ). Послѣ чего, вступивши въ союзъ съ Греческимъ Императоромъ, получилъ отъ Грековъ названіе *Βασιλεύς*. Съ сего времени, какъ кажется, Короли Волгарскіе, прежде называемые Кралями, начали именоваться Царями. Это можно видѣть въ Акрополитѣ, который называетъ его *Βασιλεύς*, и если не ошибаемся, еще въ древнѣйшемъ Писателѣ, въ которомъ сказано, что по причинѣ родства, соединявшаго Болгарскихъ Королей съ Греческимъ Императоромъ, сіи послѣдніе дали имъ сіе названіе. Послѣ чего, въ подражаніе Болгарамъ, Русскіе Князья начали

(*) Изъ *Путешествія Рафаэля Барберини*, перевод. Адъюнктомъ Г. Галлеромъ и издаваемаго Москов. Истор. Обществомъ.

называшься Царями. Изъ сего видно, что *Царь* происходитъ отъ слова *Caesar*; такъ какъ поиспански *Zaragoza* есть названіе, происходящее отъ словъ *Caesar - Augustus*. Но по разнообразію въ произношеніяхъ изъ слова *Caesar* произошло *Цессарь*, а еще древнѣйшее и дословѣрнѣйшее значеніе онаго *Царь*. Къ тому же должно прибавить, что Греки неохотно называли своихъ Императоровъ *Каїсар*, но всегда *Вабулѣус*. Другихъ же Королей, на границахъ Имперіи находящихся, не именовали *Вабулѣус*, но *Рѣуас*. Такъ какъ Опціона Великаго Констанцінъ Порфирородный называлъ *Мѣуас Рѣѣ*, великимъ Королемъ; посему-то владѣльцы Болгарскіе отъ Грековъ называемы были (*Crales*) Кралами, то есть *Король яма*. Но въ послѣдствіи времени, какъ выше сказано, начали называшься *Вабулѣус*. Изъ сего видѣть можно, что Болгары и другіа Славянскія племена называли Греческихъ Императоровъ Царями. Почему тогда, который погречески назывался *Вабулѣус*, всеми Славянами называемъ былъ Царемъ. Отъ сего и переводчикъ Святеннаго Писанія, Блаженный Кириллъ Кесалонійскій, родомъ изъ Грековъ, думаетъ, что слово *Царь* есть слово, принадлежащее сему языку и не имѣющее другаго значенія, какъ по нашему Король, а поному и переводить въ Священномъ Писаніи *Rex* словомъ *Царь*. А слѣдующій стихъ: *Non habemus regem, sed Caesarem*, вмѣсто того, чтобъ сказать: *Nimamo Craia, tасmo Zара*, пишетъ такъ: *Nimamo Zара, tасmo Kesara*, какъ будто бы

въ поддѣлики было; Non habemus Caesarem, sed Kesarem. По бѣдности языка, онъ долженъ былъ упопрѣблѣть Греческое слово Каезаръ, которое ни въ какомъ Славянскомъ нарѣчїи не было извѣстно и не могло бытъ замѣнено другимъ; а поелику Славяне не могли, такъ какъ Греки, перевести Лапинскаго слова *се*, на *де*, по тому что не имѣли въ своемъ языкѣ произношенїя буквы *се*, то не токмо Содомотъ и Александръ, но и гораздо меньшіе владѣльцы названы Царями въ переложенїи Св. Писанїя. Сїе подало поводъ и Русскимъ Князьямъ, не могшимъ равняться достоинствомъ съ Королями, присвоить себѣ имя Царя, и такимъ же именемъ называющѣхъ некоторыхъ Тамарскихъ Князей, признававшихъ надъ собою власть Турецкихъ Государей. Слово Царь повторається также, для означенїя Королевскаго достоинства, при наименованїи некоторыхъ странъ, чѣмъ и доказывається, что владѣльцы оныхъ имѣютъ право называється Царями. Изъ сего выводитъ нашъ Писатель, что *Caesarea Maiestas* не имѣетъ одинаковаго значенїя съ словами *Zarskoe Velicestvo*, которыя, по мнѣнію Русскихъ, не значащъ Цесарское, но Королевское Величество, зная, что никакой владѣлецъ, выключая Римскаго Императора (и можешь быть, Нина, Дарїя и Александра) не имѣлъ права называється Цесаремъ (*Caesar*) — слово, которое исключительно принадлежитъ Римской Имперїи. Сїе слово, будучи превращено въ слово Царь Блаженнымъ переводчикомъ и вообще всѣмъ на-

редомъ и пошеравъ свое прежнее значеніе, употреблено было вмѣсто слова *Crai*, но и назывался Свѣшлѣйшій ихъ Князь Царемъ, шишулъ, означающій не Цесаря, но само-державнаго владѣльца, Богомъ вѣнчаннаго. Еще находясь при Московскомъ Дворѣ книга о посольствахъ Россійскихъ и Польскихъ, въ кошорой видны безпрерывныя ссоры по случаю названія сего Царя. Подяки привозили письма безъ Царскаго шишула, отъ чего неоднократно начинались ссоры, послѣ коихъ разсавались врагами и не рѣдко принимались за оружіе. Русскіе спрашивали: почему вы такъ безчестите того, который Богомъ вѣнчанъ? Поляки отвѣчали: сей шишулъ не можеть принадлежать вашему Князю, пока онъ (Князь) не опшравитъ посольства къ Христіанскимъ Державамъ и не испроситъ ихъ согласія для присвоенія себѣ оного. Русскіе возражали: ни посольство, ни шакое согласіе не нужны, пошому что, кпо имѣеть право на прешолъ, царшвуеть по волю Божіей; кпо можеть прошивишься всѣмъ Государямъ, тошъ есть истинно Царь; наконецъ Богъ и правда сильнѣе всѣхъ людей. Таковые споры были причиною, что во всей Европѣ прошивъ всякаго правосудія и вопреки правъ Россійскихъ Государей, не признавали ихъ Царями, тогда какъ безъ прошиворѣчія называли Королями владѣльцевъ, усшупающихъ имъ въ могуществѣ, и даже цохишиселей прешола и пришѣснишелей народовъ. Пока-завши такимъ образомъ начало и настоя-

иій смыслъ слова *Царь*, увидимъ, что, по мнѣнію нашего Писателя, могло оно еще произойти отъ Еврейскаго слова *Царакъ* или *Саракъ*, или отъ двухъ послѣднихъ слоговъ Халдейскихъ именъ Баллазаръ и Салманазаръ. Но такое толкованіе опровергается уже изложенными доводами и фактами, что Славяне, не имѣвши никакихъ сношеній съ Евреями и Халдеями, не могли заимать отъ нихъ слова *Царь*.

Послѣ сего сочинитель повѣствуетъ, что Царь Іоаннъ Васильевичъ первый помѣстилъ орла въ гербъ своею, потому что выводилъ свое происхожденіе отъ Римскихъ Императоровъ, а, по словамъ другихъ, отъ Юлія Цесаря, чего не можно полагать совершенно невѣроятнымъ, если замѣтимъ, что Магѣй, Король Венгерскій, полагаясь на уваженіе своего Исторіографа, почиталъ себя потомкомъ Мессалы Корвино, и что многія колѣна и города вымышляли, или върили подобнымъ преданіямъ о своемъ происхожденіи, полагая, что оное недостоинство уваженія, ежели не теряется во временахъ Трои. Но другіе Цари Россійскіе, не подражая честолюбію Іоанна, оставили орла въ своемъ гербѣ не потому, что онъ былъ принятъ Римлянами, но какъ имъ принадлежащій по ихъ выбору и соизволенію. По сей причинѣ, говоритъ нашъ авторъ, ихъ орелъ не былъ изображенъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ и по сіе время находилъ въ гербѣ Западной Римской Имперіи; если же въ семъ случаѣ Русскіе Князья и взяли въ

уваженіе Римской герба, по сіе, можетъ бытъ, потому, что послѣ совершеннаго разрушенія Греческой Имперіи, завоевателями уничтожили и прежній гербъ оной. А такъ какъ Русскіе Цари одни изъ всѣхъ Государей были Греческаго вѣроисповѣданія, то и хотѣли возобновленіемъ презрѣннаго герба почтить память Греческихъ Императоровъ, еще нѣмѣ болѣе, что въ семъ подвигѣ видѣли дѣйствіе духа всего падшаго народа.

Значеніе нѣкоторыхъ Славянскихъ словъ:

Samodarses, Cnees, Gospodar, Pravednoe sonze, Ban, Supan, Pan, Voivoda, Bogliaria, Vladica, Rusin, Harvat, Sarbin, Slovia.

Сей шишуль (Samodarses) переводится словомъ самодержецъ, что буквально по-гречески значить 'Автоκράτορ, то есть Государь Монаръхъ.

(Cnees) значить человекъ, имѣющій владѣнія, или силу, власть; почему переводчикъ Священнаго Писанія переводить 'Архевъ, Princeps, словомъ Cnees. Сіе названіе у Русскихъ дается только людямъ знатнѣйшаго рода, у Поляковъ и Богемцевъ однимъ духовнымъ, у Кроашовъ дворянамъ и художникамъ, но не духовнымъ особамъ, и значеніемъ равняется Испанскому (Don); для означенія военныхъ чиновъ не употребляется слово Cnees, потому-то и не значить Veliki Cnees (Gran Duce) Великій Герцогъ, но (Gran Prince) Великій Князь.

Voivoda означить Герцога (Duce) и произносится съ удареніемъ на второмъ словѣ:

Сіе слово составлено изъ *voyi*, *солдатъ*, *воинъ*, или изъ *voiska*, *ратъ*, *войско*, и изъ слова *voditi*, *вести*, *водить*.

Gospodar, славянски значить господинъ, хозяинъ дома, и происходитъ отъ слова *gospodin* (*signore*) господинъ; но Русскими употребляется, когда говорятъ о Князѣ или знатномъ чловѣкѣ въ Государствѣ, и поному дають сіе названіе всякому Владѣтельному Князю.

Есть еще изрѣченіе, часто употребляемое простымъ народомъ, которымъ величаютъ онъ своего господина, говоря: *pravednoe sonze* (*il vero sole*), истинное солнце. На вопросъ: для чего даешь ему таковое названіе, отвѣчаешь: поному чпо онъ *Upravitel pravoslavnee vîgi*, шо есть защитникъ правой вѣры.

Слово *Вар* (которое Константинѣмъ Порфиророднымъ написано какъ *Ворар*) означаетъ должность, достоинство, и присвоено было правителю или Вицекоролю Кроаціи и всегда пишется Латинскими буквами слѣдующимъ образомъ: *Varus*. Оно происходитъ отъ глагола *boiatisie* или *batise*, шо есть бояться, спрашиваться; сіе причастіе перевести можно словомъ *timendus*.

Порфирородный повѣствуетъ, что Славянскіе народы древѣ не признавали властии одного Государа, но управляемы были старшинами по округамъ или участкамъ, называемыми *Supa*. Сіи правители извѣстны были подъ именемъ *Supari*, которое во многихъ писателяхъ переведено словомъ

Зорнавоа и Sovnav. Сія Supani перемѣнили свое названіе въ Поляхъ, а пошомъ и въ Россіи на слово Voivoda, которое Поляки замѣнили Лашинскимъ словомъ Palatinus. Но въ Кроаціи и Венгріи оспалось древнее названіе, сокращенное на zran и zbran; въ Лашинскомъ языкѣ названы они Comites, Графами, коихъ раздѣлять должно: на Графовъ по должности, имъ исправляемой, и называемыхъ Comes (всегда съ прибавленіемъ) Comitatus talis, и на Графовъ по праву наслѣдія, для различія называемыхъ непремѣнными, коихъ шишулъ писался слѣдующимъ образомъ: Comes Ioannes Drascovitius, Perpetuus de Tracostian, Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae Banus. Отъ слова Supan произошло слово ran, которое въ употребленіи у Поляковъ и Богемцевъ, но другимъ Славянамъ не извѣстно; оно значить господинъ. Другіе же употребляютъ вмѣсто сего слово gospodin.

Bojar (или Bogliar и Bogliarin) происходитъ отъ слова Bogli и значить у Русскихъ *больше, сильнѣе*, а у Кроатовъ *лучше, предпочтительнѣе*. И такъ слово Bogliar означаетъ вельможей, первыхъ особъ въ Государствѣ. Dumni Bogliari, то есть Совѣтники Царскіе, такъ названы отъ слова дума, *совѣтъ*. Московитяне не всегда говорятъ Bogliarin, но такъ же boarin, отъ чего, какъ кажется, произошло слово Barone. Другіе, писавшіе Bogliar, съ Лашинскимъ окончаніемъ, сдѣлали изъ онаго слово Boiarones, которое, по видимому, спало извѣстно въ Италіи со вступленія въ нее войска Коро-

лѣ Одоакра. Сей же Одоакръ, по житію Историковъ, былъ родомъ Славянинъ, что подтверждается именемъ его, потому что имя Otosar (которымъ назывались и другіе Короли Богемскіе) происходитъ отъ слова otok, островъ, и значить островскій.

Ladica (или съ согласной буквой V) Vladico, есть названіе; присвоенное верховному духовенству, такъ какъ у Италіанцовъ Monsignore, и значить погречески *Δεσπότης*, dominus. Симвъ словомъ еще величаютъ Господа Нашего Иисуса Христа, а происшедшимъ отъ онаго Vladicitz, *Δεσπότης*, Пресвятую Матерь Божію. Русскіе даютъ сіе имя первосвященникамъ, не потому что оно имъ принадлежитъ, но изъ уваженія къ высокому ихъ сану, который означается словомъ Епископъ, то есть Архіерей.

Писатели, производящіе названіе Русскихъ отъ слова *разсѣяніе*, ошибающіеся потому, что глаголь *rassijati*, или *rossijati* (разсѣять, раздѣлить на разные народы), иными произносится на а, другими на о, но никогда на и, и всѣми выговаривается, какъ выше написано съ двумя з. Напримѣръ, въ словъ Rusin, то есть Русскій, всѣми произносится буква и, а только одинъ з, и такъ Rassijan, disseminatus, не то, что Rus (то есть Flavo), отъ котораго произошло слово Russin (такъ какъ Латинское flavus). Rus безъ сомнѣнія было имя перваго Князя, отъ котораго сей народъ, такъ какъ и другіе отъ своихъ предводителей, получилъ прозваніе Русскихъ, Russi.

Накоторые Историки писали, что Славяне такъ названы были отъ слова *slava*, *слава*; но сіе мнѣніе не основательно, по тому что каждое Славянское племя иначе выговариваетъ гласныя буквы въ иныхъ словахъ общаго всемъ языка. На примѣръ Кроаты говорятъ *Glava*, а Поляки *Glova*, Саро, голова. Но въ словѣ *slava* у всѣхъ единоголосно произносятся первый слогъ на о, тогда какъ въ *Slavoni* (отъ котораго взято Латинское *Sclavoni*) никогда и ни которымъ изъ сихъ народовъ буква о въ первомъ слогѣ не перемѣнялась на а. Иные думаютъ, что *Slovini* произошло отъ *slovo*, и народъ названъ *Slovini*, по тому что былъ словоохотенъ, говорливъ. Но сіа догадка несправедлива по той причинѣ, что всѣ Славянскія племена (выключая Поляковъ) весьма далеки отъ болтливости, а говорятъ тихимъ голосомъ и медленно, для того что имѣютъ языкъ часто измѣняющійся, преисполненный трудностями и недоспащочный въ постоянныхъ правилахъ для составленія речей, въ чемъ сходствуешь съ Латинскимъ языкомъ, которымъ весьма трудно говорить и писать правильно, не имѣя времени припомнить и найти извѣстные правила и примѣры. Изъ сего же, сей языкъ почти не имѣетъ бранныхъ или богохульныхъ словъ (выключая двухъ или трехъ), ни другихъ выраженій, означающихъ низость или презрѣніе. И такъ Славяне, *Slovini*, получили свое названіе отъ *Slovino*, имя первого ихъ предводителя въ то время когда наро-

ды начали расходиться. Сіе шѣмъ въроизнѣе, что они безъ сомнѣнія должны были имѣть родоначальника, подѣ именемъ коего сшали извѣстны, такъ какъ и другіе народы назывались именами своихъ вождей.

Когда писали на Греческомъ и Лашинскомъ языкахъ слово Slovonі, то раздѣляли букву о ошъ буквъ L, M, N, K другою буквою, пошому что С предѣ сими буквами имѣетъ произношеніе рѣзкое и швердое, коего въ сихъ языкахъ почти не возможно выразить: Для сего Греческіе Историки поставляли иные каппу; другіе ѳишу между буквами ситмы и ламвды и писали то Sklavini, то Sthlavini. Къ тому же, шѣрпѣвшіе нападѣнія и рѣзоренія ошъ Словянъ, въ особенности ошъ Князя Волгарскаго Сгупо или Согупо (своими прозваннаго Грознымъ, Sarditi Согуп Vaivoda), убившаго Императора Никѳора и ошъ прѣемниковъ его въ продолженіе многихъ столѣтій; Греки, изъ ненависти и презрѣнія къ врагамъ своимъ, упошребляли для самой тяжелой работы на галерахъ всѣхъ военныхъ, и настоящій смыслъ слова Slavini перемѣнили и толковали, какъ бы оно означало раба, невольника; въ слѣдствіе чего во всей Европѣ невольники называемы были slavini, невольники. Еще не менѣе странно и несбыточно писалъ Константинъ Порѣ: о значеніи слова *Σέρβων*, говоря, что Сербы такъ называются пошому, что они рабы; служители Римлянъ и прозваны еще *Τεσιφοοτα*, то есть обувы, башмакъ. Но должно замѣтить, что сей народъ на соб-

списенномъ нарѣчїи называется *Sarbi*; въ
 опшомъ словѣ пишется и выговаривается бук-
 ва В, а не Латинская согласная или Гречес-
 кая Θ. Имя же свое получили Сербы отъ пер-
 ваго предводителя *Sarblin*, Сарблина, о коемъ
 упоминають народныя ихъ пѣсни. Посему
 и не должно выговаривать *Servia* или *Sérviani*,
 но *Sarbia* и *Sarbi*, тѣмъ болѣе, что Сербы
 никогда не были подданными Римлянъ, но
 напрошивъ постѣ всѣхъ Славянскихъ наро-
 довъ лишены были свободы и покорились
 власти Опшомановъ. Онъ же Константинъ
 говоритъ, что Кроаты *Хреубато*; такъ на-
 званы отъ *хѣуба*, Королевскій: *quasi multam*
regionem tenentes, прибавляя, что во время
 ихъ Князя *Хреубата* раздѣлялись они на раз-
 ныя народы одного происхожденія. Сіе по-
 слѣднее названіе справедливо; но первое
 не доказывается основательными доводами,
 потому что Кроаты на собственномъ нарѣ-
 чїи называются *Harvati*, отъ перваго своего
 Князя *Harvata*; еще замѣтимъ, что слово *Groa-*
to всѣми непристрасными и уваженія до-
 стойными Латинскими Историками пишется
 по правилу втораго склоненія на *us*,
Groatus; а что тѣ изъ нихъ, которые пи-
 шутъ по первому, то естъ на а, *Groata*,
 желая доказать варварское происхожденіе
 сего имени, давъ ему одинаковое окончаніе
 съ словами *Scytha* и *Geta*, обнаруживающее
 чрезъ то приспращіе свое или неразумѣ-
 ніе и тѣмъ доказываютъ, что многіе дава-
 ли ложныя свѣдѣнія о сихъ народахъ попо-

му, что не всегда писал. Но, что съ истиной было согласно,

Г.

ИЗЪ ИСТОРИИ ИТАЛІАНСКОЙ ЛИТ- ТЕРАТУРЫ (*).

Ч т е н і е I.

Великій трудъ предложить мнѣ: и предпринять написать, — по крайней мѣрѣ, собрать изъ разныхъ писателей и представить вамъ на Русскомъ языкѣ — Исторію Италіанской Литтературы, то есть Исторію начала всѣхъ наукъ въ Италіи. Я обязанъ показать вамъ, какъ онѣ рождалась, цвѣли, приходили въ возрастъ зрѣлости, совершенствовались; что благопріиспособовало, что не благопріиспособовало имъ; кто изъ жрецовъ ихъ достигалъ большей славы; кто покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ; кто распространялъ ихъ.

О знаменитѣйшихъ писателяхъ и такъ называемыхъ образователяхъ (umanista) говорить буду пространно, о менѣ славныхъ — коротко, о многихъ — только намекну. Не опущу случая говорить о сред-

(*) Издатель предполагаетъ составить полный курсъ Исторіи Италіанской Литтературы; здѣсь предлагается первое чтеніе и то неполное.

спвахъ, одъ способствовавшихъ образованію
знаній; посему въ вшеніяхъ нашихъ зай-
мешь не последнее мѣсто Исторія обще-
ственныхъ учебныхъ заведеній, Библіотекъ,
Академій, Типографій и црствъ. Выдланъ
членей нашихъ войдутъ и такъ называемыя
свободныя школы; п. е. Живодисъ, Валидія
и Содчествю, потому что они пѣсно славятъ
ны, если не со всеми науками, до крайней
жръ, съ Словесностію; въ настоящемъ ея
значеніи.

Исторію нашу начнемъ не съ рож-
денія, но съ возрожденія наукъ въ Ита-
ліи, и посему нужнымъ почитаю гово-
рить о Литтературѣ Эпрусской и Рим-
лянъ, прежнихъ общащелей Италіи; не
намѣренъ вести васъ по лабиринту плни
вѣковъ, пропекшихъ между паденіемъ За-
падной Имперіи и пробужденіемъ ума чело-
вческаго въ Южной Европѣ. Начнемъ Ис-
торію нашу съ двѣнадцатаго вѣка, славна-
го въ лѣтописяхъ міра шоржественнымъ
пробужденіемъ умственной дѣятельности
и самобытности, — двухъ счастливыхъ вос-
питанельницъ просвѣщенія.

По плану, предположенному мною, Ис-
торія Литтературы должна предшество-
вать Исторіи Политическая того времени,
которое намѣрены мы разсматривать въ
отношеніи литтературномъ. Ей посвя-
щается нынѣшнее членіе.

Политическое состояние Италіи до дванадцатаго вѣка. Провужденіе дѣятельности ума и самобытности.

Долго шатавшаяся въ изнеможеніи Западная Римская Имперія пала наконецъ. Августулъ, послѣдній изъ Римскихъ Императоровъ, сѣдѣлъ Одоакромъ Геруломъ на Сѣверѣ по происхожденію, принявъ имя названіе Короля Италіи. Съ нимъ владычество Рима въ первый разъ перешло къ народамъ Сѣвера.

Прошло пять вѣковъ; и Беренгеръ, вельможа Италіанскій, Маркизъ Иврскій, принявъ бразды правленія надъ Италіею. Соотечественники возложили на главу его корону; соотечественники свергли его съ престола. Вельможи призвали изъ опдавленныхъ предѣловъ Германіи Саксонца Оттона, Короля Нѣмецкаго; добровольно покорились ему и поднесли не Королевскую, но Императорскую корону, которая за два вѣка украшала Карла Великаго и отнынѣ была у его потомковъ. Спранный оборотъ! Они свое отечество, нѣкогда независимое, самостоятельное, превратили въ провинцію и подчинили владычеству Германіи.

Эти два переворота въ Италіи нанесли глубокіе слѣды несчастій, которыми подверглась она для того, чтобы снова принять характеръ, ей свойственный, и ту силу духа, которая сдѣлала ее достойною самобытности. Перевороты сіи

какое-то соотношение въ главныхъ общоисповѣдывавъ и еще болѣе въ послѣднихъ; ибо, заставивъ увидѣться великихъ бѣдъ, заставили Италію извлечь изъ нихъ для себя великую, неожиданную пользу. Первый указавъ Риму послѣдній предѣлъ униженія: съ этого времени тогда же у Италианцевъ рождались доблести и мужество, подавленные тиранніей; послѣдній, казалось, привелъ Италію къ жесточайшей зависимости отъ Германцевъ, древнихъ ее враговъ; но онъ же вдохнулъ въ сердца Италианцевъ новые пламенные порывы самобытности, которая была непосредственною причиною основанія Республики.

Исторія Августа и Одоакра, Беренжера и Ортгона Великаго одинаково темны, эти времена глубокаго невѣжества покрыты густымъ мракомъ; но между Италианцами пятого и Италианцами десятаго вѣка видна чрезвычайная разница: въ первую эпоху народъ дошелъ до послѣдней степени униженія, до какой только образованное Государство можетъ быть доведено тиранніей; во второй эпохѣ Италия приобрѣла всю силу духа, всю независимость характера, какую только можетъ достигнуть необразованному народу борьба съ несчастіемъ.

При послѣднихъ Императорахъ Римъ не высшаго сословія, казалось, не способныхъ были ни къ какой великой, ни къ какой благородной оспраши; никакое мечаніе онъ

личія не одушевляло. ихъ: они не имѣли ни превосходства ума, ни превосходства славы; чуждаясь общественныхъ, домашнихъ, они, казалось, еще нѣмѣ стѣснялись, когда всступали на поприще гражданское или военное. Правда, изъ всего народа, ихъ только имена упоминаются иногда въ Исторіи; но это бывало только въ такихъ случаяхъ, когда говорилось о разграбленіи имуществъ ихъ и ихъ несчастіяхъ. Можно пересказать, сколько драгоценныхъ сосудовъ похищали Варвары изъ ихъ великопныхъ домовъ, сколько тысячъ рабовъ убили въ ихъ владѣніяхъ; но ничего сказать о нихъ самихъ. Они не оставили никакихъ по себѣ слѣдовъ: ни характеръ, ни достопамятныя дѣянія, ни таланты, ни доблести — ничто не оплачало ихъ опъ шодды; они незамѣтно прошли по землѣ въ поспыдномъ ничтоженствѣ. Остальная часть народа была еще хуже Значи, если это могло быть. Войска набирались изъ Варваровъ, или наполнены были рабами; и напрасно спрашиваютъ у Исторіи: гдѣ были Италіанцы? При чтеніи лѣтописей Западной Имперіи послѣднихъ временъ нужно большое усиліе, чтобы не забыть, что дѣло идетъ о Государствѣ обширномъ. Вы видите, что войска состоятъ изъ горсти людей; сокровища ищощены на излочныя пошребности; усиліе бесполезно даже противъ слабаго врага; народъ и Сенатъ молчатъ; начальники спраши даютъ или опнимаютъ верховную власть, у неиз-

эпохи, потому что во всех сословіяхъ народа нѣтъ ни одного человека, который бы въ состояніи былъ взяться крѣпкими руками за бразды правленія.

По возшествіи Опшона Великаго на престолъ Италіи благородные, гордые, независимые Италіанцы съ жаромъ искали славы и власти; они не могли уже удержаться отъ негодованія, если не ихъ избирали въ судьи, или чиновники, если не они были министрами своихъ Государей, защитниками своего опечесства. Другіе изъ нихъ, низшіе дворяне, во многихъ случаяхъ обнаруживали силу духа и мужество; не имѣя большой власти, они, по крайней мѣрѣ, сражались за независимость, укрѣпляли зѣмки, приготавливали къ войнѣ земледѣльцевъ, пребывали участіемъ въ народныхъ собраніяхъ, противорѣчили несправедливымъ законамъ, отказывались платить подати, если онѣ назначались не съ ихъ предварительнаго согласія. Жители городовъ въ свою очередь, сильныя своимъ соединеніемъ, возмущали въ защиту своихъ правъ, муниципальных обыкновений и той самобытности, которая не есть удѣлъ одного класса людей, но должна принадлежать всемъ, когда всѣ мужествомъ и добродѣтелями умѣютъ быть достойными ея. Весь народъ одушевленъ былъ однимъ и тѣмъ же началомъ жизни; онъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствовалъ съ усиленіемъ, испытывалъ свои способности, не умѣя еще употреблять ихъ для своей защиты, или для своего счастья, и показывалъ, хотя

еще шемно, неопредѣлительно, чини́тъ рожденъ къ великому, необычайному.

По разрушеніи Западной Имперіи образованіе заключилось въ пределахъ Восточной Имперіи; Константинопольскіе Императоры владѣли еще Греціею, Фракіею, частию Иллиріи, Малою Азіею и Египтомъ. Провинціи, составлявшія Западную Имперію, раздѣлены были между Сѣверными народами; Франки утвердились въ Галліи, Англо-Саксонцы въ Британіи, Визи-Готы въ Испаніи, Вандалы въ Африкѣ, а Одоакръ царствовалъ въ Италіи.

Впрочемъ владычество Одоакра не ввело въ Италію новыхъ Варварскихъ народовъ; войско его было войско, такъ сказать, наемное. Правленіе наемниковъ и царство Одоакра продолжалось только семнадцать лѣтъ. Это былъ переходъ отъ правленія Римлянъ къ правленію Варваровъ.

Спустя четырнадцать лѣтъ послѣ вѣнчанія Одоакра на преселѣ, Италіею овладѣлъ Теодорикъ, Царь Остроготовъ. Онъ призвалъ Италіанцевъ къ должностямъ гражданскимъ, а Готы къ должностямъ военнымъ; заставилъ другихъ Варварскихъ народовъ починать Италію; положился на собственныя силы и на Римскій народъ, долго находившійся въ униженіи и только со времени владычества Остроготовъ начавшій открывать въ самомъ себѣ нѣкошорыя доблести.

Владычество Готтесовъ продолжалось шестидесятью лѣтами года, изъ коихъ одиннадцать лѣтъ употреблено на поддержаніе войнъ противъ Грековъ, вѣдѣнныхъ прежде Велизаріемъ, потомъ Марсесомъ. Нарзесъ, оскорбленный Императоромъ, тайно призываетъ въ Италію Лонгобарды Алабоны.

Лонгобарды между Германскими народами почтились самыми воинственными, твердыми и свободными. Завоеваніе Лонгобардовъ для Италіи было, нѣкоторымъ образомъ, эпохою возрожденія; всюду начали возстановляться независимыя власти; и страна, долго славившаяся лешаргическимъ сномъ, возвращено начало жизни.

Монархіа Лонгобардовъ состояла изъ шестидесяти лѣтъ и довольно славно: многие Государя показали отличныя способности въ управленіи; много памятниконъ мудрости оставили они въ своихъ законахъ. Но Лонгобарды не сошлись съ Италианцами; Готтесы — предшественники ихъ — въ эпоху оплошности были счастливы.

Между тѣмъ, какъ Лонгобарды, заботившіеся о распространеніи потомства своего, усиливали въ Италіи народонаселеніе, Италианцы ослабляли его: многие изъ нихъ не вступали въ бракъ, многие оставляли родину, переселялись въ земли, оставшіяся въ рукахъ Грековъ, и къ новому отечеству привязывались полнымъ чувствомъ любви.

Домбурдъ, правнѣе дикемъ Стера, переселились на Югъ, начали дѣржать физическую и моральную силу; и предъ паденіемъ своимъ, какъ обыкновенно бываешь, сильнѣе замѣняли ее насиліемъ. Владѣнія ихъ перешли къ сильнѣйшему — къ Карлу Великому, который въ послѣдствіи времени вѣнчался въ Римѣ Императорскою короною. Но Императорское достоинство, кажется, было однимъ призракомъ, власнымъ какъ для него, такъ и для его преемниковъ: правомъ избранія располагалъ Папа, и сановники Государствъ Французскаго и Италіанскаго.

Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что время царствованія Карла Великаго заключаетъ первый зародышъ Италіанской Поэзіи, возрасшій въ послѣдствіи времени и прелестныя цвѣты и богатые плоды.

Современникъ Аль-Рашида, Карлъ Великій, по необыкновенному характеру, былъ чудомъ среднихъ вѣковъ и первымъ стяжедемъ провѣщенія въ невоздѣланной Европѣ. Я бы хотѣлъ говорить о немъ пространно; но многимъ многое, касательно его, извѣстно; многое оставляю до другаго времени.

Наслѣдники Карла Великаго были люди безъ отличныхъ дарованій, и еще, можетъ быть, къ лучшему; иначе могла бы возшатавшаяся всеобщая Монархія, соревнованіе народовъ погнбло бы и челоувѣчество, до половины образовавшись, сдѣлалось бы неподвижнымъ, подобно Китайцамъ.

Карль Великій умеръ въ 814 году. Мо-
нархія, основанная имъ, оспавалась подъ
упрежденіемъ его Дома щолько 73 года.
Карль Толстый, послѣдній изъ Наролинговъ,
умеръ чрезъ годъ по паденіи съ престола.

Происшествія, послѣдовавшія за низло-
женіемъ Карля Толстаго, по мѣрѣ прибли-
женія ихъ ко времени образованія Италій-
скихъ Республикъ, достойны особеннаго
вниманія. Въ продолженіе 63 лѣтъ ошъ
изгнанія Наролинговъ, до вступленія на пре-
стола Оттона Великаго, характеръ народ-
ный въ первый разъ начинаетъ разыгры-
ваться, если смѣю такъ выразиться; въ
большей части городовъ установилось и раз-
вилось благородное желаніе самобытности.

Лонгобарды учредили въ своей Монар-
хіи прицать главныхъ удѣловъ (feud), подъ
именемъ Графствъ. Скоро удѣльные владѣ-
тели зашли между собою войны; изъ бо
лѣтъ, въ продолженіе коихъ сіи войны не
угасали, 33 года царствовалъ Беренжеръ,
прежде съ титуломъ Короля, а послѣдніе
9 лѣтъ съ титуломъ Императора.

Время царствованія Беренжерова озна-
меновано нашествіемъ на Италію новыхъ
народовъ Сѣверныхъ и Южныхъ — Венгровъ
и Сарацинъ. Первые полѣка опустошали
Италію и возвратились, откуда пришли —
въ Паннонію; вторые опали у Грековъ
Сицилію, откуда перешли въ Неаполь, и
опустошали города и селы до самыхъ вратъ
древней столицы міра.

Другіе Сарацины, вышедшіе изъ Италіи, ворвались во владѣнія Піемонта, разграбили Акви и пробрались чрезъ гору С. Бернарда. Опятъ два народа — Венгры и Сарацины — искавшіе не постоянныхъ завоеваній, но одной добычи, какъ будто поддались Импатіею: первые опустошали страну, лежащую отъ Ствѣра къ Тибру, вторые грабили земли, простиравшіяся до Югу сей рѣки.

Войны съ Венграми и Сарацинами имѣли непосредственное вліяніе на свободу городовъ. До сего времени всѣ города Импатіянскіе были открыты, не укрѣплены; они не принимали никакого участія въ правденіи и не имѣли своего войска: граждане не на такомъ были счету, чтобы думать, что у нихъ есть опечество. Но когда необходимость заставила ихъ защищаться собственными силами противъ грабительства, всюду распространявшагося и неоспаиваемаго никакимъ войскомъ, никакими жѣрами со стороны правительства; оставленные самимъ себѣ, прежде обнесли они стѣнами города, потомъ составили свои войска, и наконецъ избрали изъ среды своей начальниковъ. Народъ низшаго сословія въ свою очередь призванъ былъ дѣйствовать. Тогда-то пріобрѣли они энергію характера, которая должна была со-творить ихъ гражданами.

Впрочемъ орды скипавшихся народовъ имѣли на Италію вліяніе какъ враги — и не болѣе; они не смѣшались съ природными

нишеломи, не дали имъ прижрѣвъ: Венгры были народъ эвзрскій; Сарацены, военная колонія Мавровъ Африканскихъ, совсѣмъ не походили на образованныхъ подданныхъ Калифа. Это было — отребіе народа, знавшее одно искусство войны или, лучше сказать, грабительства. Спустя два вѣка, школа Солериская, торговля Пизы, Генуи и Венеціи и Крестовые походы — вошь что придало Италіанцамъ и ихъ Лигишерамъ какой-то восточный опшѣнокъ.

Беренжеръ, одинъ изъ лучшихъ Государей своего времени, Беренжеръ, сражавшійся съ Венграми болѣе мужественно, нежели счастливо, палъ подъ мечемъ немцы. На престолъ возшелъ убійца его Гургонъ — Графъ Прованскій, Французъ среднихъ вѣковъ (*), свроломный убійца многихъ вельможей, убійца лучшихъ гражданъ, убійца родныхъ; онъ зналъ одно право — право Восточныхъ Властелиновъ.

Въ анархическое правленіе Беренжера и его предшественниковъ, Лонгобарды свободны были не по твердости своихъ постановленій, но, напротивъ того, по слабости ихъ. Когда тиранъ истребилъ сильнѣйшихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей; когда онъ роздалъ важнѣйшія должности сѣпюкія и духовныя своимъ приверженцамъ; — народъ безпрекословно преклонилъ предъ нимъ рабскую выю. Не по слабости характера, но по недостатку политическаго устройства

(*) Знакомымъ съ Исторіею извѣстно, что такое были Франгузы среднихъ вѣковъ.

они не въ силахъ уже были возстать безъ престопагого пособія. Для сверженія притѣвляемаго ему нуджа была чуждая помощь, и оша помощь подана ему Германією. Въ первый разъ выгоды двухъ народовъ и двухъ Монархій слились въ одно, и на престолъ Ломбардіи взошелъ Государь Саксонскій.

Беренжеръ, Маркизъ Иврскій, внукъ по матери Беренжера Иго, тайно преслѣдуемый Гугономъ, бѣжалъ ко двору Оппона Великаго, царствовавшего тогда въ Германіи. Сильный и великодушный Государь позволилъ Беренжеру собрать недовольныхъ Италіанцевъ и произвольно дѣйствовать противъ Гугона.

Переворотъ производился дѣйствительно оружіемъ однихъ Италіанцевъ. Беренжеръ съ небольшимъ войскомъ вступилъ въ Ломбардію; вездѣ овладѣлъ для него коропа городовъ и крѣпостей; по мѣрѣ приближенія къ цѣли, войско его умножалось; Гугонъ шрепешалъ и не смѣлъ выйти въ бой. Маркизъ Иврскій развалъ въ Миланъ Государовенные Чины. Помѣстныя владѣтели почувствовали, что наступило время ихъ владычества; но не желая потерять его снова, они старались уравновѣсить власть между двумя искаженіями прона. Они Кородемъ Ломбардіи признали Гугонова сына, а Беренжеру поручили общее управленіе Государствомъ.

Обманушый надеждою, Беренжеръ поспѣшилъ освободиться отъ новаго соперни-

ка и, прошивъ желанія подданныхъ, вѣнчался на Королевство. Тогда народъ, опасившійся въ Король безъ совѣстника увидѣлъ новаго тирана, прибѣгнувъ къ Оттону и просилъ его принять Ломбардію подъ свое покровительство! Оттонъ послалъ двухъ походовъ въ Италію принялъ надъ нею бранды правленія.

Иногда никакой переворотъ не имѣетъ значительнаго вліянія на характеръ, конституцію и будущую судьбу Италіи, какъ переворотъ, соединившій въ рукъ Оттона скиптры Германіи и Ломбардіи. Съ царствованія Оттона начинается собственное историческое время Италіи. Щедрости и политикъ Германскихъ Императоровъ города обязаны муниципальными учрежденіями; отдаленіе Двора приучило Италианскіе муниципалитеты къ независимости; войны Государей по паденіи Дома Оттонова, стоявшаго 40 лѣтъ, и споры ихъ за корону Императорскую научили Италианцевъ сражаться подъ собственными знаменами.

При Оттонѣ I, какъ мы сказали, и подъ его покровительствомъ большая часть городовъ приняла муниципальное правленіе, основанное на довѣренности и избраніи народа. Съ давнихъ временъ существовали народныя Власти, которыя въ законахъ Ломбардскихъ называются *Schultheiss*, а въ законахъ Франкскихъ — *Echevins* (Головы); сіи-то Власти составляли Совѣтъ городо-

ваго Графа, и представляли гражданство (*bourgeoisie*). Но когда Опшоны дозволяли жителям городов жить свое управление, более свободное, — они опшныли Сверхним учрежденіи и захотѣли установить что нибудь подобное Римской Республикѣ или ея колоніямъ.

Сначала всѣ города назначили по два главныхъ чиновника и назвали ихъ Консулами, которые погодно избирались народомъ. Должность Консуловъ была: судить, предводительствовать войсками по требованію Государя или города и председательствовать въ народномъ собраніи, которое называлось *credenza*, т. е. *Совѣтъ Довѣрія* или *Тайный Совѣтъ*. Было другое собраніе, состоявшее изъ ста или болѣе Совѣтниковъ. Оно во многихъ городахъ называлось *Сенатомъ* или народнымъ Совѣтомъ. Въ Сенатѣ заготовлялись опредѣленія (приговоры), которые должны были предлагаться на разсмотрѣніе народу; народъ, собиравшійся для сего по звону колокола (Въчи) на публичную площадь, составлялъ Парламентъ.

Города раздѣлялись на чешыре или на шесть Концевъ (кварталовъ), называвшихся именемъ ближайшихъ воротъ, попому что жители каждаго Конца обязаны были защищать свои ворота, или стѣну, къ нимъ прилежавшую. Такое раздѣленіе въ одно и то же время было и гражданскимъ и военнымъ. Нѣкоторые города въ непродолжительномъ времени умножили число Консу-

доть, такъ что каждый Конецъ имѣлъ своего Консула. Въ такомъ случаѣ набирался онъ обывателями своего Конца, Избраніе Съѣзжа Довѣрія или Сенаша также происходило по Концамъ города, какъ иъкогда было въ нашемъ Великомъ Новгородѣ; короче, во всѣхъ городскихъ постановленіяхъ начиналъ уже обозначаться дрѣвними чертами образъ представительнаго правленія.

Каждый Конецъ имѣлъ свое войско и особенное знамя. Въ войско вступали самые богатѣйшіе граждане. Когда же дворянство начало переселяться въ города и принимавъ участіе въ дѣлахъ Республики, то оно обязывалось набирать изъ своего сословія одинъ или два отряда вооруженной конницы. Прочіе граждане всякой разѣ, когда раздавался звонъ колокола (Вѣчи), вооруженные — а оружіе ихъ было мечъ одинъ — спѣшили на площадь; и никто, съ осьмнадцати до семидесяти лѣтъ, не освобождался отъ сей обязанности.

Государи, давши городамъ право укрѣпиться для существенной защиты, въ то же время дали имъ право набирать свое войско, которое употребляемо было не только въ войнахъ общественныхъ за Имперію, но даже и частно, т. е. когда города хотѣли опомощать другимъ городамъ или повѣстивымъ владѣтелямъ за какое нибудь оскорбленіе. Въ эти времена феодальная все законодательство основывалось на правѣ естественной защиты, или на самоуправствѣ. Первыя войны, вѣденыя города-

ли противъ другихъ городовъ, или противъ Маркизовъ и Графовъ; съиженныяхъ народную свободу; почитались не возмущеніемъ, но законнымъ дѣйствіемъ справедливости, или естественной защиты; дѣйствіемъ, подобнымъ съ правомъ другихъ гражданъ Государства.

Это право феодализма и соперничество городовъ, начинавшихъ уже усиливаться, процвѣтало и народонаселеніемъ и капиталами, зараждало часто взаимныя войны. Первые возникли между Павією и Миланомъ. Павія, пользовавшаяся многими мѣстными выгодами; славилась уже обширностію, красотою зданій и народонаселеніемъ; но въ богатствѣ и могуществѣ уступала Милану, потому ли, что долгое пребываніе въ ней Двора ослабило силу душевную жителей, или потому, что воздухъ, не всегда здоровый, частыя шуманы — убивали физическія и моральныя способности ихъ. Миланъ, древняя столица Инсубровъ и всей Цизальпийской Галліи, имѣлъ болѣе выгодъ относительно атмосферы и плодородія землѣ. Миланцы гордились предъ Павійцами богатствомъ, могуществомъ и воинственнымъ духомъ, и равнодушно смотрѣли на послѣднихъ; почитавшихъ Государство свое первымъ во всей Италіи. Это было причиною двойнаго избранія Генриха IV и Ардубина, когда, по смерти Оттона III, престолъ оставался празднымъ. Съ сего времени между Павією и Миланомъ начинаются войны, которыя поддерживаемы были Императорами.

Войны сѣм, долгое время не угасавшія, пробудили въ сердцахъ Миланцевъ чувство любви къ отечеству и независимости и довѣренности къ собственнымъ силамъ. Одушевленные своимъ Архіепископомъ, они вступили въ дѣла Церкви и осмѣлились бороться съ могущественнымъ непріятелемъ Конрадомъ Садическимъ.

Въ сію-то войну Архіепископъ Миланскій Эрибертъ дополнилъ систему войны изобрѣтеніемъ такъ называемой Саггоссіо; принятой непосредственно въ то же время всю Италією. Она, подобно Ковчегу Израилѣянъ, всегда предшествовала ополченію; потеря ея въ войнѣ почиталась величайшимъ безчестіемъ, и потому она охраняема была отборными отрядами войска.

Въ то же время, какъ изобрѣтена Саггоссіо, загорѣлся между дворянствомъ и народомъ раздоръ, зажженный штымъ же Архіепископомъ Эрибертомъ. Ревность народа къ дворянству, обнаруживавшаяся въ волненіяхъ, показывалась уже, что города въ это время населены были не робкими, бѣдными ремесленниками, но что народъ считалъ уже чувствомъ гордости и независимости, которое вдохнули имъ возрастающіе капиталы и образованность: граждане видѣли, что дворянство не одно обладаетъ всемъ имуществомъ Государства; что оно не властно болѣе по своему произволу дати или не дати, чѣмъ жить низшему классу народа; что во воспитанію, оно не выше

ихъ, и что наконецъ, черемъ, произведеннымъ въ Государствѣ услаеиною торго- влею, улучшеннымъ воспитаніемъ гражданъ и невѣжествомъ высшаго сословія, уравниали права двухъ сословій.

Торговля и въ самомъ умѣщенномъ Государствѣ не можетъ быть совершенно подавлена; но такъ какъ до десятиаго вѣка Венеція, Неаполь и Амальфи одни только пользовались свободою: то они же первые и развили шомъ духъ предпримчивости, который умножаетъ мѣну. Венеціанды при- возили Индійскіе шовары въ Европу, полу- чая ихъ или непосредственно ошъ Му- сульманъ или ошъ Грековъ, и давали но- вую жизнь торговымъ оборотамъ. Прочія Италіанскія Республики не долго остава- лись въ бездѣйствіи: онѣ поняли, что торговля даетъ жизнь Государствамъ, за- нялись ею и приобрѣли значительные ка- питалы — вѣрный залогъ благосостояніа и просвѣщенія.

Въ то же, или почти въ то же время, и. е. въ 12 столѣтіи, какъ началъ процвѣ- тать въ городахъ торговля, рдился и на- чалъ развиваться Италіанскій языкъ, мно- го способствовавшій къ сближенію двухъ классовъ, которые прежде раздѣлены были неизмѣримымъ разстояніемъ.

Происхожденіе Италіанскаго языка есть необыкновенное явленіе средних вѣ- ковъ; но мы оставляемъ его до другаго Чтенія.

Выше упомянуто было о раздорѣ, возникшемъ между дворянствомъ, Архіепископомъ Эрибертомъ и гражданами Милана. Дворяне давно уже съ завистию и негодованіемъ смотрѣли на Прелатовъ и городскихъ жителей; — на первыхъ потому, что они въ помѣстьяхъ своихъ имѣли вассаловъ изъ высшаго дворянства; на вторыхъ потому, что они, учредивъ у себя республиканское правленіе, переслали работѣмъ своимъ предъ другими состояніями. Эрибертъ, основываясь на прежнихъ правахъ, несправедливо и жестоко поступилъ съ однимъ изъ своихъ вассаловъ; дворяне вступились за оскорбленнаго и взяли за оружіе. Примѣръ ихъ пробудилъ всю Ломбардію. Жители Милана возсѣли въ защиту своего Архіепископа; въ первомъ сраженіи, происходившемъ въ улицахъ города, разбили дворянъ и принудили ихъ удалиться изъ города. Во второмъ сраженіи, въ открытомъ полѣ, поверхность одержали дворяне; но война все еще не кончилась. Конрадъ старался примирить враждующія стороны, но тщетно.

Между тѣмъ возникло новое смущеніе: низшіе дворяне, вассалы высшихъ, рѣшились сбросить съ себя это зависимость. Эти низшіе дворяне имѣли у себя работъ, которые въ свою очередь не хотѣли признавать надъ собою власти; они произвели мятежъ.

Въ это время всѣ классы общества были въ войнѣ между собою и, что удиви-

тельно, анархія, переходившая всѣ границы, принесла съ собою миръ, полезный для всего Государства. Права каждого сословія опредѣлены были съ большею точностію; постановленіе Конрада, касательно помѣстнаго наслѣдства, принято всеми сторонами; большая часть рабовъ отпущена на волю. Дворяне, желая рѣшиться на что нибудь, просили принять ихъ въ города, или, по выраженію лѣтописцевъ того времени, поручили себя и свои помѣстья покровительству городовъ. Это произошло въ 1039 году, предъ самою смертію Конрада Салическаго. Примиреніе сіе доставило городамъ Ломбардіи великую пользу: дворянство приобрѣло то, что не могло доставить ему распадавшееся Государство; города съ своей стороны приобрѣли въ дворянахъ оплаченныхъ гражданъ.

Пропуская многія войны городовъ съ городами и Императорами, Императоровъ съ Папами, еще разъ бросимъ взоръ на важнѣйшее въ Исторіи того времени, которое мы наскоро пробѣжали. Какъ земля послѣ пошопы, согрѣтая пламенными лучами солнца, потряслася въ своей внутренности; ее проникло какое-то непостижимое начало; и матерія, казалось, быстро устремилась къ жизни: такъ патриотизмъ согрѣлъ души Италіанцевъ. Цѣлымъ спранамъ сообщилось благородное, животворное движеніе; и прежде неподвижная масса народа, оставивъ закоренѣлое безстрастіе,

двинулась впередъ на поприщѣ славы и
самобытности.

Теряясь во множествѣ событій, не со-
вершенно извѣстныхъ, мы, конечно бытъ,
не всё сказали о духѣ того времени, ког-
да всякій Маркизъ, всякій Преплатъ, воз-
сцавая судить своего Государя, на су-
димахъ, своей совѣсти, пропускалъ мимо
права Имперіи и Церкви, и рѣшался, по-
тѣрявшись общественной волѣ, держа въ спо-
ру Первосвященниковъ или Императоровъ;
когда всякій дворянинъ, всякій Ры-
царь, рнувшись существованіемъ, соединен-
нымъ съ зависимостію, — отъ своихъ крепо-
стей, отъ своихъ вассаловъ или отъ соб-
ственной неустранимости требовалъ безо-
пасности, которымъ не хотѣлъ одолажать-
ся другимъ; когда всякой городъ, доверяя
общественнымъ шлоху, силамъ, взаимному
пожертвованію и братству согражданъ,
думалъ, что онъ самъ для себя всё, а всё
прочее и всѣхъ — презиралъ. Казалось, не-
видимая рука, рука щедродатная, въ одно и
то же время сыпала во всѣхъ сердцахъ чув-
ство доскопченства пеловатка, Италія не одна
приняла на плодотворное домо свое свя-
щенные зародыши; они разсыпались по всей
Европѣ. Начала самобытности подавались
впередъ медленно, но однообразнымъ движе-
ніемъ отъ Юга къ Сѣверу. Италія и Испа-
нія подали примѣръ, которому скоро по-
сѣдовали Швейцарія и Германія, Франція
и Англія.

Первыя учрежденія независимости при-
несены съ Сѣвера къ переродившимся Рим-

лянамъ. Обратное движеніе съ Юга къ Северу, въ развишіи республиканской системы, есть также явленіе, не подверженное никакому сомнѣнію, явленіе замѣчательное для Историка глубокомысленнаго. Въ Италіи Нейполь, Гаэша, Амальфи и самый Римъ сбросили съ себя иго; въ Испаніи мужественныя войны, основавшіе Королевство Кастиліи; пестановили между Неролей и народомъ судью-посредника, что былъ — первый образецъ *Правосудца* Аррагонцевъ; въ 1115 году Альфонсъ I, завоевавши Сарагоссу, далъ гражданамъ своей столицы свободу и права дворянъ. — Правда, города Германіи и Швейцаріи ознакомились съ свободою уже въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, а Франція и Англія еще позже пріобрѣтая права самобытности.

Для пріобрѣтенія самобытности людямъ нужны были два качества: сила частная (индивидуальная) и сила общественная (sociale). Происхожденіе сихъ качествъ не одинаково: онѣ, кажется, происходятъ изъ началъ противоположныхъ. Сила частная, эта доверенность къ общественнымъ пособіямъ, — это презрѣніе, оказываемое силѣ чуждой, когда она становится несправедливою, — эта рѣшимость — признавать закономъ одну свою совѣсть и общественный разумъ, суть качества и доблести дикаря. Съ такимъ духомъ переселились на Югъ обитатели Германіи и Скандинавіи. Они съ собою принесли свою независимость. Составивъ Го-

сударства, они не умѣли, они не въ состоян-
 ній были рѣшиться наложить на нихъ узы,
 которыя бы крѣпко связали ихъ между со-
 бою; самыя ихъ начала, по естественному
 ходу вещей, должны были произвести то,
 что въ самомъ дѣлѣ произвели они, т. е.
 благородную гордость всѣхъ рыцарей, но
 въ то же время и несліянность воли ча-
 стной съ волею общою, и мнѣніе, что для
 удержанія за собою независимости имъ нуж-
 но сдѣлаться Государями.

Сила общественная, напрошивъ этого, долж-
 на была родиться въ городахъ, а города —
 цвореніе народовъ образованныхъ — суще-
 ствовали только на Югѣ. Скандинавы, ду-
 мая, что люди, не подвергшіеся зависи-
 мости, не лзя жить соединенно, рѣшились
 разрушить города; и при всемъ томъ шѣ изъ
 городовъ, которые въ послѣдствіи времени
 подали въ Италіи примѣръ силы общес-
 твенной, по презрѣнію къ нимъ варваровъ, или
 избѣжали разрушенія, или снова возсѣли
 изъ развалинъ своихъ.

Сила общественная опирается на со-
 вершенномъ пожертвованіи лицъ, отдѣльно
 взятыхъ, тому обществу, котораго они со-
 ставляютъ часть. Правда, это самоопже-
 рженіе основано на убѣжденіи, что благо
 всѣхъ заключается въ благѣ каждаго; но
 одинъ расчетъ никогда не можешь заста-
 вить гражданина рѣшиться на самопожерт-
 вованіе, котораго требуетъ общество.
 Можно доказывать и убѣдительно доказывать

что польза опечесства, есть польза, каждая, го гражданина, особенно, изданаго; но, съ той минутой, когда потребуютъ, дичной его гибели, польза родины, переспаесть иждивъ, вліаніе на его благо. По этому въ соединеніи общественномъ, есть что-то большее, благороднѣйшее, чѣмъ условія, между, выгодами частными; не, эгоизмъ, но добродѣтели, связываютъ людей, крѣпкими, узами; одна признательность, соединяетъ такимъ образомъ друзей, и братьевъ, отъ которыхъ получаютъ благодѣнія. Къ опечеству привязываетъ насъ одно сыновнее, религіозное уваженіе — по опвлеченное существо, которое выше всего, челоуече-скаго; которому воображеніе наше опредѣляетъ жѣсто между Богомъ и людьми; одно стремленіе души къ безсмертію, связывающее наше бытіе съ вѣками прошедшими и будущими, и дѣлающее насъ заложниками славы нашихъ предковъ и счастья нашихъ потомковъ.

Народы Ствера знали свободу безъ опечества; у народовъ Юга было опечество безъ свободы; шъ и другіе чужды были высочайшей изъ добродѣтелей — самопожертвованія. Первымъ, по внутреннему чувству, нѣкому было его дѣлать; у вторыхъ недоспавало сполько добродѣтели, чшобы они могли дѣлать его. Въ героизмъ Скандинавовъ странно то, что онъ не имѣетъ цѣли, и что воинъ, идущій на встрѣчу смерти, не жертвуетъ собою ни опечеству, ни памяти опцевъ, ни благоденствію дѣшей

своихъ словъ его — слова личныя. На Юга
мы видѣли, цѣль пожертвованій прежде, не-
жели рѣшающа на нихъ; тамъ всякой граж-
данинъ чувствовалъ, чѣмъ онъ обязанъ го-
роду, въ которомъ онъ родился, въ кото-
ромъ покоится прахъ его предковъ, кото-
раго счастіе будутъ защитою его попомковъ.

Такъ въ великой переплавкѣ народовъ,
Скандинавы и Югъ обнаружили доблести, имъ
свойственныя. Побѣдители принесли энер-
гію, побѣжденные — общественность. До-
сѣдствія, послѣ нестройной испорченности,
должны были переродиться и помочь уже
подавать другимъ примѣръ добродѣтели. При-
вязанность ихъ къ мѣсту, въ которомъ они
родились, къ имени, которое они носили,
къ согражданамъ, которыхъ опѣды были въ
снизи съ ихъ опѣдами, которыхъ дѣти сдру-
жались съ ихъ дѣтьми, — эта привязан-
ность была древнимъ наслѣдіемъ Рима. Что-
бы снова приобрести мужество, имъ нужно
было снова сдѣлаться самоубыточными.
Среди бѣдсвій, поражающихъ народы Испа-
ніи, казалось, все событія — въ известномъ
другъ опѣ друга разсѣяніи, напра-
вляемы были къ одной цѣли и приготавли-
ли періодъ славы и самоубыточности, должен-
ствовавшей открыться для Испанцевъ въ
дѣвятинадцатомъ столѣтіи.

Завоеванія Лангобардовъ, раздробляя
Испанію и образуя изъ одной провинціи мно-
гія новыя Государства, шворили для гра-
жданина отечество; Римлянинъ соединялся

съ Риваллийномъ, Трекъ съ Трекомъ; и мно-
гія земли отъ Неаполя до Венеціи сближа-
ють это время эпохою своей независимости.

Завоеванія Карла Великаго и царство-
ваніе преемниковъ его пріостановили граж-
данственность; но разрушая Монархію Лом-
гобардовъ и умножая распріойства, Каролин-
ги шѣмъ яснѣе показывали побужденіемъ
необходимость новаго устройства, и досмат-
ривали Ломгобардскіе города въ случай раздѣ-
ленія между собою выгоды, которыя хороши-
ми муниципальными учрежденіями обезопаси-
ли были для Неаполя, Амальфи и Венеціи.

Опустошенія со стороны Венгровъ и
Сарацинъ и набѣги ихъ на всѣ Провинціи
заставляли прибѣгнуть къ образованію войскъ
и укрѣпленію сѣтъ; такимъ образомъ въ
новомъ народѣ утвердилась, сосредоточи-
лась государственная сила.

Пока разсирокенная Монархія не уступила
мѣста муниципальному правленію, до
сихъ поръ была повсемѣстная анархія. От-
шонъ Великій прибылъ изъ Германіи для того,
чтобы быть законодателемъ народа,
надъ которымъ онъ никогда не могъ влады-
чествовать. Но онъ не все потерялъ: новыя
постановленія, которыми обязана ему Ита-
лія, будутъ вѣчными памятниками его му-
дрости и безкорыстія.

И безпорядки Папъ десятаго вѣка и гор-
дость ихъ въ одиннадцатомъ столѣтіи не
безполезны были для Италіи. Первые ду-

хотные Государя облегчили и несколько узм
суеврїя; послѣдніе во время кровавой борь-
бы съ Императорами доставляли народу
случай цѣнить свои услуги — и уже не въ
качествѣ подданныхъ, но въ качествѣ союз-
никовъ, принимая сторону тѣхъ, кото-
рые прежде были ихъ вассалами.

Р а и ч ь.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛІТЕРАТУРНОЕ.

С. С. Смирновъ

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ВИРГИЛІЕВОЙ ЭНЕИДЫ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Изъ Iй Пѣсни.

Предавшись въ юности безпечному веселью,
Я рощи оглашала пастушеской свирѣлю;
Осваивъ шѣнь лѣсовъ, въ избытокъ новыхъ силъ
Сосѣднія поля покорности училъ; —
Для бережныхъ селянъ пріятные уроки!
Теперь опровергъ мнѣ путь и новый и далекий.

Пою сраженія и мужа давнихъ дней,
Который — волею судьбы — съ родныхъ полей
Пришелъ въ Италію — въ Лавинскія долины. —
Носясь изъ края въ край чрезъ суши и пучины,
Онъ — жертва мстительной Юноны и Боговъ —
Извѣдалъ тысячъ и бѣдствій и трудовъ
И много прешерпѣлъ въ войнѣ съ враждебной силой,
Какъ въ Лациѣ водворялъ Боговъ отчизны милой,
Отколѣ родъ Лавинъ — властитель всѣхъ племенъ,
Албанскіе Цари и — гордость Римскихъ стѣнъ.

Повѣдай, Муза, мнѣ, какаѣ тайна сила,
Какая сердца скорбь богиню вооружила —
Царицу звѣздныхъ сферъ — Боговъ и дщерь и мать —
На мужа правосынъ — на смертнаго возстать,
И гнать изъ края въ край до странъ смутныхъ,
Уже ль не дремлетъ месть и шамъ — въ странахъ
небесныхъ? —

Противъ Итали и Тибра дальнихъ вратъ
 Владѣнье древнее богатыхъ Тира чады —
 Былъ городъ — Карагенъ; — и миръ его и брани
 До неба вознесла; и, тлѣсь швердить предвѣстий,
 Отъ всѣхъ въ подлунной странѣ милая Юнона была;
 Сопернику въ любви и Самость уступила;
 Къ нему Юноны мысль; тамъ были колесницы
 И всѣ доспѣхи битвы божественной Царицы,
 И, еслибъ Рока судила, она уже вдала
 Готовила ему владычество земли;
 Но слухъ донесся къ ней, что падшей Трон чады
 Придутъ никогда разрушить Тира грады;
 Что славный въ браняхъ родъ, — обширныхъ Цари
 На гибель Ливии воздвигнется опселя.
 Таковъ судъ Рока былъ — жестокий для Богини,
 Еще мечтались ей Троянскія долины,
 Гдѣ брань вѣдъ она за милахъ Аргивянъ;
 Еще изъ памяти не стерла сердца ранъ:
 Въ душѣ Паридовъ судъ и красота презрѣнна
 И ненавистный родъ и почестъ похищенна
 Троянскимъ, отрокомъ у Гебы, молодой —
 Глубокой врезались, глубокою чертой,
 И мщенье и боязнь Юноны мысль внушила
 Останкамъ горестнымъ Данаевъ и Ахилла —
 Троянкамъ къ Лацию пути всѣ преградить
 И долго — долго ихъ по всѣмъ морямъ доидишь.

И з ъ В ѣ с т н ы хъ .

Сказавъ сивомъ слезъ и давъ свободу парусамъ,
 Примчался быстро онъ (*) къ Эвбейскимъ берегамъ.
 Уже корымъ песковъ коснулись прибрежныхъ,
 Уже вздремавшіе на якоряхъ надежныхъ
 Устами суда всю прислань облегли.
 Пловцы спѣшахъ на брегъ Сатурниовой земли
 И всѣ расходящся веселыми толпами.
 Одни бьются крепчею спяль, и брызжешь огнь струили;
 Другіе въ лѣсъ бѣгутъ — расхищаютъ кровь зѣрей;
 Иной открылъ адаи свердающій ручей.

Блгочестивый Вождь къ горѣ идешь высокою,
 Гдѣ Фебовъ храмъ стоялъ; ошолъ недалёко
 Сивиллѣ страшной грохъ тамъся подѣ скалою.
 Предъ ней грядущее съ таинственною иглою
 По волѣ Цинтіи блистало въ свѣтъ ярмо:
 Онъ дѣву надѣмля предвѣдѣніи даромъ.
 Уже Вождя пріалъ Гекаты лѣсъ священный,
 Уже предъ взорами открылся храмъ златый.
 Дедалъ — преданіе гласитъ — бѣжавшій Крита,
 Гдѣ казнь готовилась несчастному открыта,
 Дернулъ похришься эфирнымъ глубинамъ,
 И легкостію крылъ вознесшись къ облакамъ
 Дошолъ чуждою для смертнаго стезёю,
 До сѣверной звѣзды пролѣкъ по эмпирею
 И, у Халкидскихъ стѣнъ прикинувшій къ землѣ,
 Тебѣ, великій Фебъ, и легкія крыла
 И храмъ онъ посвятилъ — вознесшійся высоко.

 (*) Эней.

На блещущихъ вратахъ, дивясь, шамъ зрѣло око
 Печальный свой конецъ, несчастный Андрогей,
 И, въ казнь Аеніянамъ, во цвѣтѣ красныхъ дней,
 Чшо годъ — семь юношей на смерть влекомыхъ, силой!
 И урна жребіевъ стояла шамъ уныло;
 Проглянувъ изъ-за воды, издали бѣжалъ Кришъ;
 Тамъ Пазифаи спрасъ — для смертной вѣчной снѣжъ,
 И пагубный Телецъ и Миношавръ ужасной,
 Венеры мщеніе надъ дѣвою несчастной;
 Тамъ дивный лабиринтъ и немсходный пущъ — . . .
 Но жадость пронула Дедала нѣжну грудь,
 И самъ онъ указалъ спези Царевнѣ скрѣшъ
 И далъ ей вѣришься путеводящей ниши
 И ты бы здѣсь Икаръ, — и ты бы ошъ рѣза
 Пріалъ искусства данъ — тогдабъ не скорбъ ошца;
 Онъ дважды поднималъ дрожащее ваяло,
 И дважды у ошца изъ рукъ оно упало: . . .
 И долгобъ пришлецъ безмолвнѣе у вратъ
 Сшояли; — но уже предстанъ предъ нихъ Ахитъ
 И Деифоба съ нимъ — тайнствѣнна Сивилла.
 Возмысѣвъ гласъ, она Энею говорила: —
 „Не время медлишь здѣсь; — седмъ жертвенныхъ
 шельцовъ,
 Не знающихъ ярма, седмъ агидевъ уготовъ.“ . . .
 И Тевкровъ повела предъ храмъ къ горѣ высокой.
 Тамъ грошъ изсѣченный въ овалъ изъ зрѣло око
 И сто отверстій въ немъ, и сто дивныхъ вратъ, —
 Они въ сто ошзымовъ Сивиллы гласъ швердидъ, —
 И жрица и пришлецъ коснулись порога.
 „Проси,“ рекла она, „проемъ судьбъ ошъ Бога
 „Се Онъ, се Онъ!“ рекавъ и вдругъ смѣнился въ ней
 И прежній цвѣтъ ланишь, и шихій цвѣтъ очей,

Подъялся влася, дыханіе стѣснилось,
И сердце горными воспоргами забилося; —
Все ново въ ней, и станъ, казалось, выше сѣдалъ —
И самый гласъ ея не смертное вѣщалъ.
„Ты медлишь, Вождь Троины, молебны излишь обѣщаны...
„Но урны жребіевъ и храмъ сей безомыслимъ —
„И не отверзутся для смертнаго безъ нихъ“ —
Сивилла прорекла и гласъ ея затихъ,
По членамъ пришлецовъ холодный потъ стремился —
И теплый гласъ моливъ изъ устъ Вождя измѣлся.

1821 года.

Э.

Т Ъ М А.

Подражаніе Байрону.

Сонъ дивный постигнулъ меня!
Не омутъ мое видѣніе было...
Я зрѣлъ: мочало для свѣтлота —
И звѣзды лишены огня —
Пр. воля въ небесахъ блуждала —
И мѣсто лучи пропали! —
Земля остыла — одна,
Висла, тѣной окружена! . . .
Разсѣла часть, своею чредою,
И наступала и пролетала! . . .
Но солнца лучъ ужъ не игралъ)
Надъ омраченною землей!
Но стало пламени страстей!
Ихъ потѣсилъ въ страхъ люди! . . .
Желанье солнечныхъ лучей

Одно вѣтъ волновало груди! . . .
 Тогда — чѣмъ насладишься днѣмъ —
 Веселья кровь, и кровь печали —
 И шронъ и хижина вспыхали
 Неугасаемымъ костромъ! . . .
 И люди шумными толпами
 Лѣзли къ свѣтлому сподру. . . .
 Не милыхъ сердцу — но толпу
 Хоть разъ еще обнять очами! . . .
 И жили всѣ сыны земли
 Одной надеждою, шоскою! . . .
 Лѣса дремучіе зажгли;
 И разливался огонь рѣкою! . . .
 Но быстро шемные лѣса
 Въ холодный пепелъ превращались. —
 Пни съ прескомъ гасли — небеса
 Вновь вѣчной тѣнью одѣвались!
 Кой-гдѣ испуганныхъ людей —
 Ошъ блеска гаснущихъ огней
 Какъ будто молніей озаряло!
 Толпа просшершая рыдала —
 И лишь порой являлся взоръ
 Въ лицѣ съ улыбкой принужденной!
 Всѣ шрепешали — чѣмъ костѣръ
 Не гасъ — ошчаянѣемъ возженной!
 Кой-гдѣ съ шоской, поднявъ чело,
 Толпа на небо взоръ вперяла,
 Которое, какъ покрывало,
 На мертвый трупъ земли легло!
 И снова въ прахъ всѣ повергались,
 Гремя хулою на Творца!

Ч. IV. Но XIII и XIV.

5

И зѣри боля не скрывались
 Отъ человѣчьяго лица!
 И крики пишиць и змѣй шипѣнье
 Сливались съ кликами людей —
 Но приступилось жало змѣй;
 Ихъ люди били на съѣденіе.
 На мигъ замолкшій брани гласъ
 Тогда раздался съ новой силой!
 Повсюду кровь одна лилась,
 И кровь одна людей поила!
 И вѣсть, что сила взять могла,
 Тѣмъ вдалекѣ она пишалась! —
 Любовь забывша — вся земля
 Къ безславной смерти приближалась!
 И зубы псовъ по черепамъ
 Обезображеннымъ скользили!
 И было нѣкому косямъ
 Разбросаннымъ изрыть могилы! —
 Тогда злобнѣй дѣшей дѣсовъ,
 Забывъ знакомый прежде зовъ,
 Бросался песь на господина; —
 Остался вѣренъ лишь единой —
 Онъ хладный шрупъ не оставлялъ!
 Но члены пса оцѣпенѣли —
 И умирая, лобызалъ
 Онъ длань ласкавшую досель! . . .

*

Все смерти сильная рука
 Съ земли унылой испребила,
 Лишь два смертельные врага
 Спасла невидимая сила!

Они сошлись у олшаря,
 На космъ жершвы доплаввали;
 Они, надеждою горя,
 Холодный пепель разрывали;
 Возобновишь спарались пыль
 Оледенелыми усшами.
 Вдругъ пламень яркими спруями
 Обонхъ лица озарилъ!
 Ихъ взоры за огнемъ блуждали;
 Вдругъ въ высотъ сошлись они! —
 И ужасомъ поражены —
 Враги на пепель мертвы пали! . . .

*

Осирошълая земля
 Въ хаосъ единый обратилась! —
 Не спало времени — и игла —
 Со смертию соединилась! —
 И Оксана глубины
 Не возмущали непогоды! —
 Въ шуманъ густый погребены —
 Его навѣкъ зашихли воды!
 Гнилая мачта съ корабля —
 Не пробуждала волнъ въ паденьи!
 Вихрь онѣмъ — и вся земля
 Печашъ носила разрушенья! . . .

РОСИНКА и РѢКА (*).

... *redit miseris et abest fortuna superbis. Horat.*

На локонь златомъ Зимцерлы молодой

Росинка скромная качалась;

Но дунула вѣтерокъ на локонь золошой, —

Росинка съ локономъ разсталась,

И заронила въ вѣтръ межъ зыбей;

Надъ нею сводъ небесъ, подъ нею глубь морей.

„Я гибну! здѣсь моя могила!“

Навѣясь надъ водой Росинка говорила;

„Подъ сводами небесъ чуть видимый ашомъ,

Погибну я на днѣ морскомъ

Безъ имени, безъ чести,

И не дойдешь о мнѣ къ сестрамъ-Росинкамъ вѣсти!

Слетишесь, легки вѣтерки!

Мой близокъ — близокъ часъ, валы недалеки!

Слетишесь ко мнѣ, Зимцерлы дѣши миды!

Прострише къ сиротѣ - Росинкѣ ваши крылы! . .

Не слышушь! . . . Солнце — радоешь дня!

Услышь хоть ты меня!

Ты жизнь природы, ты всеильно! —

Проглянь изъ облаковъ и улыбнись умильно!

Твой свѣтлый взоръ — мнѣ жизни даръ —

Проглянь и преврати меня въ лешучій паръ!

Ты жизнь даешь мірамъ, ты жизнь даешь былинкѣ;

Ужель откажешь въ ней безжалостно Росинкѣ?“

Напрасная мольба! И легки вѣтерки,

(*) Эта пѣснь запечатана была въ Труд. О. Л. С. Здѣсь помѣщена она съ измѣненіями перепечатки.

И солнце огненное
Остался въ покоѣ;
И что нѣ до чужой шеек. . . .

*

Съ другой страны, съ горы оплохой и высокой
Свергалась гордая Рѣка, —
Развалины и смерть — былъ слѣдъ ея широкой.
Послышавъ шумъ валовъ ея издалека,
На полѣ селянинъ задумался уныло. . . .

Рѣка бѣжитъ, Рѣка ревѣтъ
И разсыпнымъ снопомъ алмазны брызги бѣтъ; и
Оплошь ли встрѣишь — чрезъ оплошь.
Все, все ея щеславью льстило;
И скоро, съ новою собравшись силой,
Она забыла берега,
И загла луга
И нивы золотыя
И деревца младыя. . . .

Кипитъ, шумитъ, ревѣтъ; что далъ, то грозитъ!
Ударитъ въ дубъ волной — и сынъ вѣковъ съ корней...
Гордась разсыпнымъ на всё и всюду горемъ,
„Не мнѣ безвѣстность суждена,“
Подумала она.

„Кто знаетъ, можешь быть и я сравняюсь съ моремъ.
Ошѣдаю съ нимъ силу! Война ему! война!“
И къ морю понеслась съ удвоенною силой.
Кипитъ, шумитъ, ревѣтъ — и все вокругъ уныло...
Ужъ близокъ брегъ морской, и воды всѣ въ одно
Собравъ, глубокое себѣ прорыла дно.
А море спитъ себѣ, обѣщая тишиной, и

И не шалохнется оно.

Рѣка бѣжитъ, круша песокъ на днѣ глубокомъ, —

И въ море хлынула клокочущимъ пошомомъ,

А море спитъ себѣ — объяшо шишиной,

Лишь чушь шапнулося оно,

И то съ краевъ. Рѣка передовой волной

Пробилась съ ропшомомъ на дно,

И . . . что всѣ замыслы надменной величавы?

Она погибла шамъ безъ имени, безъ славы. . . .

Но чтожь съ Росинкою? , . . Она, скажашъ ли вамъ?

Она — упала въ хлябъ и — къ раковинѣ шамъ

Прильнула Эршрѣйской,

И подъ ся щипомъ

Ошъ гибели спаслася близкой.

Пошомъ

Непосшижимая природи сила

Въ блестящій перлъ Росинку превращила.

Пошомъ, оставивши глубокия моря,

На діадимъ у Царя

Восточнаго сіяла

И скромная — не разъ видала

Она передъ собой

Вельможей-гордецовъ — поникшихъ въ прахъ главой.

Рантъ.

А. Н. М.

Нтъ въры къ вымысламъ чудеснымъ,

Разсудокъ все опустошилъ,

И покориъ законамъ шѣнымъ

И воздухъ, и моря и сушу,
 Какъ пѣнниковъ — ихъ обнажилъ;
 Ту жизнь до дна онъ изсушилъ,
 Что въ дерево вливалъ душу,
 Давала тѣло безтѣлеснымъ! . . .

*

Гдѣ вы, о древніе народы!
 Вашъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ,
 Вы книгу Матери — природы
 Читали ясно безъ очковъ! . . .
 Нѣтъ, мы не древніе народы!
 Нашъ вѣкъ, о други, не шаговъ.

О рабъ ученой суеши
 И скованный своей наукой!
 Напрасно, кришникъ, гонишь ты
 Ихъ златокрылыя мечты; —
 Повѣрь — самъ онытъ въ томъ порукой, —
 Чертогъ волшебный добрыхъ Фей
 И въ сновидѣньи — веселѣй,
 Чѣмъ на яву — томиться скукой
 Въ убогой хижинѣ твоей! . . .

13 Декабря
 1821.

Тютчевъ.

П. Р О З А.

НѢСКОЛЬКО СЦЕНЪ ВЪ МОСКВѢ 1612
ГОДА.

1612 Годъ достопамятенъ въ лѣтописяхъ нашего Отечества, какъ рѣшительный для разстроеннаго состава его. Всѣ порывы необузданнаго властолюбія, всѣ безпорядки безначалія, на всѣхъ путяхъ алчные враги стремились къ сердцу Россіи, съ намѣреніемъ прервать нить ея болѣзненнаго существованія. Но Богъ судилъ иначе: попустивъ на насъ всѣ несчастія, сими несчастіями хотѣлъ только испытать непоколебимый духъ твердыхъ Россіянъ — и 1612 годъ есть торжество нашей вѣры и вѣрности.

Ночь лежала надъ печальною Москвою, скрывая и спраданія несчастныхъ и злобное торжество враговъ Россіи; лежала надъ обширнымъ пожарищемъ, на кощоромъ уцѣлѣло еще довольно число домовъ для пиршества измѣнниковъ и враждебныхъ полчищъ, и немного для пристанища вѣрнымъ сынамъ Отечества; уцѣлѣло нѣсколько храмовъ Божіихъ для изліянія горячихъ молитвъ, утѣшительныхъ для спрадальца. Скоро полуночная тишина прервана была благомъ спомъ, сзывавшимъ православныхъ къ упренней молитвъ въ праздникъ Успенія Пресв. Богородицы. Уныло, но не робко, шекли Русскіе во храмы; ночная стража окаяла, но не

оспаивала на пуши идущихъ; — враги Россіи, оставляя ей сію свободу, оставили все, чѣмъ сохранилось и утвердилось ея бытіе. Во храмъ ярко запылали свѣчи предъ иконами; потупленные взоры входящихъ почти не встрѣчались. — Неподвижный видъ Пастыря, предъ олтаремъ стоящаго, однообразное чтеніе Псалмовъ, мертвое молчаніе во храмъ представляли взорамъ одну гробовую оцѣпенѣлость; но Пастырь терялся въ присутствіи Божества, — но сильный, пламенный языкъ боговдохновенныхъ Псалмовъ — съ каждымъ словомъ вливалъ въ сердца и крѣпость и утѣшеніе. Торжественныя пѣсни Іоанна Дамаскина возвысили непобѣдимую ранъ под знаменами Заслупницы вѣрныхъ; при пѣсни Богородицы все пало ницъ — громовый голосъ произнесъ ее и, казалось, Она Сама, Святѣйшая, осыпала своимъ покровомъ поникшія главы и ободрила сокрушенныя сердца чадъ своихъ. По окончаніи божественной службы Пастырь благословилъ каждого, напомнилъ всѣмъ, что все Общество спротивъ постомъ и смиреніемъ готовится на спасеніе свое. Уже показавшееся солнце освѣтило златые кресты церквей — и рубища безмолвно расходящихся молещиковъ. Казалось, изгнанники удалялись отъ предѣловъ любезной родины.

Уже дѣятельность начинала оживлять улицы; растворялись ставни оконъ и вороны; шамъ мелькали озлащенные каштаны и оружіе Липовскихъ всадниковъ, —

здѣсь выглядывали изъ оконъ полныя гордыя лица; — тамъ безпечная опшлага уже простираала руки къ шрапезамъ, и еще медлила въ разборчивости, чѣмъ насыщать свой изнѣженный, прихотливый вкусъ; а Рускіе, какъ на пиру радушный хозяинъ, съ самоотрѣченіемъ пеклись о продовольствіи сихъ незваныхъ гостей; юные и легкомысленные были ихъ кравчими и виночерпїями, носили блюда мясъ, разливали медъ и красное вино; чѣмъ кто старѣе и благомысленнѣе, тѣмъ шруднѣе работы исправляли: носили воду, рубили дрова, разводили огни, тяжелымъ жорновомъ мололи пшеничное зерно, очищали пуши отъ пыли спѣкшейся съ кровію, приводили на закланіе пучныхъ шельцовъ и агнцевъ; — ихъ безошвѣдное повиновеніе считали враги за совершенное признаніе своего владычества; порядокъ настоящаго дня, свѣдѣніе Русской набожности, сплавившей себя выше земнаго, считали швердымъ благоустройствомъ; тогда и насыщенная алчность прешворалась будшо въ великодушіе: кушай, Руской, кушай, возъ тебѣ часъ мяса, — возъ медъ и красное вино; чего угодно, пейше, лучше спанете служите, — говорилъ краснощекій Полякъ своей свишѣ; спасибо, Вельможа, на добромъ словѣ; себѣ на здоровье; мы Рускіе до обѣдни не ѣдимъ. Но такое набобіе не вездѣ шекло рѣкою. Удаленныя части города походили на домъ, разшпротыйся отъ нерасчетливости хозяина, въ которомъ усилившіеся цюпдеменники и

подамы рабы растащали все, какъ должную дань своей услужливости, и съ каждымъ ушромъ всякій просыпается съ поспѣшностію завладѣть еще чѣмъ-либо оставшимся; а бѣдный хозяинъ, не находя способовъ къ удовлетворенію собственнѣйшихъ своихъ нуждъ, еще долженъ слышать жалобы и проклятіе ошъ праздною и алчною иноспранною и своей челяди. — Уже опдалъ онъ съ себя послѣднее, и еще съ него шребуюшъ. — Такъ въ опдаленныхъ часняхъ города алчная Липва истощала всѣ угрозы, чтобы вынудить себя для пищи нѣсколько крохъ послѣ прежняго раздѣла. — Между шѣмъ какъ толпы враговъ шѣснились на площади и проводили въ пустословіи правдное время — Московичане шли одни на кладбища поклониться праху своихъ родителевъ, другіе собирались къ храмамъ — въ ожиданіи благовѣща.

Не правда ли, что при насъ Москва начала уже образоваться? — Праздники, редушы, наряды, свободное обращеніе прекраснаго пола, развязность Русской молодѣжи, — все принимало живой, блестящій видъ.

Да, дворъ Минишки много успѣлъ преобразовать нашу грубость; Россія далеко бы подвинулась, если бѣ. . . . — Еслибъ не закоренѣли у насъ старыя предрасудки. Какъ мало вспрѣчаешь шеперь веселыхъ, пріятныхъ лицъ? а давно ли здѣсь было совсѣмъ иначе? —

Такъ разговаривали между собою молодой Полякъ Желшковскій и пожилой Русскій воинъ Мечеславъ, собраты по оружію, друзья по расположенію къ жизни веселой, беспорядочной, свершники на пуши къ почестямъ и къ блеску придворному. Впрочемъ неравенство между ними было очевидно: сколько Полякъ былъ самодоволенъ и взорами исполненными незаемнаго огня и радости представлялъ звѣзду первой величины; сколько Русской былъ мраченъ, примѣтно по временамъ оживлялся какими-то надеждами; невѣрные шаги, взоръ шупый, устремленный на юношу, показывали, чѣмъ онъ былъ спутникомъ. Проходя мимо храма, машинально вошли за входящими; — посмотримъ вашихъ красавицъ — не увижуль здѣсь прелестной Ксеніи? говорилъ Полякъ, завивая усы, бренча саблею и по правляя золотыя кисти плаща своего; — но въ церкви никто не обращалъ на нихъ вниманія; Ксенія было не видно. Здѣсь нечего сморѣть, сказали они, и скорѣе нежели дворный пѣс, завлеченный голодомъ въ открытыя двери дома — спѣшилъ отъ незнакомыхъ лицъ, — они вышли на паперть. — Ахъ, какъ здѣсь дымно! — какой несносный эпопѣй вашъ ладанъ! говорилъ Полякъ, надѣвая шапку и расправляя перо. Да, хмѣль ладону не любитъ, улыбувшись опатчаа Русской. Чшобы разсѣять мрачное впечатлѣніе, Русской начинаетъ продолжать разговоръ, который они прервали, входя въ церковь. Ахъ бѣднѣе; ошарашенъ

шельная бѣдность! — Вотъ плоды національной гордости. Еслибъ и я не имѣлъ себѣ покровителей въ просвѣщенныхъ вельможныхъ Полякахъ, — при сихъ словахъ Желшковскій поднималъ гордый взоръ и наискось смотрѣлъ на Русскаго, слушалъ, — еслибъ не вельможная Польша, пропали-бы мои двадцатицѣтилѣшнія заслуги; намѣсто безпрерывныхъ веселій, торжествъ, пышности, намѣсто блеска одѣжій и почестей, герой при Битцахъ, на Воробьевыхъ горахъ, на Окѣ, на Днѣпрѣ, эпическій герой шеперь жилъ бы въ разоренномъ селѣ съ спарымъ опцомъ своимъ, если онъ не умеръ. Тутъ прервалъ ихъ голосъ: Бояринъ! бояринъ! Христа ради! — Желшковскій съ холодною слушалъ и смотрѣлъ на долую тощихъ, едва прикрытыхъ рубищемъ тѣней. — Между ими, какъ твердая пущынная скала, вдали освѣщенная яркимъ сіяніемъ солнца — стоялъ на коленяхъ старецъ въ рубищѣ, но величественнаго вида, со взоромъ, неподвижно устремленнымъ на небо. — Съ такимъ взоромъ при послѣднихъ словахъ встрѣтился Русской — и запрещающаго. — Есть взоры, проникающіе въ глубину души; и не только взоры пламенной любви — но еще сильнѣе — какъ молнія, расшопляютъ огрубѣвшее сердце, взоры истинной добродѣтели. Русскіе понимаютъ сей взоръ, и Мечеславъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ уничтоженными всѣ замыслы гордаго честолюбія, ужаснулася бѣдѣйной пустошью въ душѣ своей; — ста-

рался самъ отъ себя скрыться. Какая бѣдность и съ такою гордостію! отходя говорилъ Желшковскій; такого твердаго мраморнаго черепа я еще не видывалъ. — Это наши старцы, которые теперь сюда часто бродяшъ изъ Вязьмы, изъ Твери, изъ понизовыхъ городовъ — враги вамъ неопасные, ошвѣчалъ Русской, слѣдуя за Полякомъ, — какъ пѣшій въ осеннее ненастье, по-распустиившемуся глинистому пуши, слѣдуешь за ходкою высокою колесницею; — горе Рускому, который при общемъ бѣдствіи Ошечества не бѣденъ! говорилъ вслѣдъ ему тихій голосъ.

Въ разоренной Столицѣ оставалось нѣсколько почешныхъ домовъ, въ которыхъ Липовцы и Поляки хвалились не только храбрестію и могущесствомъ своимъ, но и прославляли свое великодушіе; на сіи дома опиралась жѣнь шой надменности, кошо-рою грозили враги цѣлой Россіи. Здѣсь почешнымъ карауломъ охранялись, какъ заложники, знаменитые Русскіе Воюре, Сановники съ ихъ семействами; здѣсь было убѣжище всѣмъ военнымъ молодымъ людямъ отъ праздности, лѣни, отъ скуки; молодой Желшковскій съ Мечеславомъ особенно посѣщали домъ одного Стольника. Прекрасная дочь Стольника обратила на себя его жадные взоры; дорогой восточный перлъ, оставленный въ залогъ у жаднаго Еврея, не столько льстилъ его корыстолюбію, сколько пре-

красная восплаляла желанія гордаго Поляка; уже онъ считалъ ее своею собственностію; — часто родители отъ безпокойныхъ посвѣщителей приходили въ опечаленіе; часто неистовое пиршество незваныхъ гостей казалось имъ послѣднею минутою для ихъ безопасности; — тогда сходила изъ перема своего прекрасная Ксенія — и неистовые благоговѣли. Съ тихими, сладостными чувствами они оставляли домъ, удивлялись волшебной силѣ ея прелестей, досадовали на свое малодушіе, снова вооружались безстыдствомъ, и всегда уходили отъ нея побѣжденные. Такую силу имѣюшъ прелести; одушевленные добродѣтелию. Не рѣдко оставляла она шумное собраніе, чтобы слушать у дверей печальной распѣвъ старцевъ; ее не останавливали; нѣкоторые даже изъ враговъ сами невольно за нею слѣдовали, слушали старческую пѣснь о бранныхъ Лазаряхъ, объ Алексѣ, Божіемъ человекѣ, о страшномъ судѣ; не сердились на рассказы о бѣдствіяхъ, постигавшихъ Россію при владычествѣ злыхъ Ташаръ, о сурогомъ Царѣ, о зломъ Крымскомъ Ханѣ Менгли-Гирѣѣ, о несчастномъ Димитріѣ Царевичѣ, — о вдовствѣ и сиротствѣ Россіи; — слушали и дарили деньгами.

Надменный блескомъ своей ушвари, своею цвѣтущею молодостию и правомъ воина, Желіковскій мечталъ, что уже ничто не можетъ противиться такимъ его преимуществамъ. И досадуя, что не видалъ въ церквѣ прекрасной Ксеніи, спѣшишь

въ домъ ея. Старый отецъ ея, утружденный раннимъ бдѣніемъ, послѣ умереннаго обѣда опдыхалъ на дубовой лавкѣ, склоня на локошь съдую голову. Мать же, по обыкновенію, прибравъ сама посуду, въ образной горячими слезами благодарила Бога за щедрую милость. Входящій Желтковскій; сказавъ два, при холодныхъ привѣтствіяхъ, не дожидаясь ошвѣща, не обращаетъ вниманія на печальное расположеніе отца и матери семейства, не замѣчаетъ, ради ли приходу его, и снявъ шапку, садится у стола на той лавкѣ, гдѣ опдыхалъ старецъ. Такъ безжалостный наемникъ гонитъ чужаго коня, не разбирая ни шягости воза, ни прудности пуши, безчувственный къ его спраданіямъ, въ досадѣ на медленность, не согбенному его хребту, часпишь жестокими ударами. — Госъ сидитъ; — начинаешь разговоръ о Ксеніи. Въ ошвѣтъ ему унылое, робкое молчаніе; полагая сему причиною подозрительность родителей, штъмъ болѣе надѣешься на привязанность дочери, — надѣешься, что она, услышавъ его, не замедлитъ сойти. Смотришь въ окно; шущъ проходили старцы. Кшати, сказалъ онъ, пошъшу я прекрасную любимую ея музыкою. Позвали пѣвцовъ; — одинъ изъ нихъ былъ шотъ мраморный черепъ, которому онъ удивлялся на церковной паперши. При видѣ его Мечеславъ побѣднѣлъ; кровь оледенѣла въ жилахъ, дыханіе ошановилось въ груди его; необыкновенное движеніе волновало ее, и въ шотъ

же время оно встрѣчало непреодолимые преграды; тяжелая гора лежала на ней.

„Знаешь ли пѣсни, лысая голова?“ — спросилъ Полякъ. — Пою, вельможный. —

„Ну, спой же лучшую, какую только знаешь.“

Ницѣй, посматрѣвъ на Мечеслова и стараго хозяина, запѣлъ:

„Не дѣвица плачешь, не красная спонешь отъ ранней звѣзды до полуночи, не зная ошраднаго покоя.

„Плачешь Москва, спонешь Русь православная, подъ игомъ, раздорами.

„Не шкань распускается огромная, не дошканная, что зашкались въ нее нити крупныя, грубыя, рѣжутъ основу твердую. Распускается Царство Русское, что впушались въ огромное — беспыдное властолюбіе, кичливое безначаліе; жадность къ блеску, къ роскоши ослѣпили взоры орлиныя; что мечи булатные разрываютъ основу твердую, проливаютъ кровь Царскую, низвергаютъ Вѣру православную, и смѣются надъ стыдомъ и надъ законами. — Оспавайся же основа Русская, вы столпы непоколебимые, — одиноки съ твердой Вѣрою, — а врагъ кичись, пока Богъ смиритъ тебя.“

Желшковскій думалъ только о Ксеніи, сматрѣвъ на дверь, прислушивался; но дверь не прогалась. Неперпѣливо спрашиваетъ у махери: „Гдѣ швоя дочь?“ — Мать молчитъ, а Ницѣй продолжаетъ:

„Я бѣгу молода въ широкія поля, въ густыя лѣса; мнѣ любви швоей ненадобно.

„Возрасла мѣлода я въ высокомъ терѣ-
му, подъ крыломъ родныхъ, на чужихъ лю-
дей не заглядывалась.

„Мнѣ широкія поля, мнѣ густые лѣса
отъ позорной любви незагляднымъ будутъ
перемомъ.

„Ты же, лютой мой врагъ, ты родныхъ
за меня не мучь, не карай; я тебѣ ими
не суженая.

„Ни свѣчами съ тобой, ни кольцомъ, ни
вѣнцомъ, ни святой шеплошой, спавъ на
ширинкѣ одной передъ образомъ, не обруча-
лася.“

„Гдѣ Ксенія?“ вскричалъ въ бѣшенствѣ Жел-
тковскій, бросившись къ препенущей мате-
ри. — Ксенія вчера отъ насъ скрылась
безъ вѣсти, — отвѣчала она прерывающимся
голосомъ. — Со страхомъ я думала, что она
увлечена опселъ вашими руками; кругомъ
двора ваша спража: спросите у ней, куда
дѣвалась бѣдная моя Ксенія. —

Призвали спражу. На строгіе вопро-
сы Генерала одно отвѣчали, — что ни одной
души не пропускали ни въ домъ, ни изъ до-
му; а приходили спарцы, кошорымъ самъ
Генераль позволилъ шѣшитъ спихами ба-
рышню.

„Ты, старый бродяга, похитилъ ее,“
вскричалъ онъ яростно, бросившись съ об-
наженною саблею на Ницаго; но ты не
умрешь пакъ легко: въ жестокихъ мучені-
яхъ скажешь, гдѣ Ксенія.“ — Я на свѣстѣ ни-
кого не знаю, кромѣ своей нищей братіи. —
„Мечеславъ! возьми его; береги бандиша; ты

будень мнѣ означаютъ не мѣсто вѣдома честию. Я на небѣ полагаюсь." — Но, что я съ нимъ буду дѣлать? — спросила равнодушно Руской. — „Повѣсь его, дѣла, жаръ, жаръ, мори; но только чтибъ онъ не уморѣ," сказавши, Желтковскій ушелъ, можетъ быть, разыскивать о побѣгъ своей жертвы.

Заполночь продолжалась шумная бесѣда у Мечеслава; всѣ говорили съ истиннымъ участіемъ о Желтковакомъ, понимали его несчастливѣйшимъ, изъ смертниковъ; проклятія сыпались на нарушителя правъ военныхъ, — но въ груди Мечеслава горѣлъ спрашнй пожаръ; всѣ члены въ немъ развязались — кровь, волновалась какъ пламень. — Ведя вѣтреннаго ему клычнина, самъ едва едва влекъ онъ свои ноги, ему вѣмнявшія; надъ темнымъ подземельемъ, гдѣ былъ заключенъ несчастный, казалось ему, попрыскались сны, двигался полъ и потолокъ былъ подъ нимъ обрушился. — Проводивъ гостей, не могъ и думать о снѣ; жаждалъ разсѣяться прогулкою и освѣжившись упренней прохладою, но невольно шелъ къ подземелью; ошварился съ шумомъ желѣзные двери, — и онъ видѣлъ предъ собою спарца спокойнаго, величественнаго; — на лицѣ его онъ не нашелъ сѣдого, спираха и робкаго безпокойства и роса нарушеннаго сна; оно сіяло тихимъ веселіемъ Праведника. — Мечеславъ удивился перемѣнѣ своей; вдругъ ухватилъ его жонъ вѣ бурныя движенія. Такъ Музы вѣрующаго наполняютъ помышленную нусиену днѣмъ при-

его и навёрнувшись слезы на глазахъ, бросился къ нему съ распростирытыми объятіями и вскричалъ:

— Жестокій! ты эгоистъ неблагодарный, нечувствительный, развратный сынъ! — Еще ли ты будешь бороться съ голосомъ самой природы? Воспользуйся имъ; онъ не умолкнетъ, развѣ когда изъ груди твоей выржущъ твое жестокое сердце. — Скажи, гдѣ твой родъ; кто воспиталъ тебя? Посмотри, все тебя обличаетъ. —

„Старикъ, старикъ! говорилъ Мяславъ, все доказываетъ твое невѣжество — говоришь, что чувствуешь, — и говоришь такъ грубо; ты видишь великое различіе между мною и тобою — ты нищій — я Генераль. Невѣжда и нищій позволяешь себѣ все и не понимаешь, что слова его оскорбительны.“

— Правда, у насъ смотрятъ по дѣламъ; вы измѣнники, оптеубійцы, рушители своего опечества — и умѣете скрывать гнусность свою подъ благовидною, блестящею личиною, мягкими словами. — Сынъ! да не обрушится на тебя небесное проклятіе. —

„Старикъ, старикъ! ты меня погубишь невозвратно; не забудь, я также среди враговъ: что скажутъ о сынѣ нищаго? — Дай окончиться затруднительному моему положенію. — Опечество наше ослабло — и должно уступитьъ сильнымъ врагамъ. Шведы ли воспоржествуютъ, или Поляки, — или, какъ носятъ слухъ, — Нѣмецкой Императоръ — я долженъ удержанъ свое мѣсто. —

Что, нужды, что отечество падеть! —
Сколько оцъ утратилъ въ самобытности сво-
ей, столько приобрьшетъ въ просвѣщеніи.“

— Не осудерный, сынъ, свящаго слова.
Просвѣщеніе несовмѣстно съ развращенными
твоими мыслями; отечество не уступитъ
врагамъ своимъ, пока Богъ не оставитъ его.
Уже избавители готовы съ востока; въ древ-
немъ Домѣ нашихъ Князей загараются зари
спасенія для Россіи. — Скоро мрачныя пу-
чи надъ Столицею разсыются, тогда измѣн-
нику останется одинъ спыдъ. —

„Старикъ, старикъ! только сходству
моему съ сыномъ твоимъ, твоему обма-
ну и твоему ничтожеству ты будешь
обязанъ, если избѣжишь пещерь мукъ, кото-
рыя висятъ надъ твоей головою; пользуй-
ся темнотою ночи; — ты погибъ, если за-
спианешь тебя день въ стѣнахъ Москвы.“

При сихъ словахъ Нищаго извели изъ
подземелья; устремивъ взоръ свой къ небу,
онъ пошелъ; — Мицеславъ смотрѣлъ вслѣдъ
за нимъ и, въ первой разъ, уступивъ сла-
достному чувству, дошолъ для него неизвѣ-
стному, кричалъ: Постой, постой, старикъ!
еще скажу тебѣ два слова. Пусть черты
сіи сильнѣе, сильнѣе вѣржущся въ памяти
моей; мнѣ шакъ оспрадно“ — говорилъ онъ
самъ себѣ, жадно пожирая взорами почтен-
ный образъ. „Нѣтъ! забылъ! иди съ Богомъ!“
сказалъ онъ ему, и послѣдно вошедши въ
свой покой, бросился въ слезахъ на мягкую
постель.

„Нѣтъ болѣе Ксенія; всѣ мои поиски тщетны! Всѣ казни и бѣдствія да обрушатся на проклятаго бродягу,“ говорилъ Желтковскій, вошедши на другой день къ Мечеславу.

„Ведите преступника на лобное мѣсто, — уже готовы для него всѣ орудія смерти.“

— Нищій бѣжалъ, — былъ отвѣтъ ему отъ посланныхъ.

„Какъ? Мечеславъ! не тебѣ ли въ руки я отдаю его?“ говорилъ онъ съ гнѣвомъ.

Мячеславъ молчалъ, и на многіе упреки Желтковского наконецъ съ холодностію сказалъ: — Я принесъ всѣ жертвы Царю моему Владиславу, — но бытъ спражемъ бродягъ, палачемъ своихъ соотечественниковъ — что выше силъ моихъ: не могу. — Желтковскій. —

Скоро пронеслась молва страшная для враговъ, утѣшительная для Москвитянъ, — что избавители приближаются грозною тучею. Воинственные Поляки и Липовцы пробудились отъ дремоты. — Геній войны, какъ и всякой геній человечества, возбудивъ въ нихъ готовность на всѣ опасности, придавъ имъ особенную важность, — и въ глазахъ самихъ приписанныхъ замѣняя справедливость дѣла. Забыты шумныя притѣсненія и самохвальство, забыты насилие и нѣга; всякой измѣрялъ глазами только въ соотечественникахъ надежду свою. — Такъ въ знойный лѣтній полдень отъ приближенія черваской тучи принимаютъ грозный видъ и тѣ предмѣсты, на

которыя гибельная обрушились молніями, громомъ и опустошительнымъ градомъ. Сей воинственный геній спасъ бы Польшу, еслибъ его одного доспашочно было для швердоси дѣль человѣческихъ. — Но что онъ значить противъ сильныхъ Геніевъ, охраняющихъ Россію; что значить противъ вѣры и вѣрности?

Наступило 22 Августа. Срединѣ Москвы сдѣлалась границею между двумя сопрошивными силами. Грозно напирали Русскіе; мужественно отражались и стояли Поляки, надѣясь на собственныя свои силы. Въ этотъ день они даже не принуждали приверженныхъ къ нимъ Русскихъ драться противъ соотечественниковъ, но позволяли имъ быть зрителями жестокаго кровопролитія. — Мечеславъ стоялъ бездѣйствія. Уже дружины Пожарскаго изнемогали отъ силы враговъ, — опочаініе распространялось во всѣхъ Русскихъ рядахъ; шлемы и латы прещали подъ сильными ударами Польскихъ палашей; — юные уступали; — шпорики были оставлены въ схваткѣ со врагомъ сильнѣйшимъ; — одинъ изъ нихъ уже безъ шлема защищается противъ многихъ, быстро наноситъ ударъ за ударомъ; но силы его слабы. Мечеславъ узнаетъ въ немъ шпирца; глаза его темнѣютъ; онъ невольно бросился въ среду сильныхъ враговъ его, какъ бы противъ собственныхъ своихъ. — Измѣна! измѣна! раздалось въ ихъ рядахъ; — но Мечеславъ мужествомъ своимъ многимъ доказалъ, что

онъ спасаетъ отца: защитилъ старца — и самъ наконецъ дорого ошдаль жизнь свою за отечество. Престарѣлый отецъ благословлялъ судьбу его, что онъ палъ за правое дѣло, и послѣднею минушкою искупилъ душу свою отъ вѣчнаго проклятія.

Т Е М И Р Ъ.

П о в ѣ с т ь

„Гдѣ вы, дни прежней свободы, дни безпечной радости? Вы остались далеко на поляхъ странствованія; ничто мнѣ не возвратитъ васъ; и шамъ, гдѣ я не умѣлъ наслаждаться вами, не умѣлъ цѣнить васъ, теперь другіе счастливыцы украшаютъ кавылѣмъ юрты свои; другіе попираютъ шелковую праву безпредѣльныхъ степей; въ однихъ предѣлахъ съ солнцемъ совершаютъ пуши свои, и поятъ свѣжими водами всегда у новыхъ незнакомыхъ рѣкъ безчисленныя стада свои. Незабвенныя мѣста независимости! еслибъ я прежде чувствовалъ, сколь тяжело терять то, къ чему привязала насъ ранняя привычка; еслибъ предвидѣлъ скорьби, конныя встрѣчаю, оставя васъ; еслибъ это былъ сонъ; еслибъ, проснувшись, еще однажды я могъ дышать воздухомъ подъ пусынной стѣною деревъ: то не искалъ бы счастливейшихъ странъ, не увлекся бы мечтами, и свободной жизни среди мирныхъ стадъ не променялъ бы на горы золота,

на царства почестей. Быстрый конь спрессованный в чистые поля, волею оживляется на новом пастбище, вербаудь готовишь многодневный запас для знойного пуши. И я быспрошю не уснувалъ ретивому коню: вездѣ для спада моего открыши были лучныя пастбища, и запасы природы были неиспощимы для меня во всякъ спрановованіяхъ. Мысль моя свободно лещала по неизмѣримымъ небесамъ; мнѣ знакомы были опдаленнѣйшія одна отъ другой звѣзды — мои путеводители и собесѣдники въ шемной ночи; они были свидѣтелями моего счастья; душа моя была полна жизни, веселія.

Но блаженство наше уже перестаетъ существовать въ глазахъ нашихъ, какъ скоро мысль представляешь что нибудь еще совершеннѣе, — сердце стремится за темной мыслию и часно отъ вѣрнаго счастья на вѣрное бѣдствіе. Свободѣ моей недоставало одного; мы не свободны отъ излишней вѣры въ преданія и сказанія древности. Можемъ быти, смѣясь надъ прошлаго правнуконъ своихъ, дѣды и прародители наши указали намъ на Сѣверъ рай; сказали, что тамъ только люди блаженствуютъ. Съ шѣхъ юрь плодородныя поля Востока служатъ только спаномъ для безчисленныхъ Ордъ, на Сѣверъ стремящихся; и еще никто не возвратился удостовѣрить насъ, есть ли дѣйствительно рай среди сихъ однообразныхъ сѣтровъ. Если онъ и есть, то конечно спрегупъ его зме, могучіе духи.

Сей холодный вѣтръ иное предвѣщаетъ, нежели чего мы ожидали отъ сего звѣзднаго неба. Какъ жестоко срываетъ онъ съ деревьевъ желтые листья! Какъ права умираетъ отъ его дыханія! На обширномъ полѣ одни стебли печально колеблются; они ясно напоминаютъ заблудшему страннику бѣжанъ опселя. Они подобны тѣмъ сострадашелямъ, но бѣднымъ людямъ, кои, видя голодъ и нищету подобныхъ себѣ, но сами лишенные всего, печально говорятъ имъ: Богъ дастъ. Вездѣ вижу однѣ гробницы и ни одного живаго существа. Обманчивыя мечты! Конечно какой нибудь злой духъ, по зависящій къ счастью смертныхъ, посылаетъ васъ въ мирное жилище неопытныхъ дѣтей природы; вы отправляете всѣ наслажденія наслажденія, сулите намъ блаженство, и ввергаете въ бѣдствія; мы слѣпо вѣруемъ вамъ; среди пустынь при дверяхъ гроба ищемъ васъ, и болѣе не находимъ; зовемъ васъ, но вы глухи; болѣзни, спраданія лишаютъ насъ всего лучшаго, и вы не помогаете, не сжалились надъ тѣми, коимъ все обѣщали.“

Такъ жаловался на судьбу свою Мурза Темиръ, слѣдуя за безчисленными ордами на Сѣверъ. Сорокъ разъ восходило солнце смотрѣть на удаленіе его отъ странъ, на кои особенно проливаетъ свое благословеніе; сорокъ разъ Мирза въ пуши молился ему, чтобъ оно не оставило его; но читалъ на немъ одинъ только гнѣвъ. Оно все косвеннѣе освѣщало; съ каждымъ днемъ умалелъ благотворный жаръ его; мракъ оспаривалъ

у свѣта большую часть времени. Предъ нимъ бѣжали вершины Урала, на нихъ догоралъ послѣдній лучъ вечерняго солнца. Съ одной стороны соль, подобно инею, покрывала поля, съ другой стремилъ волны Тоболь въ крутыхъ берегахъ своихъ. Тимуръ, за свѣжими насыпями избравъ защиту противъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, искалъ ночнаго успокоенія. Спутники разбили шатеръ, развели огни; спадо, утомленное и съ каждымъ днемъ рѣдѣющее, разошлося по полю. Мирза съ охотою бы отказался отъ неизвѣстнаго блаженства и возвратился бы въ свои знойныя степи, но сильный Тимуръ наводнилъ ихъ другими народами; а впереди его тянулись безчисленныя холмы Башыя; и такъ онъ увлекался попокомъ, и увлекался невозвратно. Напрасно говоряшь, что сонъ есть успокоеніе несчастнаго. Онъ рабъ враждебныхъ обшительствъ; въ счастіи, когда духъ ничѣмъ не возмущается, когда все, кажется, покорствуетъ нашему произволению, онъ нечувствительно ложится на вѣжды и улетаетъ нечувствительно; если неожиданные случаи вдругъ увлекають къ пріятнымъ надеждамъ, то льстецъ разсыпаетъ предъ нами всѣ золотыя мечты; если мрачныя тучи облагуютъ обзоръ нашей жизни, то измѣнникъ не является; съ злобной усмѣшкоюзираешь издали, какъ страхъ, горестъ и опечаленіе раздирають грудь несчастнаго и выпивають изъ леденѣющаго сердца его послѣднюю теплую каплю крови, и когда

спрадалецъ упомянутый, забывающа опъ
 безсиліа; по злодѣи мрачно, подобно полу-
 ночному привидѣнію, ложится на слабый со-
 славъ шѣла, давитъ своею тягостію, и
 удвоая дневные ужасы, ошнимаетъ у нихъ
 смертоносность. Темиръ прежде не видѣлъ
 свободъ своей предѣловъ, не зналъ мѣры
 богатству своему, не чувствовалъ цѣны удо-
 вольствіямъ и наслажденію; теперь въ раз-
 лишомъ сосудѣ своего благополучія на днѣ
 видитъ только надежду и сонъ. Уже по-
 слѣдній огонѣкъ мелькалъ на угольяхъ изъ-
 подъ щепла, коимъ они покрывались, и ко-
 шорымъ игралъ порывистый осенній вѣтеръ;
 кажепса, онъ не ждалъ оставшихъ ни искры
 жизни въ области холода, и для щого без-
 преснанно срывалъ покровъ съ румянца
 углей и заславлялъ ихъ горѣть скорѣе. Ушо-
 мленное снадо ошрыгало болѣзненные вздо-
 хи, а не пищу, какъ бывало въ спранахъ
 приводныхъ, и наполняло воздухъ печаль-
 нымъ сшономъ. Завываніе дикихъ эврей
 наводило на Темира страхъ. Ему казалось,
 что онъ скоро будешъ принужденъ оспори-
 вать у нихъ добычу ихъ, будешъ уже не
 защищать шоварищей, друзей свободы, но
 только боящся, чтобы Гарпін не исхишили
 изъ горшани его пищи. Когда сердце его
 билось только для радости, тогда онъ ви-
 дѣлъ друзей во всемъ, что только могло
 дѣлать съ нимъ радости его, и краса сна-
 да, часшо привлекала его удивленіе и даже
 пошпеніе. Горестная нужда ошдѣлила его
 отъ нихъ; какъ сядишамецъ, уже онъ воз-

ложилъ на нѣхъ руку свою, и право: жажда, косьи, безчеловѣчїя еще не успокоило юной совѣсти Темира; и какія права могли успокоить обманутаго искашеля лучшей долей, нежели какой смертному искашю позволено? Скоро сдѣлающся страшными для него и самые люди, съ которыми не соединена ни прошедшая жизнь его, ни будущая. Ни воспоминанїя, ни надежды не утѣшаютъ на чужбинѣ, и не привязываютъ къ лицамъ, коимы видимъ только мимоходомъ.

Больше утомленный, нежели сномъ обалтпый, Темиръ сомкнулъ вѣжды свои; тѣ же сомнѣнїя, тѣ же горести занимали его и въ семъ безпокойномъ снѣ. Еще видѣ и спонѣ голоднаго спада пронзалъ сердце его; еще искалъ онѣ вдали привольной имѣ пищи, но щещенно; думалъ, какъ укрытъ отѣ прогнательной спужи юныхъ аглицевъ и щельцовъ; готовъ былъ раздѣлить съ ними шансеръ свой и согрѣтъ у сердца; еще взоры его устремлялись къ спранѣ блаженства минувшаго; и впереди онѣ ищетѣ цѣли своихъ стремленїй и видѣлъ вдали мужа, ни по одеждѣ, ни по виду ему незнакомаго. Простая, но величественная наружность, смѣлая и важная движенїя, взоръ вдали устремленный представляли Темиру незнакома сего врагомъ, соперникомъ въ послѣднемъ остаткѣ его богатства. Сердце его исполнилось недоувѣрчивости, опасенїя. Кто можетѣ жить въ спранѣ сей, какъ не хищникъ или алчный согладаша заблудившихъ спранниковъ? Моментъ бытъ, въ первый разъ,

Темиръ, ты долженъ будешь измѣрить силы свои съ подобнымъ тебѣ; и ты, снѣдое, послѣдняя моя утѣха, будешь пресыщаться убійцу прежняго друга своего. Такъ думалъ Темиръ. Но чудо! пустынные поля вдругъ покрылись пріимною зеленью, какою никогда не украшаются невоздѣланныя, но плодоносныя поля Востока; древа манили взоръ и вкусъ его прелестными плодами. Темиръ готовъ былъ повергнуться въ признательности и лобызать стѣпы благодѣтельнаго божества. Но гдѣ оно? кто могъ сдѣлать такую перемѣну на пустынныхъ поляхъ? Только взоръ незнакомца былъ обращенъ на нихъ; но незнакомецъ былъ такъ проспѣ, какъ послѣдній рабъ восточнаго владыки. Недовѣрчивый Темиръ можешь только бояться. Смотришь; вдругъ за рощами возвышаются зданія великолѣпныя, предъ коими лучшіе шатры его представляють видъ жалкой бѣдности; и сіи зданія опровержны для успокоенія усталаго пришельца. Темиръ благоговѣетъ, ищетъ виновника сихъ превращеній, и встрѣчаешь только со взоромъ незнакомца; но незнакомецъ былъ такъ проспѣ, какъ послѣдній рабъ восточнаго владыки. И плодоносныя поля и огромныя великолѣпныя черпоги не избавляютъ меня отъ подозрѣнія къ сему мрачному привидѣнію. Если онъ силенъ, то всего можешь лишить меня, или сдѣлаешь рабомъ своимъ; такъ думаешь Темиръ, и въ сомнѣніи ждетъ, что будетъ далѣе. Видишь несмѣнныя богатства; безчислен-

ныя орды спремашся собирать его; каждый употребляешь всѣ усилія, и съ каждымъ усиліемъ открываются новыя источники изобилія, идоволь для жадности, вдоволь для роскоши и вдоволь для великодушія. Одинъ предлагаешь другому избытокъ плодовъ, шовъ сыплешь золото; иной раздѣляешь шкани и чудныя орудія запѣйливости. При семъ удивленіе Темира удвоилось, но сердце не искало виновника сего народнаго благоденствія. Если богатства раздѣлены между людьми такъ, что они взаимно другъ у друга могутъ брать сколько, сколько нужды ихъ пребуютъ, и давать, сколько сами пожелаютъ; то они уже довольны сами собою и не спрашиваютъ объ источникѣ сего изобилія. Темиръ легко могъ забыть незнакомца, который былъ такъ просвъ, какъ послѣдній рабъ восточнаго владыки. Вдругъ гармонія небесная поразила душу Темира; сердце его открылось для новой жизни — новый міръ вмѣстился въ воображеніи, въ груди его. Не было въ немъ чувствованія, которое бы не предсѣнилось ему снова въ неизъяснимой сладости; не было предмета любезнаго, милаго сердцу Темира, коему бы онъ въ сей гармоніи не видѣлъ вѣчнаго, неслѣннаго памятника. Въ восторгъ онъ ищетъ виновника своего священнаго упоенія, видитъ персты незнакомца на струнахъ арфы, слышитъ голосъ его, и не сомнѣвается, что онъ былъ виновникомъ всего райскаго удовольствія, спремится повергнуться къ спо-

память его — но незнакомец воспарилъ и сокрылся опъ взоровъ Темира, какъ скрывающагося въ легкокрылыя мечты. Напрасно онъ обращаетъ всюду взоръ свой и еще разъ желаетъ встрѣпшпъ чудеснаго незнакомца; встревоженный напряженіемъ своего вниманія, онъ просыпается. Передъ нимъ восточное небо уже багровѣло густымъ пурпуромъ, который на сѣверъ предшесвуешь свѣжему, ясному осеннему дню. Еще, заняшый своею мечпою, онъ искалъ въ ушреннемъ заревѣ своего незнакомца; потомъ бросилъ печальный взоръ на покоящихся спутниковъ; пѣ же горестныя предметы представлялись глазамъ его, но онъ уже не чувствовалъ прежняго опчаянія: въ сердцѣ его возродилась крѣпость, дошолъ ему неизвѣстная, и продолжительный рядъ несчастій, еще вчера наполнявшій душу его уныніемъ, нынѣ открылъ въ немъ новыя силы, силы геройскія, кои зараждаются только въ крайнемъ бѣдствіи и преодолѣніемъ онаго питающагося и возрастающаго. Такъ спрадалецъ, обѣяшый тяжкою, изнуришельною болѣзнію, какъ скоро бывающъ истощены въ недужномъ тѣлѣ его средства, еѣ пивавшія, вдругъ ощущаетъ въ жилахъ своихъ сильный пошокъ жизни, сердце его ошдыхаетъ и лучъ радости озаряетъ помный взоръ его. Такъ природа, окованная зимними льдами, оцѣпѣлая, при поворотѣ солнца чувствуетъ пульсъ жизни и начинаетъ дышать въ новыхъ зародышахъ — въ почкахъ, не сморгая на холодъ, который тогда при-

мѣнно увеличивается; такъ Мельцомена, поразивъ сердца зрителей всѣмъ, что есть прогашельнѣйшаго, вливаетъ въ нихъ неизъяснимое мужество и готовитъ ко всѣмъ пожертвованіямъ великой души; такъ юный герой, оживленный, воспламененный взоромъ богошворимой красоты, хотя онъ ею незамѣченъ, хотя другіе ему предпочтены, мужественно спремится на знаменитые подвиги, ищетъ смерти въ бояхъ, и увѣнчивается славою; — удаленъ отъ любезнаго предмета, видитъ его во всякомъ высокомъ явленіи природы, во всякомъ высокомъ чувствованіи души, во всякомъ благошвореніи ближнимъ своимъ.

Съ такими чувствованіями встрѣтилъ Темиръ новое утро въ жизни своей, утро подъ чуждымъ небомъ, въ землѣ незнакомой. Свѣжесць воздуха заспавила его сложивъ съ себя пышныя одежды, кои не столько грѣютъ, сколько препяпсываютъ свободному движенію. Онъ одѣлся въ простое, но теплое и покойное платье. Разсмотрѣвъ свои оружія, выбралъ изъ нихъ самыя необходимыя, возложилъ на плеча лукъ и колчанъ, препоясаясь родительскимъ мечемъ и съ дрошикомъ въ рукѣ онъ уже не походилъ на того роскошнаго Мирзу, коему прислуживаютъ тысячи невольниковъ; но казался простымъ звзроловомъ, который по горамъ и въ густыхъ лѣсахъ слѣдитъ добычу свою. Измѣривъ силы свои, онъ съ благородною увѣренностію смотрѣлъ на себя, и кажется, уже видѣлъ, что онъ и что не онъ,

что его собственное и что чужое; спада его уменьшились, большая часть спутниковъ оставили его; необозримыя пустыни вокругъ всюду простирались; не оставалось болѣе ничего, что прежде расширяло, дѣлало, нѣжило бытіе его, что дѣлало его Майскимъ цвѣткомъ на долинахъ изобилія, и вѣчнымъ младенцемъ въ роскошной колыбели, и безъ страха смотрѣлъ, какъ коря опдѣляеся отъ спѣлаго зерна своего. Уже походъ его принялъ видъ спокойной, правильной жизни. Голодъ, слѣдовавшій послѣ большаго перехода, научилъ его забывать сласти изнѣженнаго вкуса, не презиравъ пищи простой. И видя, что природа вездѣ щедра на необходимое, онъ болѣе успокоился въ судьбѣ своей.

Однажды, въ часы отдыха, вдругъ шумъ, стонъ и вопли поражаютъ слухъ его. Онъ видитъ толпы несчастныхъ, въ плѣнъ увлекаемыхъ. Бесильные спарцы, увѣченные мужи, машери, дѣвы, безпомощныя дѣши, всѣ въ оковахъ, какъ тѣни умершихъ, спремались по мановенію одного изверга; по мановенію его одни плавали въ крови своей, другіе издыхали отъ голода, иныя подвергались поруганію; для несчастныхъ уже не было ни надежды, ни страха, ни спыда, ни моленія. Желѣзная воля тирана, кажешся, претворяла ихъ въ холодный камень.

Они подобны мнѣ, былъ первый голосъ въ сердцѣ Темира. Они несчастны; ихъ несчастья даютъ имъ право на все, что я имѣю. Горе злодю, пришлисьшело невин-

ныхъ! Кровь закипѣла въ сердцѣ Темира. Ударъ, — и пиранъ поверженъ, обезоруженъ; ударъ, — и оковы свалились съ несчастныхъ. Уже для нихъ простершы объятія, для нихъ льющія слезы челоуѣколюбія, для нихъ гошовъ кровь гостепріимства.

Для чего мнѣ искашь другаго рая? Онъ тамъ, гдѣ можно помогать несчастнымъ. Не здѣсь ли Геній благодатный возродилъ во мнѣ новое чувство челоуѣчества? Вамъ, брашя, опныиъ посвящено сердце мое; съ вами тольо оно можетъ наслаждаться блаженствомъ.

Сказалъ, и мрачная пущыня вдругъ огласилась восторгами радости; для людей, другъ другу чуждыхъ и прежде опдаленныхъ, она превратилась въ опечество. Пріятнѣйшія чувства великодушія и признательности были узломъ сего новаго общества; сердце ими одушевляемое естъ неизмѣнный спутникъ уму свѣтлому, основательному, глубокому, естъ источникъ великихъ силъ и вѣрная порука за успѣхи въ добрыхъ намѣреніяхъ. Несчастливымъ казалось, что они волшебствомъ перенеслись тольо на время въ свое новое убѣжище. Благодѣнія Темира превосходили ихъ ожиданіе. Суровость времени года, продолжительной сонъ природы во время холодной зимы, все предумошрѣно, опвращено, или смягчено родителскою попечительностью Темира. Несчастіе и бѣдствіе, подобно смерти, помрачаютъ шаланшы, скрываютъ силы героя; благородная душа Темира въ новыхъ сво-

ихъ собратіяхъ умѣла открыть таланты и возбудить силы, коими они поддерживали и услаждали жизнь свою въ опечисленной землѣ, доколѣ гордый завоеватель не обременилъ ихъ оковами. Они встрѣтили весну со всеми приготовленіями, чтобы встрѣтить щедрой матери землѣ сѣмена будущаго ихъ благоденствія.

Что могло сравниться со счастьемъ Темира и съ тѣми новыми чувствованіями, кои одушевляли его въ семъ новомъ образѣ? Благороднѣйшія побужденія его сердца приведены въ исполненіе, и сіе исполненіе убѣждало его, что онъ не мечтатель, что добродѣтель не есть одинъ призракъ, что блаженство есть истинный удѣлъ человечества. Сначала ему казалось, что онъ самъ топъ благодѣтельный незнакомецъ, который превратилъ пустыню въ плодоносную обитель. Но скоро благоговѣйная бесѣда съ спарцами открыла глазамъ его небесный свѣтъ, — и благородный, великодушный Темиръ не увлекался во второй разъ пылыми чувствованіями гордости, которая завоевателямъ открываетъ гробъ въ собственномъ ихъ ничтожномъ величій.

Въ скромномъ уединеніи онъ проводилъ жизнь, исполненную благодѣній, и слава ихъ въ слѣдъ за гениемъ всегда парила къ небесамъ.

Часто въ сокрушенномъ сердцѣ онъ молился: „Непостижимый Творецъ! благодарю Тебя, что Ты не оставилъ меня въ гордыхъ мечтаніяхъ цвѣтущей, пылкой юности. Изъ

плѣнія сѣмянъ ты производишь новое бы-
тіе, сокрушаешь въ прахъ швердыни, и воз-
водишь изъ праха безсмертіе; благодарю
Тебя, что Ты смирилъ мое сердце и даро-
валъ мнѣ вѣру въ блаженство !“

Оболенскій.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

Объ Эпической Поэзіи.

(Окончаніе.)

Эпопея основана на преданіи. Старѣй-
шій наставникъ всѣхъ народовъ есть пре-
даніе, ибо природа безмолвствуетъ и не раз-
рѣшаетъ никакихъ сомнѣній. Въ первобыт-
ной Исторіи народовъ находимъ мы сказ-
ки, которыя суть ни что иное, какъ
произвольныя Эпопеи. Чудесныя силы и
призраки природы, все чрезвычайное и не-
изъяснимое въ человѣческой жизни, нако-
нецъ многоразличныя соплетенія судьбы
и случая, сославляющъ богатѣйшій источ-
никъ сказокъ. Онѣ, точно какъ сновидѣнія,
по видимому не имѣютъ никакой связи; въ
нихъ все должно быть оживлено особен-
нымъ образомъ: свободно, таинственно,
мечтательно и чудесно, такъ какъ въ при-
родѣ, въ которой для одного только

мыслящаго явны вѣчныя законы вселенной и великая связь всѣхъ вещей. Сказка преимущественно процвѣтала на Востоцѣ, гдѣ климатъ, образъ жизни, наклонность къ чудесному и проч. исключительно ей благопріятствовали. Опъ того восточныя сказки большею частію суть истинно гениальныя; поэтически заимствованныя изъ круга дѣйствительной жизни, онѣ носящая, въ соразмѣрномъ содержаніи, между небомъ и землею. Поелику сказка имѣетъ ближайшее сродство съ Эпосомъ, посему господствующій характеръ ея есть — изображеніе дѣтской невинности и простодушія.

Существенная Эпоса временъ новѣйшихъ вообще есть *романъ*, но кошорый, однако же, имѣетъ свой опличительный характеръ, сообразный съ духомъ романизма. Чшо касается до отношенія онаго къ Эпосу древней, то, можешь бышь, въ семъ смыслѣ всего приличнѣе былобъ наименовать его цвѣтомъ оной: ибо Эпосъ Гомера, сравнительная съ величіемъ природы, развиваетъ предъ нашими взорами безконечный міръ, въ кошоромъ высокое и низкое мирно пребываютъ одно подлѣ другаго, и гдѣ самый герой, подчиненный общимъ законамъ, есть шолько членъ въ великой связи цѣлаго; въ романѣ напротивъ того все преимущественно сосредоточивается *въ одномъ отдѣльномъ*, шакъ, чшо въ характеръ определеннаго лица развивается здѣсь цѣлый міръ, какъ въ человекѣ, совокупившемъ въ себѣ всѣ многоразличныя силы при-

роды. Поелику романъ, по свойству своему, повѣствователенъ; поему большая часть сказаннаго объ Эпопей относитъ къ нему. Слѣдовательно онъ столько же всеобъемлющъ какъ Эпопея, но, по духу времени новѣйшихъ, болѣе уклоненъ къ духовности, т. е. болѣе имѣетъ отношенія къ душѣ, и ежели Эпопея въ обрисовкѣ характеровъ допускаетъ только черты легкія, то романъ, напротивъ, по необходимому условію вѣнценней своей самоспопашельности, пребуетъ въ семъ отношеніи самыхъ опредѣлительныхъ и рѣзкихъ очерпаній.

Романъ ведетъ свое начало отъ одного какого нибудь опредѣльнаго момента дѣйствительной жизни, и начинается самымъ простымъ и обыкновеннымъ происшествіемъ. Сіе происшествіе бываетъ, по видимому, совершенно произвольное, но какъ, по своимъ слѣдствіямъ, оно можетъ сдѣлаться безконечнымъ, то и даетъ право поэту развивать себя до послѣдней возможности. Сверхъ того, романъ тѣмъ еще опличенъ отъ Эпопей, что не всякій разсказъ его составляетъ самъ по себѣ цѣлое, и соединеніе частей онаго не есть по видимому дѣло случайное, но напротивъ здѣсь все во взаимномъ, неизбѣжномъ совокупленіи и связи, такъ, что каждый новый моментъ, оплодотворенный предыдущимъ, рождаетъ слѣдующій. Такъ постепенно распространяется поприще дѣйствія; твореніе фантазіи, при глубокой, безпрестанно возвышающейся значительности, идетъ далѣе; всѣ со-

отношенія жизни, искусства, науки и религии принимаютъ участіе въ этомъ прошломъ и по началу своему ясномъ повѣствованіи. Вещественное возносится къ божественному, и опъ какой-либо ничтожной почки житейскаго бытія, мы, мало по малу и какъ будто по ступенямъ, воспекаемъ до великаго, одушевленнаго міроздавія. — Такъ едва приметное вначалѣ зерно производитъ одинъ только зародышъ; но сей въ послѣдствіи рождаетъ многіе отростки, и упоенный живительною силою природы, возникаетъ въ красотѣ величественнаго дерева, которое, ушвердивъ глубоко корни свои въ нѣдрахъ плодотворной земли, возвышается непрерывно болѣе и болѣе, распространяя вокругъ себя вѣтви, листья и цвѣты.

Сею только всеобщностію развивается характеръ главнаго лица въ романѣ, попому что съ каждымъ новымъ взоромъ на природу и жизнь, и при каждомъ дѣйствіи одного существа на другое, почтеніе опредѣляется самобытносць дѣйствующаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется и кругъ его дѣйствій: только богатство и объемъ дѣятельности доставляетъ собственно характеру твердость и силу. Какъ средоточіе романа, приводящее къ единству многообразныя виды снанаго, есть герой, къ которому все относится и который во всемъ принимаетъ участіе: плакъ средоточіемъ души героя есть любовь, которая посему составляетъ существенную основу въ романѣ. Религія Христіанская уш-

верждена на любви; сія послѣдняя есть живительное начало всего новаго міра, а пошому весьма ясно, почему древніе не могли имѣть истинно совершеннаго романа, такъ какъ и совершенной музыки. Далѣе, поелику сочинитель романа обязанъ опредѣлять характеры своихъ лицъ со всею точностію, и поелику въ твореніи его всѣ виды и намѣренія дѣйствующаго имѣють отношеніе къ міру вещественному, съ тѣмъ, дабы, чрезъ посредство любви, согласовать его съ міромъ духовнымъ, и возвысить до идеи; посему очень понятно, отъ чего въ романѣ необходимо изложеніе прозаическое: извѣстная, всегда ограниченная, хоща и богатая мѣра слоговъ, ни въ какомъ случаѣ не могла бы придасть характерамъ разнообразіе; но сдѣлавъ ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи другъ на друга похожими, она придала бы имъ отблескъ вещественности древней Эпопеи.

Гердеръ весьма остроумно уподобляетъ романъ сновидѣнію. Романъ также точно, какъ и сновидѣніе, долженъ занимать и обладать нами, ибо состояніе полубодръствующее и полуспящее есть состояніе упоительное: да не вредитъ познѣ собственному своему произведенію, неосторожно пробуждая насъ въ сладкія минуны очарованія и тѣмъ давая знать, что все видѣнное нами было только сонъ. Пусть романъ, подобно сновидѣнію, возноситъ насъ отъ обыкновенныхъ жишейскихъ соотношеній къ како-

му - по высшему, свободнѣйшему міру, и чудесное, составляющее единственную прелесть сновидѣнія, да будешь шѣмъ же и въ романѣ. — Чѣмъ нѣжнѣе соплетеніе и составъ сего чудеснаго, шѣмъ болѣе привлекаешь насъ цѣлое; надобно только, чтобы все казалось здѣсь необходимымъ и неизбѣжнымъ, чтобы все имѣло видъ причины, а не слѣдствія. Наконецъ вспомнимъ, что сновидѣніе составляетъ насъ углубляясь въ самихъ себя, пробуждая по временамъ въ душѣ глубокія чувствованія, таинственныя, часто непоспимыя желанія, кои насъ или спращаютъ, или ободряютъ: виды сновидѣнія обыкновенно парятъ между небомъ и землею; они сходны и несходны съ дѣйствительными, и хотя весьма намъ знакомы, однакожь, при всемъ этомъ, имѣютъ для насъ что-то таинственное и чудесное. — Тоже самое да будешь и въ романѣ.

Такъ называемый романъ историческій есть собственно уклоненіе отъ перваго, и не можетъ сравниться съ нимъ въ изяществѣ, потому что предметъ его всегда протѣивурѣчитъ формѣ. Будешь ли онъ придерживаясь слишкомъ близко Исторіи, тогда ему трудно быть занимательнымъ; а ежели онъ отъ ней удаляется, то оскорбляетъ ея достоинство, не будучи при томъ произведеніемъ чисто поэтическимъ. Изъ числа романистовъ, нѣкоторые съ особеннымъ успѣхомъ употребляли въ твореніяхъ своихъ форму драматическую: симъ хотя и ограничивающа значительна сво-

бода въ развитіи повѣствованія, но за то тѣмъ болѣе представляеть автору способъ къ рѣзкому очерчанію и опредѣлительности своихъ характеровъ. Сущность *комическаго романа* есть смѣшное, происпекающее опъ взаимнаго противоположенія идеи съ внѣшними соотношеніями жизни, ш. е. когда благородное усиліе чело-вѣка направлено бываешь къ обманчивымъ признакамъ, имѣющимъ въ глазахъ его опъ блескъ дѣйствительности и настоящей жизни. *Повѣсть* есть небольшой прозаическій рассказъ и находишься почти въ такомъ же содержаніи къ роману, какъ эпизодъ къ Эпосѣ. Это анекдотъ, или еще неизвѣстное происшествіе, такъ рассказанное, какъ бы мы его въ самомъ дѣлѣ рассказали въ обществѣ.

Такъ какъ всѣ роды Эпической Повѣсти повѣствовательны (сходны съ Исторіею); посему очевидно, что Эпосъ и искусство историческое необходимо должны находиться въ тѣсномъ средствѣ другъ съ другомъ. *Исторія*, въ значеніи высокомъ и благороднѣйшемъ, есть осуществленіе вѣчной идеи челоувѣчества, и если уже челоувѣкъ, въ ко-шоромъ сосредоточены непоспижныя силы и средства, одинъ самъ по себѣ, есть образъ и подобіе вселенной: то не съ большею ли основательностію можно сказать, что Исторія есть раскрытіе духовнаго вселенной. Единый неопразимый и вѣчный законъ господствуетъ надъ природою и обла-стью духа: какъ въ природѣ, такъ и по-

всюду въ Исторіи находимъ мы незагаданные слѣды высокаго духа міра. Точно такъ, какъ простое описаніе произведеній природы, ихъ наружной формы, образованія и взаимнаго различія, не заслуживаетъ еще названія Исторіи природы, такъ и въ нравственномъ отношеніи одно простое изложеніе событій, представленіе оныхъ въ естественномъ порядкѣ, есть только нѣчто относительное — эѳопоисъ, но не Исторія; ибо Исторія, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть произведеніе художественное, а сіе послѣднее образуется изъ души, по творческому генію художника. Историкъ необходимо обязанъ знать даже въ малѣйшихъ подробностяхъ тѣ происшествія, кои намѣренъ описатьъ въ своемъ твореніи; но такое знаніе обогащаетъ его одними только матеріалами. Желаетъ ли онъ сіи отдѣльныя части соединить въ одно изящное, органическое цѣлое, то, да обозрѣваетъ свой предметъ взоромъ гражданина вселенной, ш. е. всякое Государство да будетъ для него живымъ звеномъ въ великой цѣпи Всемирной Исторіи, да постигнешъ онъ духъ избраннаго времени и событій, и проникнувшій онымъ, пусть описываетъ подробности, не нарушая при томъ ни сколько исторической истины или согласованія съ жизнію.

Симъ объясняется богатство и постоянно увеличивающееся совершенствованіе Исторіи; потому что каждое великое событие способно принять опшѣнки шого

самобытнаго Генія, по высокой идеѣ коваго оно излагается. Характеръ искусства историческаго есть эпическій: подобно поэту эпическому, писатель Исторіи обязанъ хладнокровно обозрѣвать разнообразно движущійся предъ нимъ міръ; онъ долженъ со всею вѣрностію изображать достопамятныя событія, каковыбы они ни были, разрушительныя и бурныя, или зиждительныя и благія, развивать многообразныя характеры какъ народовъ, такъ и отдѣльных лицъ, объясняя побудительныя причины, по коимъ они дѣйствовали, и спраши, коими увлекались; но такимъ образомъ, чтобы поэтъ самъ по себѣ казался вовсе безспрашнымъ и былъ бы только представителемъ особливаго міра, утвержденного и управляемаго по высшимъ законамъ вселенной. Слѣдовательно одно изъ важнѣйшихъ условій въ отношеніи къ писателю Исторіи есть способность духовно усваивать себѣ характеръ посторонняго лица, т. е. постигать духъ каждаго вѣка и каждаго историческаго лица, и дѣлательно переноситься въ каждый чуждый ему кругъ мысли, не отказываясь при томъ отъ собственнаго своего образа понятій. Историкъ опинюдь не можетъ то время, въ которое живетъ самъ, выславлять образцомъ для всѣхъ временъ; напрошивъ того обязанность его состоятъ представлять событія въ свойственномъ ихъ характерѣ и дѣйствіи, и даже въ ничтожномъ изъ нихъ обнаруживать слѣды идеи. Если предмешь

или изображаемое въ Исторіи долженствуетъ являться намъ въ той же красотѣ и силѣ, какъ въ самой жизни; по посему ясно, что истинно великими писателями Исторіи могутъ быть только тѣ, кои описываютъ свой собственный вѣкъ и народъ. Тому только возможно быть дѣйствительно одушевленнымъ и самобытнымъ представителемъ дѣяній историческихъ, кто родился среди народа, отъ коего происхожденіе его ведетъ свое начало, кто былъ воспитанъ въ его нравахъ и образѣ жизни, и въ званіи гражданина жилъ въ соприкосновеніи со всеми классами людей и сословіями; кто самъ, своими глазами, обозрѣвалъ мѣста, бывшія поприщемъ великихъ дѣяній, кто лично имѣлъ возможность узнать извѣстнѣйшихъ Министровъ, славнѣйшихъ Героевъ и Царей, кто наконецъ, принимая участіе въ многоразличныхъ событіяхъ, былъ или потрясенъ или возвышенъ обстоятельствами непредвидѣнными и случайными.

Исторія раздѣляется на *всеобщую* и *частную*. Первая безпредѣльна какъ природа, съ которою она, по своей полнотѣ и пространству, скорѣе всего можетъ идти въ сравненіе; вторая, напротивъ, изображающая подвиги и дѣянія одного отдѣльнаго народа, по своей ограниченности, гораздо болѣе приближается къ драмѣ: потому что исторія одного народа, исторія его развитія, цвѣтущаго состоянія и упадка, есть прагматическая борьба съ предопредѣленіемъ, которая будетъ

для него шѣмъ блистательнѣе, чѣмъ яснѣе въ продолженіе оной обнаружится изящество его характера и героизмъ добродѣтели. Такъ какъ цѣль Исторія есть существенность и истина, то въ изложеніи своемъ она ограничивается прозою.

Къ Романтической Эпопее ближе всего подходящъ *Романсы*. Романсомъ называлось собственно новѣйшее преданіе народа, образовавшееся постепенно изъ языка Лашинскаго или побѣжденных Римлянами народовъ. Слѣдовательно Романсъ, какъ описалъ Поэзінъ, въ пѣсномъ смыслѣ есть пѣсня на языкѣ отечественномъ, или Романтическое изложеніе чего-либо сообразно съ духомъ народа. Романсъ первоначально былъ совершенно безискусственъ и сопровождался обыкновенно простѣйшею музыкою. Сіе-то самое, а при томъ и свойственная ему краткость, отличаютъ его отъ пространнѣхъ романовъ, которые вначалѣ были ничто иное, какъ рыцарскія лѣтописи, и уже въ послѣдствіи, будучи излагаемы въ прозѣ, они обратились въ книги народа. Сіи Романсы или пѣсни, въ качествѣ національных вымысловъ, хранили въ себѣ отличительныя черты образа мыслей и чувствованія народа, и отъ того именно пріобрѣтали особенную живость и силу. Характеръ Романса есть спокойное представленіе; но дѣйствіе его на насъ бываешь шѣмъ еще сильнѣе и шѣмъ невыразимѣе, что всякаго рода событіе, какъ обыкновенное, такъ чудесное и странное, онъ рассказы-

ваетъ просто, со вѣсьмъ добродушіемъ и опкровенностію. *Баллада*, собственно стихотвореніе, которое можетъ быть сопровождено пляскою, первоначально была то же, что Романсъ. Англичане называли свои Романсы Балладами; но въ послѣдствіи онѣ были раздѣлены, потому что Французы придали романсамъ характеръ преимущественно остроумный.

К Р И Т И К А.

О характерѣ Русскихъ лѣтописей.

Безъ сомнѣнія Русскія лѣтописи и граматы служатъ первымъ источникомъ для опечесшвенной Исторіи и по всей справедливости должны преимуществовать предъ иностранными; но при разборѣ оныхъ не должно упускать изъ виду Исторической Критики. Она; какъ всеозаряющій факель среди историческаго мрака, обязана показывать предметы въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Любопытный Историкъ-Критикъ не довольствуется еще тѣмъ, что знаетъ содержаніе лѣтописи, имя лѣтописца и время его жизни; онъ кидаетъ любопытный и проницательный взоръ на существенныя принадлежности оныхъ, по еси; желаетъ знать: 1е) на какомъ языкѣ онѣ написаны; 2е) какимъ письмомъ (широшомъ); 3е) на чѣмъ написаны.

1.) Рассматривая древнія отечественныя летописи, мы видимъ, что всѣ онѣ писаны языкомъ церковнымъ — богослужебнымъ. Теперь рождается вопросъ: откуда же и въ какое время пришелъ языкъ церковный въ Россію? — Мы наследовали его, нѣкошорымъ образомъ, отъ Грековъ въ то время, когда Великій Князь Владиміръ принялъ Христіанскую Вѣру, — когда изъ Константинополя прислано было нѣсколько ученыхъ служителей Церкви для насажденія ученія Евангельскаго и просвѣщенія народа грубаго, необразованнаго. Но не смотря на то, что Греки были первыми распространителями Христіанской Вѣры, мы не можемъ думать, чтобы всѣ духовныя книги написаны были на языкъ Греческомъ. Намъ извѣстно, что всѣ онѣ переданы намъ на языкъ Славянскомъ; ибо онъ господствовалъ въ Россіи еще до принятія Христіанской Вѣры. Первая азбука была изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ, которые принесли ее первоначально къ Моравамъ, отъ чего въ послѣдствіи она называлась *Кирилловскою*, по имени своего изобрѣтателя. Здѣсь, вопреки прочимъ, должно разумѣть подъ Моравами обитавшій нынѣшней Сербіи, прозавшихся такъ отъ рѣки Моравы. Языкъ Сербовъ и по сіе время имѣетъ въ себѣ нѣчто отличное отъ языковъ прочихъ Славянъ, и носитъ какой-то отпечатокъ древняго Славянскаго. Знаменитый Добровскій, особенно занявшійся кришикою нарѣчій племенъ Славянскихъ, первый раздѣлилъ

ихъ на двѣ отърасли, на Сѣверовосточную и Югозападную. Къ Сѣверовосточной, по его мнѣнію, принадлежатъ Сербы, Хорваты и нынѣшніе Руссы. Хотя сіи народы совершенно измѣнились, но ошатки родства ихъ еще опыскиваются въ языкѣ. Къ юговосточной отърасли принадлежатъ: Богемцы, сами себя назвавшіе Чехами, Моравы, Поляки, Венды или Банды или Нѣмецкіе Славяне. Въ Грамашикъ Добровскаго можно найти коренное ихъ различіе между собою, состоящее въ томъ, что одни изъ нихъ принимаютъ нѣкоторыя лиштеры, а другіе выпускаютъ, такъ на примѣръ: Сербы, Хорваты и нынѣшніе Руссы послѣ лиштеръ ж, и, б выпускаютъ д, а, вмѣсто *тождество* принимаютъ *тожество*, вмѣсто *земля* говорятъ *земя*, вмѣсто *любви* Поляки произносятъ *любе*. Основываясь на сихъ замѣчаніяхъ, Добровскій, какъ сказано выше, раздѣлялъ ихъ на двѣ половины. Такимъ образомъ Славянская азбука, составленная по образцу Греческаго письма, введена была въ употребленіе въ концѣ IX столѣтія. Съ распространеніемъ Христіанскаго ученія при Великому Владиміръ начали переводить на Славянскій языкъ всѣ духовныя книги. Сей переводъ препорученъ былъ преимущественно духовнымъ особамъ, копорыя и дома въ часы досуга занимались изученіемъ Славянскаго языка и отправляли на ономъ Божественную литургію. Вотъ отъ чего первыми грамотѣями почитались тогда монашескующие,

которыя въ своихъ уединенныхъ кельяхъ въ праздное время занимались составленіемъ разныхъ лѣтописей. Вотъ причина, отъ чего въ нашихъ лѣтописяхъ находимся языкъ церковный — богослужебный; и поелику мы не имѣемъ подлинниковъ ранѣе XIV столѣтія, то отъ сего находимъ при соображеніи одной лѣтописи съ другою чрезвычайно большое различіе, безчисленные противорѣчія, пропуски и вставки.

2) Сказавши, что первыя наши лѣтописи были написаны языкомъ церковнымъ, перейдемъ къ вопросу: какимъ письмомъ (шрифтомъ) онѣ были написаны? Безъ сомнѣнія церковнымъ. Оно, какъ намъ извѣстно, раздѣляется на а) уставное, б) полууставное и в) скоропись. Характеръ уставнаго письма преимущественно предъ прочими состоишь въ томъ, что имѣетъ большое сходство съ печатнымъ. Еще въ концѣ XV столѣтія печатаніе Славянскихъ церковныхъ книгъ получило начало свое въ Краковѣ. Первыя буквы уставнаго письма были толстыя, большія и широкія. За недостаткомъ бумаги, вошедшей въ употребленіе гораздо позже, первоначально онѣ писаны были на пергаментѣ, что доказываетъ намъ Русская Правда, нѣсколько каноновъ и нѣкоторыя другія книги, уцѣлѣвшія отъ XIV столѣтія. Такъ напечатана первая Библия Острожская. Но обратимся къ лѣтописямъ. Онѣ чѣмъ древнѣе были, тѣмъ лѣснвеннѣе носили отпечатокъ письма Греческаго, такъ что, по свидѣтельству

Шлецера, Греческое письмо можно было почестъ за Славянское, судя по величинѣ буквъ и сходству ихъ между собою. Кромѣ прочихъ рѣдкосей изъ оставшихся древнихъ памятниковъ, мы имѣемъ такого шрифта Евангеліе, написанное на пергаментѣ. Съ одной стороны распространеніе Богослуженія, умноженіе церквей и возраспавшая попребность въ духовныхъ книгахъ по числу духовныхъ особъ; съ другой стороны шрапа времени, чрезвычайная медленность въ почеркѣ уставнаго письма и другія важныя обстоятельство были единственными причинами, побуждавшими переписчиковъ позволять себѣ небрежность. Для избѣжанія сихъ неудобствъ, для прекращенія произвольныхъ выдумокъ явилось полууставное письмо, вошедшее въ употребленіе не ранѣ XIV и XV столѣтій. Оно сократило труды недогадливыхъ и дерзновенныхъ переписчиковъ. Тогда какъ Европейскія Государства отъ безпрестанныхъ между собою сношеній приходили въ соприкосновенность одно съ другимъ, когда послѣ продолжительной тьмы заблужденія и невѣжества возсіяло солнце просвѣщенія на горизонтѣ политическаго міра, Россія, подобно прочимъ Державамъ, начала сближаться болѣе и болѣе съ Европейскими государствами, и съ сего времени у насъ появляется скоропись. Лѣтописи позднихъ временъ, грамоты, разрядные списки и множество другихъ книгъ уже написаны, какъ мы видимъ, скорописно.

3) Всѣ старинныя лѣтописи и грамоты написаны были на пергаментѣ и называются *харатейными*, отъ *харатья* или *хартія*, испорченнаго слова, взятаго съ Греческаго *ἡ χάρτια, писаніе*. Самый пергаментъ получилъ названіе свое отъ города Пергама. Должно замѣтить, что еще въ древнѣйшія времена въ Греціи и въ Римѣ всѣ важныя докуменсты писались на пергаментѣ или восчаныхъ доскахъ. На сихъ послѣднихъ писали стилемъ (*stylo*), имѣвшимъ изображеніе проспи, на подобіе желѣзнаго орудія, коего нижняя часть была острая, которою начерпывали слова, а верхняя пупая и гладкая, коею сглаживали все неправильно или необдуманно написанное. Вошъ отъ чего Гораций говоритъ :

Saepe stylum vertas.

Satir. i. 10. 72.

то есть: *saepe delea, quod scripseris ac corrigas*. Таковой родъ письма былъ извѣстенъ и Евреямъ. Древніе также писывали на разныхъ камняхъ, на мраморѣ и проч. Это важно и потому, что было время, когда и у насъ писывали также. Кромѣ сего древніе употребляли и папирусъ, растѣніе Египетское. Не смотря на то, что папирусъ уже не существуетъ, его названіе еще находится и понынѣ во Французскомъ (*papier*) и Нѣмецкомъ (*Papier*) языкахъ. У насъ бумага есть слово восточное. Въ то время, какъ въ Европѣ почти совершенно изглажены были слѣды просвѣщенія, Аравіяне завладѣли Египтомъ, и не вы-

пускали болѣ папируса, что заставляло выдумать средство, которое бы замѣнило недоспашокъ онаго. Въ X и XI столѣтіяхъ была изобрѣтена хлопчатая бумага, но совершенно отличная отъ нашей. Первоначально она появилась въ Испаніи, а между тѣмъ все еще продолжали писать на пергаментѣ. Чего же это стоило? Не смотря на то, у насъ есть, какъ выше замѣчено, лѣтописи XIV столѣтія. Вскорѣ за симъ начали писать на бумагѣ, привозимой съ Востока, которая особенно отличалась своею бѣлѣнностію и глянцемъ. Уже въ XIV столѣтіи опытали способъ дѣлать бумагу изъ шрѣпицъ. Вскорѣ употребленіе ея распространилось и не мало способствовало распространенію просвѣщенія въ Европѣ. Еще и по сіе время въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ хранился грамота Сумеона Іоанновича Гордаго, напечатанная на хлопчатой бумагѣ.

И. В.

Объ Армянскихъ книгахъ: Словарь, составленный Членами Армянской Венеціанской Академіи; Грамматика Михаила Чамчіана и Риторика Стефана Аконцѣ.

Книги, коими Армяне руководствуются въ изученіи отечественной Словесно-

сии, сушь: *Словарь, составленный Членами Венеціанской Армянской Академіи; Грамматика Михаила Чамчіана и Риторика Стефана Аконцѣ*; а посему и любопытно знать планъ и качество сихъ классическихъ книгъ.

1. *Словарь, составленный Членами Венеціанской Армянской Академіи*, въ двухъ томахъ, въ 4. Первый напечатанъ въ 1749 году; а второй спусти 20 лѣтъ. Изъ предисловія къ Словарю, заключающаго въ себѣ многія весьма любопытныя свѣдѣнія о Липшерашурѣ Армянъ, извлеченныя частію изъ Исторіи, частію изъ долговременнаго упражненія языкомъ, явствуетъ, что составленіемъ онаго занимался еще самъ *Мхитаръ* — основатель Армянской Венеціанской Академіи при содѣйствіи успѣвшихъ учениковъ своихъ, которымъ предъ смертію завѣщалъ довершеніе онаго. Первый томъ заключаетъ въ себѣ всѣ слова Армянскаго языка, кромѣ собственныхъ, съ полнымъ объясненіемъ Грамматическихъ перемѣнъ, также начала, произхожденія и разныхъ знаменованій, вездѣ подтверждаемая объясняемое слово, особенно въ знаменованіяхъ случайныхъ и фигуральныхъ, приведеніемъ примѣровъ изъ двухъ, трехъ и болѣе образцовыхъ писателей. Второй состоитъ изъ трехъ отдѣленій: Словаря съ книжнаго Армянскаго языка на просонародный и обратно, также именъ собственныхъ, съ прибавленіемъ словъ, упущенныхъ въ первомъ томѣ. Къ состав-

вленію втораго тома приступили болѣе пошому, что въ изданномъ въ 1749 году Словарь помѣщены только нарицательныя имена, а изъ собственныхъ весьма немногія, и припомъ объясненія на оныя предложены на книжномъ Армянскомъ языкѣ, который многимъ изъ Армянъ неудобопонятенъ. Венеціанская Академія, пишущъ, занимается теперъ составленіемъ новаго полнѣйшаго Словаря.

2. *Грамматика Михаила Чамчіана*, напечатанная въ Венеціи въ 1779 году (in 8; стр. 600), раздѣлена на три части. Въ первой, послѣ предварительнаго понятія о Грамматицѣ, Авторъ легкимъ и внятнымъ способомъ излагаетъ склоненія, спряженія и чепыре неизмѣняемыя части рѣчи. Во второй, ни мало не выходя изъ предѣловъ, свойственныхъ подобнымъ сочиненіямъ, сообщаетъ все, что только относится къ познанію о частяхъ рѣчи измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ. Въ третьей правила о словосочиненіи, послѣ коихъ слѣдуютъ статьи о составленіи рѣчи, о родахъ слова, о грамматическомъ разборѣ сочиненій и о правописаніи.

Повсемѣстное и долговременное употребленіе сей Грамматики, равно и одобреніе Венеціанской Академіи суть главные и неоспоримыя ручательства преимущества ея предъ другими. Скажутъ, можетъ быть, что у Армянъ еще до Михаила Чамчіана многіе занимались теоретическимъ позна-

ніемъ языка. Правда, были грамматикки, какъ на пр. *Давидъ*, прозванный *непобѣдимымъ Философомъ*, *Іоаннъ Ерзнкаці*, *Архимандритъ Осканъ* и наконецъ *Мхитаръ*. Занятія ихъ, должно признаться, безсмертны; но кому неизвѣстно, что мы чѣмъ болѣе занимаемся чтеніемъ и подражаніемъ хорошимъ писателямъ, тѣмъ болѣе находимъ въ нихъ новыхъ красотъ, новыхъ тонкостей и следовательно новыхъ правилъ объ языкъ, и только одною изъ главнѣйшихъ причинъ изданія *Мхитаромъ* въ 1730 году новой Грамматикки; но судя по времени, когда онъ писалъ, по духу и характеру народа споль швердаго, какъ Армяне, при существовавшихъ до Мхитара, хотя часто неправильныхъ законахъ языка, не могъ онъ явно отвергнуть системы предшественниковъ и сдѣлалъ только нѣкоторыя перемѣны, предоставивъ совершеніе общепользнаго намѣренія своего удобнѣйшему времени и опытнѣйшей рукѣ. *Михаилъ Чамчіанъ* въ своемъ ученомъ предисловіи къ Грамматикѣ упоминаетъ даже, что *Мхитаръ* предвѣщалъ о семъ учениковъ своихъ и будто бы завѣщалъ имъ непременно присупить къ составленію подобной Грамматикки, и сія обязанность, сопряженная съ затрудненіями непреодолимыми, возложена была въ 1769 году (эпоха кончины *Мхитара*) на *Михаила Чамчіана*. Онъ *девять лѣтъ потѣлъ* надъ составленіемъ новой Грамматикки, и въ 1779 году представилъ ее на судъ Академіи, которая одобрила и ввела ее въ

всеобщее употребленіе уже въ пятидесятый годъ. Съ 1808 года цѣна на оную возвысилась до 70 и болѣе рублей; а сіе самое и возбудило желаніе въ Преосвященномъ Нересѣ, Архіепископѣ Армянъ, обитающихъ въ Грузіи, пожертвовать немаловажною суммою на новое изданіе оной, кошорое и печатается шеперь въ Тифлисѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ *Протоіеря Артемія Аламдарова* — одного изъ ученѣйшихъ духовныхъ особъ Армянскихъ, вызваннаго Архіепископомъ Нересомъ изъ Москвы въ Тифлисѣ для занятія каведры *Армянской словесности и Богословіи* при новоучрежденномъ тамъ учебномъ заведеніи.

Труды *Михаила Чамчіана* послушная наконецъ началами новой Грамматики, кошорую въ спрогомъ смыслѣ не столько можно назвашь *новою*, сколько *прибавленіемъ* къ Грамматицѣ *Чамчіана* новыхъ открытій въ языкѣ, сдѣланныхъ *Григоріемъ Константинопольскимъ*, прибѣгавшимъ всегда въ трудныхъ и неудоборѣшительныхъ случаяхъ къ Академіи, кошорая одна можешь шеперь производить рѣшительный судъ надъ новыми открытіями въ языкѣ Армянскомъ. Авторъ старался какъ можно болѣе подражашь своему образцу и только (не говоря о новыхъ правилахъ и умныхъ сужденіяхъ о тонкостяхъ языка) сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ Этимологіи и Синтаксисѣ. Благоразумные чинашели *Михаила Чамчіана* — отличившагося на обширномъ поприщѣ Словесности — дарно пожа-

лзюпъ , услышавъ , что онъ среди новыхъ литературныхъ занятій недавно похищенъ смертію въ Константинополь , оставивъ потомству многіе памятники обширныхъ свѣдѣній въ отечественномъ языкѣ . Онъ заслужилъ громкое шило преобразователя языка

3) *Риторика Стефана Аконцѣ* (in 8 , стр. 585) , составленная , сколько можно замѣтить , по руководству *Аристотеля* , *Квинтиліана* и *Цицерона* , раздѣлена на пять книгъ , копорымъ предшесствуютъ : вступленіе въ Риторикѣ и краткая теорія Поэзіи .

Во вступленіи довольно пространно описывается повѣствовательный родъ сочиненій , копорыя Авторъ раздѣляетъ на историческія , судебныя и вымышленныя ; опъ послѣднихъ онъ весьма удобно переходитъ къ баснѣ , ясно излагая качество и пользу оной . Сіе предварительное вступленіе въ Риторикѣ заключаетъ Авторъ правилами стихосложенія , весьма недоспачными и несомѣсными (*) . Потомъ объясняется самая Риторика , въ копорую Авторъ вступаетъ , излагая опредѣленіе , предметъ и четыре части Риторикѣ : *Изобрѣтеніе* , *разположеніе* , *украшеніе* (*тропы* и *фигуры*) и *произношеніе* (*declamatio*) , коему предшесствуетъ подробное описаніе рѣ-

(*) Желательно бы было , еслибъ кто-либо изъ знатоковъ Армянскаго языка изложилъ особо въ систематическомъ порядкѣ правила Поэзіи .

чей, разделенныхъ, сдѣлая древнимъ Риторамъ, на похвальныя, судебныя и политическія. Въ концѣ книги помѣщено приращеніе, заключающее крашкое понятіе объ Эпиграммахъ, надгробныхъ надписяхъ, гіероглифахъ, эмблемахъ, символахъ и загадкахъ.

Примѣры же, объясняющіе правила, почерпнушы изъ древнихъ образцовыхъ Армянскихъ писателей Моисея Хоренскаго и Егише, жившихъ въ V столѣтіи, Іоанна Каеоликоса, Григорія Наркенскаго, въ X столѣтіи, Нерсеса Шноргали, Архимандрита Сергія, Григорія Каеоликоса, Нерсеса Ламбронскаго, писателей XII вѣка, и въ которыхъ другихъ. Есть также примѣры, переведенные изъ Греческихъ и Римскихъ писателей.

Изъ сего крашкого изложенія плана Риторики Стефана Аконцъ, напечатанной въ Венеціи, легко заключить, что она, при нынѣшнемъ состояніи образованности Армянъ, не можетъ совершенно удовлетворить ожиданію наставниковъ и учащихся. Удивительно, что Члены Академіи Венеціанской, занимающіеся непрерывно сочиненіями и переводами книгъ, не приступаютъ досель къ сему полезному и необходимому труду.

Посредствомъ вышеупомянутыхъ трехъ книгъ легко можно успѣть въ теоретическомъ познаніи Армянскаго языка, въ отношеніи же практики Армяне богаты мно-

гими образцовыми твореніями, какъ прозаическими, такъ и стихотворными, съ которыми поспараемся познакомить любители Восточной Литтературы яснымъ и систематическимъ изложеніемъ содержанія и плана оныхъ.

А. А.

Москва.

1828 года,

Февраля 23 дня.

А Н Е К Д О Т Ы.

I.

Однажды Петръ Великій влюбился въ прекрасную дочь иностраннаго купца, бывшаго въ Москвѣ. Въ первой разъ онъ увидалъ ее въ домѣ отца, у котораго обѣдалъ, и очарованъ былъ ея прелестями. По пылкости характера онъ, нимало не медля, объяснился въ своей страсти и красноречивыми взорами просилъ не лишить его своей довѣренности. Но дѣвушка, воспитанная въ уединеніи, еще незнакомившаяся съ обычаями утонченнаго свѣта, съ застенчивою спѣдливостію отклонила его просьбу. Страхась его могущества и силы, она рѣшилась обезопасить себя отъ его предложеній; почему тайно убѣжала изъ дома своихъ родителей, нѣсколько верстъ прошла пыткомъ и наконецъ достигла де-

ревушки, гдѣ жила ея кормилица съ мужемъ и дочерью. Несчастливая и безпріютная прибѣгла къ симъ людямъ, и тотъ же часъ рассказала имъ о своемъ намѣреніи скрыться въ лѣсу по близости деревни. Сперва опклоняли ее отъ предпринимаго намѣренія, но какъ она рѣшительно настаивала въ ономъ: то въ ту же ночь кормилица съ своимъ мужемъ выпроводили ее на дорогу. Мужъ кормилицы, зная очень хорошо положеніе лѣса, привелъ ее на небольшое сухое мѣсто, находившееся среди болоша, и какъ онъ былъ изрядный плотникъ, то выстроилъ ей маленькую хижину, въ которой могла размѣститься бѣглянка. На небольшое количество денегъ, взятыхъ ею изъ дома, купили кое-какія нужныя вещи и перенесли ихъ ночью. Сие малое семейство проводило у ней цѣлыя ночи, а на зарѣ, при восхожденіи солнца возвращалось.

Спустя нѣсколько времени послѣ ея побѣга, Петръ Великій вздумалъ посѣтить ея родителей. Онъ былъ внѣ себя, когда въ ихъ семействѣ не нащелъ милой дѣвушки, воображая, что ее отдавали съ намѣреніемъ; бѣдные родители ушопали въ слезахъ. Ни мало не медля онъ разослалъ нарочныхъ во всѣ окружныя стороны и обѣщалъ большую награду тому, кто откроетъ ея убѣжище. Но всѣ усилія были напрасны — родители ея и родственники почитали ее умершею и надели траурное платье.

Между тѣмъ дѣвушка прожила цѣлый годъ спокойно въ своемъ уединеніи, а чувство благороднаго поступка и чистая совѣсть облегчали ея тягостную участь. Вскорѣ наступилъ день ея избавленія. Одинъ полковникъ, получивши изъ арміи отпускъ, отправился домой повидаться съ родными. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ своему другу, остановился погостить у него и провождалъ время въ охотѣ. Однажды, преслѣдуя дикаго звѣря, онъ зашелъ глубоко въ лѣсъ, увидѣлъ болошо и примѣтилъ хижину. Ничего не медля онъ приблизился къ ней, вошелъ и чрезвычайно удивился, увидѣвши въ ней дѣвушку, украшенную всеми прелестями юности, которая и въ простомъ сельскомъ нарядѣ не могла сокрыть привлекательной красоты. Пораженный такимъ явленіемъ, онъ убѣдительно просилъ ее рассказать ему, какъ она зашла въ сіе необитаемое мѣсто. Милая отшельница сперва прошивилась его желанію; но когда онъ началъ просить ее убѣдительно, рассказала ему обо всемъ подробно. Потомъ на колѣнахъ съ горячими слезами убѣждала его никому не объявлять о мѣстѣ ея пребыванія. Полковникъ уверялъ, что со стороны Государя ей ничего опасаться; ибо онъ послѣ нѣсколькихъ разъ приносилъ чистосердечное раскаяніе, считая себя причиною несчастія въ ея семействѣ. Наконецъ она принуждена была явиться къ своимъ родителямъ и пребывать

Ч. IV. Но XIII и XIV. 9

у нихъ, события, какія должно будетъ предпринять мѣры въ послѣдующее время.

Добродушная дѣвушка рѣшилась возвратиться. Полковникъ поспѣшилъ къ ея родителямъ, объявилъ имъ о счастливомъ своемъ открытіи и разсуждалъ съ ними, какимъ бы образомъ донести Государю о происшествіи, ему давно уже извѣстномъ. Рѣшились просить о семъ Екатерину. Полковникъ пришелъ къ ней и расказалъ происшествіе со всеми подробностями. Она дала ему честное слово ходатайствовать у Государя, и приказала ей слѣдующій же день къ себѣ явиться, чтобы вмѣстѣ съ нимъ предстать предъ Петра Великаго. Онъ пришелъ, представленъ былъ Государю и принужденъ былъ расказатъ ему, какимъ образомъ нашелъ дѣвучку. Все сіе Полковникъ пересказывалъ съ такою живостию, что Петръ Великій плакалъ отъ радости и общалъ тысячекратно вознаграждать ее за несчастіе, причиною котораго была его страсть. Къ чему Екатерина присоветовала: „Самая блистательная награда, которою Ваше Императорское Величество хотите удостоить его, пусть довершится тѣмъ, что эта дѣвучка раздѣлитъ свой знатный подарокъ съ Полковникомъ, и опадетъ свою руку тому, кто своимъ открытіемъ имѣетъ на нее полное право.“ Государь одобрилъ ея предложеніе, послалъ одного изъ своихъ любимцевъ въ лѣсъ; отыскавъ онъ дѣвучку и привелъ ее въ объятія родителей, которые отъ глубокой горести пере-

дали къ величайшей радости, Пётръ Великій давалъ на свой счетъ издержки, своею рукою подводилъ невесту къ жениху, одарилъ ихъ царски и опредѣлилъ имъ и попомкамъ ихъ ежегодную пенсію.

II.

Прежде нежели Пётръ Великій вступилъ на престолъ, въ Москвѣ полпами шатались разбойники, въ великомъ множествѣ выходившіе ночью изъ помѣстныхъ жилищъ своихъ. Они безъ разбора нападали, произвели грабительства и убійства, и разоряли цѣлыя кварталы. Однажды вечеромъ Пётру Іму вздумалось поѣсть Шведскаго посланника Книперона. Это было зимою. Онъ ѣхалъ въ саняхъ съ двумя только служителями, изъ коихъ одинъ былъ спереди, а другой сзади. Быстро поравнялись съ нимъ большія, длинныя сани, на которыхъ сидѣло восемь челоуѣкъ разбойниковъ. Они возили съ собою крючья, и хотѣли, по обыкновенію, сими крючьями пришануть его сани къ своимъ. Но Пётръ Великій выпрыгнулъ въ ту же минуту, схватилъ одного изъ разбойниковъ, бросился съ нимъ въ свои сани и погналъ лошадь шакъ, что всѣ усилія разбойниковъ — догнать его — оказались тщетными. Онъ приѣхалъ въ домъ Посланника, вышелъ изъ саней, омоченный потомъ, вошелъ въ многорядную залу, стаща за собою злодѣя

за волосы. Всѣ испугались и окаменѣли отъ ужаса. Приказавши запереть двери, чтобы никто не вышелъ изъ находившихся, шопчасъ началъ допрашивать разбойника. Сей послѣдній, узнавши, что это былъ Пётръ, на жизнь котораго онъ покушался вмѣстѣ съ товарищами, оцепенѣлъ отъ ужаса, бросился въ ноги, просилъ о милости и увѣрялъ его, что ежели бы онъ и товарищи его знали, что это былъ Пётръ, то бы на него не напали. Наконецъ умолялъ его о скорой смерти, желая симъ средствомъ избѣгнуть мученій. Государь обѣщался исполнить его просьбу съ такимъ впрочемъ условіемъ, чтобы онъ рассказалъ о всѣхъ своихъ сообщникахъ. Разбойникъ согласился открытъ каждому изъ нихъ, если за это не только освободятъ его отъ смертной казни, но еще наградятъ, и на сіе рѣшился Пётръ Великій, предпочитавшій меньшее зло большому. Какъ скоро злодѣй признался, то Государь приказалъ дать ему отрядъ солдатъ, чтобы перехватить всѣхъ его товарищей, коихъ процессъ рѣшился въ несколько дней.

III.

Въ другой разъ Пётръ I путешествовалъ изъ Москвы въ Новгородъ; въ это время онъ имѣлъ съ собою четырехъ служившихъ и былъ окруженъ сильною толпою разбойниковъ. Въ ту же минуту онъ выпрыг-

нуль изъ саней, имѣя въ одной рукѣ саблю, въ другой заряженный пистолешъ. „Я Царь!“ закричалъ онъ имъ. „Что вамъ нужно?“ — Разбойники окаменѣли отъ ужаса; но опамятававшись и собравшись съ духомъ, рассказали ему, что они чрезвычайно бѣдные люди, и ежели онъ ихъ Государь, то первый можешъ и помочь имъ.

„Но со мною нѣтъ денегъ!“ отвѣчалъ Пешрь. — Если бы Ваше Величество и имѣли при себѣ оныя, говорили разбойники, — то мы бы не взяли. Онъ приказалъ намѣстнику Новгорода выдать сумму, которая была бы достаточна на удовлетвореніе ихъ нуждамъ. „Довольно ли тысячи рублей?“ спросилъ Государь. Разбойники увѣряли, что они слишкомъ довольны и благодарили Государя. Сей подарокъ и царская милость сдѣлали ихъ вѣрными и шрудлюбивыми подданными.

(Съ Нѣмецкаго.)

Прибытіе въ Египетъ ученыхъ Французовъ и Флорентинцевъ.

Ученая экспедиція съ первымъ главнымъ изъ своихъ сочленовъ — Г. Шампольономъ — благополучно прибыла въ Александрію. Г. Рочелини, сопровождающій экспедицію сію со многими изъ своихъ соотечественниковъ, руководствуемыхъ имъ въ изысканіяхъ подъ покровительствомъ Великаго Герцога Тосканскаго, много уже сообщилъ публикѣ касательно новыхъ открытій. Всѣ члены ученой экспедиціи одушевлены благороднымъ соревнованіемъ.

Открытіе неизвѣстнаго языка.

Знаменистый полишскій Канцигъ въ прекрасной рѣчи, произнесенной 1825 года въ присутствіи избирательныхъ членовъ торговаго города Великобританскаго, изъяснялся почти такимъ образомъ: „Въ наше время Англія достигла высочайшей степени благосостоянія; при всемъ томъ не лзя предвидѣть, какъ, годъ черезъ три или четьре, далеко подастся она впередъ на поприщѣ просвѣщенія; люди съ самымъ пылкимъ воображеніемъ едва ли могутъ составить себѣ точное понятіе объ общемъ благоденствіи, коимъ будешь наслаждаться тогда отечество наше.“ — Редакторы седьмаго отдѣленія Ферюссакова Бюллетеня оправдываютъ подобныя предсказанія въ глазахъ особъ, принимающихъ живое участіе въ успѣхахъ по части историческихъ свѣдѣній. Сколько Редакторы сего отдѣленія, со времени его существованія, сдѣлали важныхъ открытій, начиная съ того, что Великій Повелитель обязанъ говорить съ прелестными Чоркешенками своего гарема послави-

они (*), — иначе они не могли бы понимать его, — оканчивая бюллетенями великой Арміи Сезостриса. Подобная находка могла бы удовлетворить самолюбію самому неумѣренному; но пламенная ревность ученыхъ сотрудниковъ упомянутаго періодическаго изданія не знаетъ границъ. Они опыскали языкъ: который до сихъ поръ осшавался совершенно неизвѣстнымъ, какой бы вы думали? Языкъ *Рюскъ* (*Ruske*). Вошь что мы узнали о семъ важномъ нарѣчій (**): „Большая часть официальныхъ бумагъ въ канцеляріи Ягеллона и Сигизмунда по дѣламъ, касавшимся Черной Руси и Литвы, писана на языкѣ Русско - Литовскомъ (*Rusko - Lituanienne*) или Бѣло - Русскомъ (*Bialo - Ruske*, (*Blanche - Ruske*) При сравненіи языковъ Польскаго, Ново - Русскаго и *Рюска* (*le Ruske*) открылось, что сей послѣдній языкъ, составляющій средину между двумя первыми діалектами, не претерпѣлъ никакого измѣненія, между тѣмъ, какъ Русскій принялъ, можетъ быть, цѣлую треть выраженій (*d'expressions*) Татарскихъ, точно такъ, какъ Англинскій заимствовалъ многое отъ Данчанъ и Норманновъ. — Языкъ *Рюскъ* (*Ruske*), сдѣлавшійся съ IX столѣтія языкомъ богослужебнымъ для Славянскихъ народовъ, заслуживаетъ того, чтобы ученые изучали его со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ.

Счастіе никогда одно не приходитъ; по случаю открытія языка *Ruske*, ученый Авторъ упомянутой статьи замѣтилъ цѣлую треть словъ Татарскихъ

(*) „Въ столицѣ Мусульманъ, въ ихъ сѣраляхъ употребительнѣе всѣхъ прочихъ языкъ Славянскій. Султанъ обязанъ говорить пославянски, когда захочется ему разговариваться съ Церкешенками и съ болышею частію красавицъ, живущихъ въ его гаремѣ!!“ *Bulletin Historique*, Janvier 1826, pag. 31. Такія нещепости находятсѣ въ статьѣ, подписанной буквами g — y.

(**) *Bulletin des Sciences Historiques*, an 1826, pag. : 23 et seq.

въ Русскомъ языкѣ; поздравляемъ, искренно поздравляемъ его съ такою находкою, хотя признаемся, что мы въ Русскомъ языкѣ съ трудомъ можемъ отыскать небольшое число Татарскихъ словъ, можешь быть, словъ триста. Но оставимъ на этотъ разъ сей вопросъ и скажемъ нѣчто о нарѣчїи Ruske. Сотрудникъ Всеобщаго Бюллетена, занявъ статью свою изъ Варшавскаго Журнала, кажешься, не зналъ, что Ruski есть Польское прилагательное, означающее Русскій. Языкъ Ruske, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, есть просто діалектъ Русско-Славянскій.

Свадьба обезьянъ.

Двадцать лѣтъ назадъ тому, Иншара-Чандра Раджахъ Недеянскій, издержалъ сто тысячъ рупій на свадьбу двухъ обезьянъ. При этомъ случаѣ выказана вся пышность, какая бываетъ при бракахъ Индусовъ. Въ поѣздѣ были слоны, верблюды и лошади, боги украшенные, паланкины, лампы и факелы. Обезьяна самецъ привязанная сидѣла въ прекрасномъ паланкинѣ съ короною на головѣ; ее сопровождали пѣшкомъ цѣлыя шолпы людей, за которыми тянулось множество пѣвицъ и танцовщицъ въ повозкахъ; окрестность оглашаема была звуками разныхъ музыкальных инструментовъ; потомъ сожженъ богатый фейерверкъ. Предъ чертогами жениха цѣлыхъ восемь дней продолжалась пляска, музыка, пѣсньи и всѣ роды шумныхъ увеселеній. Когда наступилъ день брачной церемонїи — ученые брамины не забыли заняться чтеніемъ формулъ изъ обрядниковъ.

Періодическіе листки Австралїи.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ появилось четыре Журнала. Изъ нихъ старѣе всѣхъ Sydney-Gazette, официальный листокъ правительствъ; онъ одинъ только

выходитъ ежедневно, и составляетъ челоѣкомъ умнымъ. Журналъ сей начался въ 1803 году.

Въ 1823 году появился Australian; въ 1828 — Mercury; цѣль его — въ помѣщать оппозиція правительству. Gleaner начался въ прошломъ году.

Въ землѣ Дембень издается три періодическихкія листка: Colonial Times — съ 1816; Hobart's Town Gazette съ 1825 и Tasmanian съ 1827 года.

Было объявленіе о Журналѣ, который предположено издавать съ Ноября 1827 и каждыя четыре мѣсяца по книжкѣ. Названіе его: Магазинъ Австраліи или четвертннй (quarterly) Журналъ Богословія, Литтературы и Наукъ. Изъ сего видно, что въ немъ все помѣщается, кромѣ правовѣднія.

Взглядъ на Турцію.

Въ наше время, когда вся Европа обратила внимательные взоры на Турцію, слѣдующее извѣстіе безъ сомнѣнія можетъ быть занимательнымъ.

Плодородіе Турціи соотвѣтствуетъ благословенному ея климату. Но тамъ земледѣлецъ не можетъ безъ опасенія пожинашь класовъ, взлелѣянныхъ его рукою. Деспотизмъ, коего ненавистные слѣды уже нѣсколько сглажены въ городахъ и прилежащихъ къ нимъ окрестностяхъ, на мирныхъ нивахъ является со всѣми ужасами, подавляетъ всякое начинаніе, и жители едва едва достигають себя дневное пропитаніе. Судя по превосходнымъ произведеніямъ, дарованнымъ самою природою сей землѣ, торговля внѣ Турціи удобопроизводима. Берега, почти вездѣ утѣпные бухтами, образующими прекрасныя гавани, превосходное мѣстоположеніе столицъ, самою природою назначены для всемірной торговли. Касательно народонаселенія писатели раздвѣляютъ между собою. Отъ того что правительство некогда не занималось народочисленіемъ, произошли не-

точные счисления, очень часто подтверждаемые ложными и сомнительными доказательствами. Имяcluding подданных - невольников, находящихся въ рабствѣ около 400 лѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, народонаселенность Европейской Турціи простирается до 10 милліоновъ; но вѣроятно такое счисленіе слишкомъ увеличено. Турецкая армія содержитъ въ себѣ до 125,000 человекъ, которая можетъ быть увеличена до 200,000. Что касается до Турецкой артиллеріи, то она всегда была недостаточна; напротивъ того, кавалерія, состоящая изъ 12,000, превосходна. Морская сила Турціи, разсматриваемая какъ сила національная, не стоитъ вниманія. Со времени пораженія, въ 1772 году нанесеннаго ей брандеромъ Англичанина Крейга при Гисемійской гавани, она никогда не сберетъ прежнихъ силъ своихъ и бывшаго числа. Было время, когда она имѣла 30 линейныхъ кораблей и множество фрегатовъ; а теперь состоитъ только изъ 15 линейныхъ кораблей, 15 фрегатовъ и 30 малыхъ кораблей. Турки всегда были худыми морскими солдатами, и ихъ военные корабли несравненно хуже купеческихъ, ибо на нихъ ссылаютъ однихъ только преступниковъ, заслужившихъ всеобщее презрѣніе въ обществѣ.

Многія бухты и гавани — сім пособія народнѣйшей промышленности, силъ и благодеиствій, защищающъ Турокъ отъ непріятельскихъ нападений. Дарданельской проливъ только по видимому опасенъ. Западный входъ занимаетъ почти три мили въ ширину, почему крѣпости, построенныя по обѣимъ берегамъ, не смотря на исправное вооруженіе ихъ пушками, очень мало могутъ вредить проплывающимъ кораблямъ, особенно если они держатся середины. Послѣ третьей части всей длины, каналъ примѣтно суживается; но здѣсь крѣпости съ твердой земли совершенно не защищены отъ нападений; и послѣднюю морскую доро-

лить не представляло никаких естественных препятствий, но большіе корабли могутъ удобно проходить въ полночь при благопріятномъ вѣтрѣ. Напротивъ того, плаваніе по Мраморному морю соединено съ нѣкоторыми трудностями, происходящими отъ стремительности рѣки, протекающей чрезъ Босфоръ и по которой плаваютъ только при благополучномъ вѣтрѣ. Сіе препятствіе, остановившее предпріятія Адмирала Дукворша, со времени изобрѣтенія паровыхъ кораблей совершенно уничтожено. Таковой корабль не только можетъ провести флотъ чрезъ устье Пропонтиды, но не смотря ни на какую бурю, безопасно останавливается на якорѣ при Константинополѣ. Сей берегъ не опасенъ, такъ что 74 - пушечный корабль можетъ подойти очень близко.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XV и XVI.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОЛЕАРИЕВА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССИИ.

О Русскихъ, наружности ихъ и одѣяніи.

Разсмотримъ прежде Московитянъ или Русскихъ въ отношеніи къ ихъ наружности и одѣянію, а потомъ уже приступимъ къ изслѣдованію ихъ свойствъ, нравовъ и способностей.

Мушны вообще рослы, дородны и сильны; цвѣтомъ кожи сходны они со всеми Европейцами. Длинная борода и шолстое брюхо въ великомъ у нихъ уваженіи. Одаренные сими наружными преимуществами, даже и купцы, присуществуютъ обыкновенно при Его Царскомъ Величествѣ во время принятія иноземныхъ пословъ. Усы опущены у нихъ такимъ образомъ, что висятъ ниже губъ.

Только одни попы носятъ длинные, по плечамъ распущенные волосы; другія же

Ч. IV. № XV и XVI.

10

сословія спригущъ ихъ коротко. Большіе бояре почишаютъ даже красивымъ бришь головы. — Въ семъ несогласны они съ мнѣніемъ Амвросія: *Ex arboris licet, quae humani sit gratia capitis aestimare; tolle arboris comam, tota arbor ingrata est.* Нехам. Lib. cap. 9.

*Turpe pecus mutilum, turpis sine gramine campus,
Et sine fronde frutex et sine crine caput. . . .*

(Lib. 3 de arte am.)

Провинившіеся передъ Царемъ или находящіеся въ немилости опращиваютъ волосы и не чешутъ ихъ, доколѣ гнѣвъ Царскій продолжается. — Можеть бытьъ обычай сей заимствованъ отъ Грековъ, которымъ Рускіе всегда готовы обезьяничать — ибо, какъ говоритъ Плутархъ, Греки въ знакъ горести опращивали длинные волосы, женщины же напрошивъ того спригли ихъ. — *Quaest. Rom. 14 pag. 267.*

Женщины въ Россіи обыкновенно роста средняго, стройны и хороши лицомъ, но въ городахъ всѣ до одной бѣлятся и румянятся такъ замѣшно и грубо, какъ будто бы онѣ были вымазаны мукою и напирали себѣ щеки красною краскою. Онѣ также чернятъ брови и рѣсницы.

Хотя природный ихъ цвѣтъ лица лучше поддѣльнаго, но онѣ должны даже и при другихъ женщинахъ являться набѣленными и нарумяненными, дабы природа не

могла заимѣть блеска искусственнаго. Подобное случилось въ наше пребываніе. Жена одного изъ знавшійшихъ Бояръ, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, необыкновенно прекрасная лицомъ, не соглашалась въ началѣ замужства своего бѣлиться и румянишься. Другія боярскія жены обвиняли ее гласно въ пренебреженіи обычаявъ ошечивенныхъ и въ оскорбленіи подругъ своихъ, и наконецъ чрезъ посредство мужей довели до того, что сія прекрасная женщина принуждена была румянишься и бѣлиться, какъ будто бы нужно было зажигашъ земнымъ огнемъ свѣплый лучъ солнца.

Такъ какъ обычай сей сдѣлался уже повсемѣстнымъ, то каждый женихъ вмѣняетъ себя въ обязанность передъ свадьбой, между прочими подарками, доставить невестѣ своей ящичекъ съ бѣлками и румянами. — О семъ подробнѣе будетъ упомянуто при описаніи свадебныхъ обрядовъ.

Женщины обыкновенно запряшываютъ волосы свои подъ головной уборъ; взрослые же дѣвицы заплетаютъ ихъ въ косу, висящую на спинѣ и на концѣ завязанную алою шелковою лентою (Quäste).

Дѣшамъ обоимъ полемъ моложе 10 пилѣтъ обсприваютъ волосы, оставляя шолько по бокамъ локоны. Для опличія же дѣвочкамъ продѣваютъ въ уши серебряныя или оловянные кольца.

Одежда мужчинъ похожа на Греческую. Широкія, но корешкія рубахи ихъ едва закрываютъ сидѣніе. Около ворота скла-

докъ не дѣлають, спинку же вверху (подоплека) подкладываютъ и вышиваютъ въ видѣ треугольника краснымъ шелкомъ. — У иныхъ клинья подъ рукавами (ластовицы) (Zwifel) и на бокахъ внизу рубахи сдѣланы изъ алой шафвы. — Богатые вышиваютъ ворощъ около шеи и на переду, равно какъ и рукава внизу на вершокъ ширины, разноцвѣтными шелками, иногда же золотомъ и жемчугомъ. — Въ послѣднемъ случаѣ вышивають они по и другое изъ подъ кашпана и къ обѣимъ сторонамъ вороща пришиваютъ большія жемчужныя, золотыя или серебряныя запонки. Нижнее ихъ плащье дѣлается вверху широкимъ, и завязывается шнуркомъ шакъ, что можешь распускаешь и стягиваешь по произволу. Поверхъ рубахъ надѣвають они узкое до коленъ плащье наподобіе нашихъ фуфаякъ. — Рукава къ сему плащю пришиваются длинные и сбираются на рукахъ складками. — Назади придѣлывается широкій стоячій ворощникъ въ $\frac{1}{4}$ вышиною; ворощникъ сей подкладываютъ бархатомъ, а знатные даже и парчею. Плащье сіе называется кашпаномъ. Поверхъ кашпана многіе носятъ еще другое плащье, достающее до пятъ (Waben) и называемое ферязь. Оба сіи плащья дѣлаются изъ (Catun) (Andiaf) шафвы. (Sammaf) или ашласа, смотря по достатку. — Ферязи обыкновенно подбиваются на ватъ. — Поверхъ ферязи надѣвають еще, когда выходяшь со двора, длинное суконное верхнее плащье, до земли достающее, фиолетоваго,

или темнозеленаго цвѣта. — Иногда же плащѣ сіе дѣлають изъ пестраго апласа или даже изъ парчи. —

Множество одѣяній сего послѣдняго рода (ш. е. парчевыхъ) хранился въ Царской кладовой и выдается въ торжественныхъ аудіенціяхъ присутствующимъ, равно какъ и другимъ почешнымъ людямъ (*standjegenden Maennern*).

Къ симъ верхнимъ плащамъ придѣлываются широкіе опложные воротники; спереди и боковъ бывають прорѣхи съ золотыми или жемчужными снурками, къ которымъ привѣшиваються длинныя леншы и кисши; рукава почти не короче самаго плаща и сбираються складками шакъ, что руки едва изъ нихъ бывають видны. Многіе даже опускають рукава сіи ниже рукъ; а рабы и повѣсы не рѣдко запрящивають въ нихъ палки и каменья, съ коими часпо, въ особенності ночью, нападають на проходящихъ.

На головахъ всѣ вообще носятъ шапки. Въ торжественныхъ собраніяхъ Князья и Бояре надѣвають шапки въ аршинъ вышиною изъ чернобурой лисицы или изъ соболя. Обыкновенныя же ихъ шапки бархашныя, шакъ какъ наши, подбиты и не слишкомъ широко опушены чернобурими лисицами или соболями. — По обоимъ бокамъ пришиваються къ нимъ золотыя или жемчужныя кисши (*lifen*); простолоудины носятъ лѣвомъ шапки бѣлыя поярковыя (*filz*), а

зимою суконныя, обложенныя просшыми овчинами. Сапоги у Русскихъ, такъ какъ у Поляковъ, кожаные или савьянные съ ошпырми носками. —

Женскій полъ, вособенности дѣвицы, носятъ башмаки съ каблуками въ $\frac{1}{4}$ вышиною, обшитыми мѣлкими гвоздиками. Такого рода каблуки крайне затрудняютъ ихъ въ ходѣбѣ, ибо носки едва касаются земли.

Одежда женщинъ ни сколько не различается отъ одежды мужчинъ; верхнее только платье ихъ дѣлается нѣсколько шире. — Богатые обкладываютъ передъ позументомъ и золотыми шнурками и пришиваютъ киспи (iifen), банты (Quäste); другіе же приспавляютъ серебряныя или оловянные пуговицы. Рукава прорѣзаны у нихъ такимъ образомъ, чтобы продѣвъ внизъ руки, можно было самые рукава закладывать на спину. — Наптановъ, а еще того менѣе чешвероугольныхъ споячихъ ворошниковъ женщины не носятъ. — Рукава на рубахахъ дѣлаютъ онѣ въ 6, 8 и 10 аршинъ длины и даже болѣе изъ прозрачной кисеи (Catun) и собираютъ ихъ на рукахъ мѣлкими складками. Головной уборъ ихъ состоитъ въ парчевой, атласной или шафшанной (tamttaф) шапкѣ съ золотымъ или вышитымъ жемчугомъ и золотымъ бортомъ и съ бобровою опушкою; волосы напередѣ висятъ у нихъ гладко до половины лба. — Взрослыя дѣвицы носятъ большія лисьи шапки.

Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иноземцы, состоящіе въ службѣ Царской или живущіе въ Россіи по дѣламъ торговли, носили, и даже обязаны были носить Русское платье для избѣжаніе посмѣянія и оскорбленій со стороны негодяевъ. — Сіе измѣнено однако Патріархомъ по сзвѣдующему обстоятельству. — Во время нѣкоего церковнаго хода, въ коемъ находился и самъ Патріархъ, Нѣмцы, стоявшіе между народомъ, не хотѣли вмѣстѣ съ Русскими пастырицъ предъ Патріархомъ, когда онъ благословлялъ народъ. — Замѣшивъ сіе и услышавъ, что то были Нѣмцы, Патріархъ сказалъ: не подобаетъ недостойнымъ иноземцамъ вмѣстѣ съ православными приниматьъ благословленія; а для опличія ихъ на будущее время отъ Русскихъ издано было повелѣніе, чтобы иностранцы сняли Руское одѣяніе и каждый бы изъ нихъ одѣвался по обычаю своей страны.

По недоспашку матеріаловъ, а еще болѣе порпныхъ, и по невозможности многимъ оплучиться отъ Двора, при коемъ они находились долженствовали, споль же было трудно въ скорости исполнить шаковое повелѣніе, сколь опасно послушаться онаго. — Въ сихъ обстоятельствахъ каждый надѣлъ на себя то, что попало ему подъ руку, и такимъ образомъ многіе появились въ опцовскихъ, дѣдовскихъ и чужихъ платьяхъ и въ шѣхъ одѣяніяхъ, которые еще во время Грознаго привезены были изъ Лифляндіи, и до сего случая хра-

нились въ сундукахъ, Собраніе сихъ древнихъ и нескладныхъ одѣяній произвело множество смѣшныхъ встрѣчъ. — Нынѣ всѣ иностранцы, для оплачія отъ Русскихъ, обязаны носить свои національные плащья.

Въ Москвѣ живешь одинъ Князь, по имени Никиша Ивановичъ Романовъ. — По Царѣ онъ знатнѣйшій и богатѣйшій Бояринъ въ Россіи и даже находится въ родствѣ съ Царскимъ Домомъ. — Любя иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ и ихъ одѣяніе, онъ часто даритъ ихъ Польскими и Нѣмецкими плащьями, и самъ одѣвается по иноземному, въ особенности, когда выезжаетъ на охоту, не смотря на всю досаду Пашріарха, съ которымъ часто ссизается твердо и отрывисто, даже и въ дѣлахъ церковныхъ. — Однако Пашріархъ успѣлъ наконецъ хитростію выманишь у него иноземную одежду.

О природѣ, свойствахъ, характерѣ и правахъ Русскихъ.

Русскихъ, въ отношеніи къ ихъ характеру, нравамъ и образу жизни, справедливо можно причислить къ народамъ варварскимъ. Хотя они и хвалясь одинаковымъ происхожденіемъ съ Греками, почитавшими-ся умнѣйшимъ и утонченнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, и называвшими всѣхъ другихъ варварами, однако отъ соплеменниковъ сво-

ихъ не заимствовали. Они ни языка ихъ, ни искусствъ; ибо не только не упражняющіяся въ художествѣхъ и высшихъ наукахъ, но даже и не любящъ ихъ, вопреки изреченію: *Didicisse fideliter artes, emollit mores, nec sinit esse feros.*

Вотъ причины, по которымъ Русскіе до сихъ поръ остаются въ грубомъ невѣжествѣ.

О высшихъ, неизвѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ судящъ почти всѣ весьма грубо и неосновательно. Астрономію и астрологію почитаютъ они рѣшительно колдовствомъ, и никакъ не постигаютъ, чтобы возможно было съ помощью науки предузнать солнечныя и лунныя затмѣнія, равно какъ и вліяніе планетъ. Когда въ Москвѣ провѣдали, что по возвращеніи моемъ изъ Персіи Великій Князь намѣревается взять меня въ службу въ званіи астронома, многіе говорили, что скоро появившійся въ Москвѣ колдунъ, находящійся при Голштинскомъ послѣ и предсказывающій будущность. Ошъ сей нелѣпой сказки по возвращеніи моемъ почти всѣ смотрѣли на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ, что вмѣстѣ съ другими причинами не мало понудило меня отказаться ошъ предлагаемаго званія.

Впрочемъ удержавъ меня въ Россіи хотѣлось Москвитинамъ не столько для званія астронома, какъ потому, что они провѣдали, что я срисовалъ и положилъ на географическую карту Волгу и Персидскія области, чрезъ которыя мы проѣзжали.

Во вторичный мой прїездъ въ Москву въ 1643 году нарисовалъ я однажды въ камеръ - обскуру чрезъ маленькое отверстіе посредствомъ полированного стекла красками все происходившее прошивъ меня на улицѣ и показавъ вошедшему ко мнѣ въ то время Канцлеру. Соплотивъ креспное знаменіе, онъ сказалъ: эшо колдовство; какъ можно, чшобы люди и лошади ходили вверхъ ногами.

Хотя лѣкари и Медицина въ большомъ у Русскихъ уваженіи, не менѣе того они ошнудъ не допускають средствъ, упошребляемыхъ въ Германіи и другихъ земляхъ и служащихъ къ усовершенствованію самихъ врачей, какъ - то: разсѣканіе шѣлъ, собираніе скелетовъ, къ коимъ Русскіе питають большое отвращеніе. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ нѣкто Голландецъ, по имени Квиринусъ, искусный цирюльникъ и большой весельчакъ, находившійся въ Царской службѣ, вздумалъ составить въ комнатѣ своей у спѣсны позади стола человѣчій скелетъ. Однажды, по обыкновенію сидя передъ столомъ, игралъ онъ на люшнѣ. Привлеченные звуками спрѣльцы, кошорые въ то время содержали еще спражу на Нѣмецкомъ дворѣ, подошли къ дверямъ, заглянули въ щелку, и увидя у спѣсны человѣчьи кости, шѣмъ болѣе испугались, что кости сіи двигались. Разбѣжавшись, они разгласили, что Нѣмецкій цирюльникъ повѣсилъ покойника на спѣну, и что только лишь цирюльникъ заиграетъ на люшнѣ, мершвецъ за-

ходить по снѣгѣ. Слухъ о семъ дошелъ до Великаго Князя и Папріарха, которые и послали подсматривать за цирюльникомъ, въ особенності, когда онъ будетъ играть на людинѣ. Посланные не только подтвердили эту сказку, но даже прибавили, что мертвецъ пляшетъ по снѣгѣ подъ музыку.

Удивленные сему новостію, Русскіе заключили, что цирюльникъ былъ просто колдунъ, и что надлежало сжечь его вмѣстѣ съ костями мертвеца. Квиринусъ, провъдавъ спороной о таковомъ рѣшеніи, отправилъ одного изъ важнѣйшихъ Нѣмецкихъ купцовъ, любимаго Боярами, извѣстивъ о томъ Князя Ивана Борисовича Черкаскаго и просивъ объ уничтоженіи столь несправедливаго приговора. Купецъ изъяснилъ Князю, что человѣчій скелетъ никакъ не долженъ быть причтенъ цирюльнику въ колдовство, и что въ Германіи всѣ искуснѣйшіе врачи и цирюльники имѣли у себя для наблюденій таковыя кости, дабы въ случаѣ перелома ноги или поврежденія какого либо другаго члена, они шѣмъ легче и удобнѣе могли залѣчить оный у живаго человека. Что же касается до мнимой пляски мертвеца, то сіе происходило не отъ звуковъ людины, но отъ сквознаго вѣтра, продувавшаго сквозь открытое окно. Хотя въ слѣдствіе сего объясненія приговоръ и былъ отмѣненъ, не менѣе того цирюльникъ долженъ былъ немедленно выѣхать за границу, а скелетъ былъ сначала брошенъ

въ Москву рѣку, а потомъ сожженъ. Другое подобное сему и едва не трагическое происшествіе случилось почти въ то же время съ однимъ Нѣмецкимъ живописцемъ, по имени Дешерсеномъ. Четыре года тому назадъ, во время большого пожара, бывшаго тогда въ Москвѣ, спрѣльцы, пришедшіе пушить огонь, разламывая сосѣдніе дома и нашедъ въ домѣ живописца мершвую голову, хотѣли немедленно бросить въ огонь какъ голову, такъ и самого художника; къ счастью, нѣкоторые изъ находившихся при семъ людей успѣли убѣдить ихъ, что мершвая голова хранилась у Дешерсена, такъ какъ у всѣхъ Нѣмецкихъ живописцевъ, только для рисованія.

Русскіе имѣють умъ проницательный и хитрый, но устремляютъ оный не на добрыя и похвальныя дѣла, а на свои выгоды и пользы и на удовлетвореніе желаній своихъ. Вотъ что говоритъ о нихъ Іаковъ (Iacobus), благородный Дашчанинъ (такъ называетъ онъ себя), посолъ Фридриха II, Короля Датскаго, въ своемъ *Hodoeporico Ruthenico: Callidi versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam, impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique: virtutibus (crede mihi) omnibus nuncium remiserunt.* Т. е. Русскіе хитры, упрямы, неукротимы, непріязненны, развращены, безстыдны, склонны ко всему злему, знаютъ только право сильного, просились давно съ добродѣтелью и сгѣрали съ лица всякій

спыдъ (*). Все сіе испыталъ онъ на собственномъ опытѣ.

Ихъ проницательность и хитрость всего виднѣе въ торговлѣ, въ которой они гошовы обмануть всякаго. Надобно имѣть слишкомъ много ума, чѣобы перехитрить ихъ. Будучи сами лживы и подозрительны, они рѣдко довѣряють другимъ, и почитаютъ масперомъ того, кому удастся обмануть ихъ. Одного Голландца, успѣвшаго обмануть нѣсколько Московскихъ купцевъ на большую сумму, просили они убѣдительно вспуипть къ нимъ въ поварищи, въ надеждѣ, чѣо челоувѣкъ, искусный въ плутовскихъ изворосахъ, принесетъ большое счасіе ихъ торговлѣ. Спранно впрочемъ, чѣо люди, не шолько не почитающіе грѣхомъ обманывать ближняго, но даже полагающіе сіе умнымъ ремесломъ, переданныя имъ въ счесахъ лишнія деньга вмѣняють себѣ въ обязанность возвращать немедленно. Неисполненіе сего, по словамъ ихъ, естъ рѣшительное воровство, ибо таковая передача происходитъ по невѣднію дашеля и противъ его воли. Въ покупкѣ же или продажѣ разсудокъ и воля у него не опни-мающся, и лучше вовсе не торговать шому, кпо не умѣетъ предохранить себя отъ обмана.

Русскіе между другими средшвами опом-стипть лукавствомъ и обманомъ шому, на

(*) Переводъ сей нѣсколько далекъ отъ Латинскаго подлинника, но слово въ слово сдѣланъ съ Нѣмецкаго перевода Олеарія.

кого они сердиты или кого ненавидятъ, употребляютъ слѣдующее. Такъ какъ воровство почитается у нихъ великимъ преступленіемъ, то и выискиваютъ они случай какъ нибудь обвинить въ семъ преступленіи то лице, которому опомстить намѣрены. — Для сего стараются они заныть у него деньги подъ закладъ плащя, посуды и другихъ вещей, или шихонько подсунуть къ нему въ домъ, или запряшашъ что-либо въ сапоги, куда они обыкновенно кладутъ письма, деньги, ножикъ и другія мелочи, и потомъ обвиняютъ его въ похищеніи сихъ вещей. Если вещи сіи найдутся у него и признаны будутъ чужими, то виновнаго подвергаютъ наказанію. — Однако въ 1304 мѣ году Великій Князь, провѣдавъ о такого рода обманахъ, издалъ въ самый новый годъ повелѣніе, что-бы никто изъ его подданныхъ, не только посторонніе между собою люди, но даже отецъ съ сыномъ, не смѣли давать и занимать другъ у друга деньги и класть закладъ безъ росписокъ съ обѣихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ требованія объ отдачѣ не будутъ удовлетворяемы. Самые судьи не рѣдко для поживы подбиваютъ иныхъ къ такому ложному обвиненію, чему бывало много примѣровъ.

Русскіе вообще такъ лукавы и лживы, что у нихъ не только сосѣди и посторонніе, но даже родные братья и супруги должны опасаться другъ друга.

Нарвскій Паспортъ Маршынъ Беэръ разсказывалъ намъ, что въ бытность его въ Москвѣ, въ царствованіе Бориса Годунова, случилось Великому Князю заболѣть сильною подагрой. По всему Царству немедленно объявлено было, что кто возмется вылѣчить Царя, какого бы состоянія или вѣры ни былъ, будетъ богато награжденъ милостию Царскою.

Жена одного Боярина, которую мужъ держалъ нѣсколько строга, услышавъ о шаковомъ Царскомъ повелѣніи, почла сей случай удобнымъ для опущенія мужу своему. Явившись къ Государю, она объявляетъ ему, что мужу ея извѣстно вѣрное средство къ излѣченію Его Царскаго Величества, но что онъ только не хочетъ употребить оного. Великій Князь, призвавъ Боярина, и не повѣривъ, чтобы онъ былъ совершенно несвѣдущимъ въ Медицину, повелѣлъ выслать его нещадно и заключить въ темницу. Когда же сей несчастный, не вытерпя муки, сказалъ, что сею банею обязанъ онъ женѣ своей, и что онъ выищетъ случай опомститься ей, то ему оповѣчали новыми побоями и угрожали даже смертію, ежели онъ не возмется вылѣчить Великаго Князя отъ болѣзни. Бѣдный Бояринъ, не зная, что дѣлать, рѣшился попросить 2 недѣли срока для собранія нѣкоторыхъ правъ. Онъ надеялся, что въ теченіе этого времени обстоятельствъ могутъ переѣниться, или найдутся какія-либо средства къ его спасенію. Получивъ просимое дозволеніе, онъ

немедленно отправилъ на берега Оки, въ Tchitben, отстоящій отъ Москвы на 2 дня разстоянія и обильный шучными лугами, за цѣлымъ возомъ различныхъ правъ и расщѣній. Изъ сихъ правъ изготавилъ онъ Царю ванну. Къ счастію боль утихла, вѣроятно болѣе сама собою, нежели отъ лѣкарства. Великій Князь, повелѣвъ выстѣхъ Боярина еще больнѣе прежняго, наградилъ его пошомъ новымъ плащемъ, 200 рублями денегъ и даровалъ ему сверхъ сего 18 душъ крестыянъ въ вѣчное и пошомственное владѣніе, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ опнюдь не смѣлъ мстить женѣ своей. Говорятъ впрочѣмъ, что чета сія въ послѣдствіи жила весьма ладно между собою.

Таковаго рода непріязненные и ложные доносы (въ особенності, ежели оны касаются оскорбленія Величества) подвергающъ обвиняемаго, не смотря на лице и націю, безъ всякихъ допросовъ и доказательствъ спрожайшему наказанію, не рѣдко даже смершной казни. Дѣла сего рода между Русскими весьма часты.

В. С.

О СОСТОЯНІИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ *Revue Encyclopedique.*)

Польскіе ученые и Лишператоры весьма ревностно занимающся древнею Исторіею своего опечесства; бросимъ взглядъ на главные ихъ шруды.

Послѣ паденія Польши Чацкій (Czacki), извѣстный какъ пампріонтъ и ученый публицистъ; *Коллонтай*, хорошій писатель, отличившійся особенно въ политическомъ краснорѣчїи; *Нѣмцевичъ*, поэтъ и историкъ; *Албертранди*, *Оссолинскій*; *Бентковский*, Авторъ ученой Исторіи Польши, изданной въ 1814; два брата *Банде*, одинъ юриспрудентъ, другой историкъ; *Солтыковичъ*, *Делесель* (Іоакимъ), Профессоръ Всемирной Исторіи при Виленскомъ Университетѣ, извѣстный обширностью и основательностью своихъ познаній, и другіе ученые приобрѣли право на уваженіе и благодарности своихъ соопечесивенниковъ своими изысканіями опносительно къ Исторіи и законодательству.

Исчисленіе древнихъ Историковъ Польши и главнѣйшихъ сочиненій, изданныхъ въ наше время по сему предмету, не будуще здѣсь лишними.

Исторія Польши была предметомъ занятій многихъ Польскихъ и иносанныхъ писателей, оставившихъ многія сочиненія,

Ч. IV. Но XV и XVI.

какъ печатнымъ, такъ и въ рукописяхъ. Послѣ неизвѣстнаго сочинителя жизни Адальберта древнѣйшимъ Историкомъ почитаютъ *Мартина Гагла*, изгнаннаго Француза, жившаго около 1110 и 1135 годовъ; послѣ него слѣдуютъ: *Матвій Холева*, Епископъ Краковскій; *Викентій*, сынъ *Кадлубка*, другой Епископъ Краковскій, умершій въ 1223; *Богуфалъ*, Епископъ Познанскій, умершій въ 1253; *Годзиславъ Башко*, *Мартинъ Стрзембскій*, ум. въ (*) *Dzierzwa* 1279 въ 1420; *Сигизмундъ Розитскій* въ 1470; нѣсколько неизвѣстныхъ, и наконецъ славный *Іоаннъ Длугошъ*, наставникъ сыновей Короля Казимира Ягеллона, род. въ 1415, а ум. въ 1480.

Здѣсь начинается другая эпоха: *Матвій Мѣховита*, медикъ Сигизмунда I, издалъ свое сочиненіе въ 1521; *Мартинъ Кромеръ*, Епископъ Варминскій, умершій въ 1589, былъ прозванъ Польскимъ Типъ - Ливіемъ. — Между писателями, занимавшимися отдѣльными эпохами Польской Исторіи, должно замѣнить *Бернарда Ваповскаго* и *Александра Гваньини*, Итальянца, съ честью служившаго въ войскахъ Польскихъ и получившаго дворянское достоинство. Послѣ него слѣдуютъ: *Матвій Стрѣшковскій*, Историкъ Литвы и Польской Россіи; *Станиславъ Пясецкій*, *Piasecki*, жившій во вто-

(*) Это было первое печатное историческое сочиненіе, хотя въ Польшѣ печатали уже прежде 1480 г.

рой половинѣ XVI стол., авторъ многихъ весьма замѣчательныхъ сочиненій, продолжившій Исторію Польскую до смерти Стефана Баторія. *Мартинъ Бѣдльскій*, ум. въ 1576, оставилъ Хронику, доведенную имъ до XVI стол. и продолженную сыномъ его Іоакимомъ до времени Сигизмунда III. Слогъ сей Хроники, весьма уважаемой и въ историческомъ отношеніи, такъ прекрасенъ, что его называли *золотымъ*. — *Адалъбертъ Яоллоецъ*, род. 1609, написалъ на Лашинскомъ языкѣ весьма хорошую Исторію Липвы. Славный Л. Шлецеръ, который перевелъ сіе сочиненіе на Нѣмецкій языкъ, такъ говоритъ объ немъ: „Колловичъ есть безспорно одинъ изъ лучшихъ Историковъ XVII стол., какъ по слогу, такъ и по выбору предмешовъ, благоразумію видовъ и Исторической Критикѣ.

Другіе писатели, о которыхъ надлежитъ упомянуть, занимались отдѣльными царствованіями различныхъ Королей, какъ то пр. *Третеръ*, *Петрицы*, *Горницкій*, *Лубенскій*, *Пясецкій*, *Суликовскій*, *Фредро*, *Кобержицкій*, *Гейденштейнъ* и пр. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія *Адамъ Нарушевичъ*, отличный переводчикъ Тацита, хорошій Поэтъ и Историкъ, былъ прозванъ Польскимъ Тацитомъ. Его Исторія Польши начинается со времени введенія вѣры Христіанской Королемъ Мечиславомъ I, въ 965 году, и продолжается до фамиліи Ягеллоновъ или первой

династїи Пїастовъ, царствовавшей по праву наслѣдства до 1386. Нарушевичъ намѣревался въ послѣдствїи заняться Исторїей Польши до 965 и составилъ изъ оной 1 томъ своего творенїя. Онъ началъ свою Исторїю со второй части и опъ 1780 — 1786 издалъ въ свѣтъ 2, 3, 4, 5, 6 и 7 томы. Второе превосходное изданіе сей Исторїи было сдѣлано въ Варшавѣ въ 1803 на иждивенїи Графа Оаддея Мосшовскаго, извѣстнаго Лишператора и Публициста, нынѣ Министра Внутреннихъ дѣлъ; но никто не осмѣлился взять на себя сочиненіе первой части, недостававшей къ дополненію сего прекраснаго произведенїя. Королевское Общество Любителей Наукъ въ Варшавѣ, желая возбудить соревнованіе въ Лишператорахъ, положило: 1) чѣмъ нѣкоторые изъ его Членовъ занялись каждый обзорѣмъ какого нибудь отдѣльнаго царствованїя, начиная съ той эпохи, которою Нарушевичъ окончилъ свою Исторїю; 2) чѣмъ по окончанїи своего труда, каждый сочинитель представлялъ оный Обществу; 3) чѣмъ по избранїи всѣхъ рукописей былъ учрежденъ Комитетъ для разсмотрѣнїя и поправленїя оныхъ, въ случаѣ нужды и для изданїя въ свѣтъ полнаго Историческаго собранїя отъ имени самаго Общества, предоставляя однакоже каждому Члену право печатать особо свое сочиненіе, съ изданїемъ въ свѣтъ полнаго собранїя. — Въ силу сего рѣшенїя, были сдѣланы обзорѣнїя нѣкоторыхъ царствованїй и представлены Обществу; два

изъ нихъ изданы, а именно: *Rapowanie Zygmunta III* (царствование Сигизмунда III, сочинение Юліана Урсина Нѣмцевича, въ Варш. 1819, 3 тома, in 8) и *Rapowanie Władysława IV* (царствов. Владислава IV, изд. Каешаномъ Рвяшковскимъ, Варш. 1823, 1 томъ in 8). Сочинители сихъ двухъ швореній, особенно первый, оказали себя достойными продолжателями Нарушевича.

Варшавское Общество Любителей Наукъ, не довольствуясь окончаніемъ Исторіи, доведенной симъ знаменитымъ писателемъ только до 1386 года, приобрѣло еще новое право на всеобщее уваженіе, издавъ, на своемъ издживеніи, лѣтъ 30 спустя по смерти Нарушевича, первый томъ его шворенія, содержащій Исторію временъ, предшествовавшихъ введенію Христіанства въ Польшу. — Сей первый томъ, котораго Авторъ не могъ окончить, но для изданія котораго были уже собраны и разпределены имъ самимъ матеріалы, вышелъ подъ заглавіемъ: *Historya narodu Polskiego przed-gokiem 965* (Исторія народа Польскаго до введенія вѣры Христіанской въ 965, соч. Адамомъ Нарушевичемъ, а часши, Варш. 1824, in 8, съ картами).

Въ томъ же году вышло и другое сочиненіе: *Historya Xiazgt i-Krolów Polskich* и проч. (Исторія Князей и Королей Польскихъ, соч. Федора Ваги, изд. Іоахимомъ Лелевелемъ, Варш. 1824, 1 томъ in 8°). Съ небольшимъ лѣтъ шестьдесятъ какъ Федоръ

Вага издавъ подъ симъ названіемъ свое со-
 кращеніе Подьской Исторіи. — По причи-
 нѣ недоспашка въ лучшемъ сочиненіи, его
 употребляли во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ,
 и оно было многократно вновь издаваемо.
 Наконецъ Г. Лелевель, бывшій Профессоръ
 Всемирной Исторіи при Виленскомъ Уни-
 верситетѣ, чувствуя недоспашки сего руко-
 водства, но желая сохранить заглавіе,
 сдѣлавшееся отъ долгаго употребленія столь
 почтеннымъ, совершенно передѣлалъ сіе со-
 чиненіе, дополнилъ его и издалъ подъ име-
 немъ Ваги. Онъ раздѣляетъ Исторію Поль-
 скую совершенно новымъ образомъ: на че-
 тыре эпохи, исключая времена баснослов-
 ныхъ, принадлежащія къ введенію. Первая
 эпоха начинается отъ Земовиша, сына
 Піасова въ IX стол., и оканчивается Боле-
 славомъ (Krywousty) Кривоусымъ, ц. е.
 отъ 965 до 1139. Въ сей эпохѣ онъ пред-
 ставляетъ Польшу завоевательною. Вто-
 рая эпоха отъ 1139 до 1333 представляетъ
 Польшу раздѣленною при наслѣдникахъ Бо-
 леслава. Третья оканчивается 1586 годомъ
 и содержитъ исторію отъ смерти Влади-
 слава (Lokietek) до кончины Баторія. —
 Эпо Польша процвѣтающая. Четвертая
 эпоха представляетъ сію страну клоня-
 щуюся къ своему паденію, во времена смер-
 ти Баторія и начала сорокашестилѣтня-
 го правленія нерадиваго Сигизмуда III, от-
 носящагося къ тому времени, когда Іезуи-
 ты начали распространять свое вліяніе на
 духъ народный и овладѣли школами и ши-

погрѣхами, эпоха, когда, по выраженію Беншиковского, Солшыковича и Снядецакого „древнее зданіе, воздвигнутое добродѣтельными гражданами и великими Государями, было ниспровергнуто“ — и отъ которой можно было предсказать поспешенный упадокъ наукъ, искусствъ и наконецъ самой страны. Въ книгѣ сей, назначенной для употребленія всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, а преимущественно юношества, Авторъ особенно обращалъ вниманіе на важнѣйшіе предметы. Онъ излагаетъ съ примѣчаніяхъ, исполненныхъ учености и здраваго сужденія, состояніе народа при каждомъ Королѣ, законодательство и образъ правленія. — Онъ доказываетъ, что Польша никогда не была феодальною страной, и сообщаетъ читателямъ достовѣрные свидѣнія о просвѣщеніи и Справосудствѣ Государства.

Dziśię Krolestwa Polskiego, Исторія Королевства Польскаго, соч. Георга Самуила Бандке (Бреслава, 1820, Корн. 2е изд.). Сія книга, будучи пространнѣе Лелевелевой, даетъ полное понятіе объ Исторіи Польши; она отличаетъя здравою крипикой и яснымъ и правильнымъ слогами. — Ученый Лелевель сказалъ о семъ второмъ изданіи, „что не существуетъ въ семъ родѣ сшоль совершеннаго цворенія.“ —

Rys Historyi Polskiej и проч., Начертаніе Польской Исторіи, изд. Іосифомъ Миклашевскимъ (Варш. 1818. 1. Т. in 12°). Это на-

что иное, какъ, сокращеніе всеобщей Истории Польши, для начинающихъ; при ономъ находишся нѣсколько Географическихъ картъ, изображающихъ Польшу въ различныхъ періодахъ ея прежняго величія.

Spiewy Historyczne и пр., Историческія пѣсни, соч. Юл. Урс. Нѣмцевича, Члена и нынѣшняго Президента Варшавскаго Общества Любителей Наукъ (Варш. 1819, 1 Т. in 8). Общество Любителей Наукъ, желая передать потомству народныя преданія и жарину великихъ подвиговъ, коими прославились древніе Короли и граждане Польскіе, препоручило Г. Нѣмцевичу собрать сія Историческія извѣстія и составить изъ оныхъ пѣсни, которыя могли бы сдѣлаться народными. — Сей ученый сочинилъ 33 павоныхъ пѣсенъ и къ каждой присовокупилъ Историческое объясненіе, которое весьма легко можно удержатъ въ памяти. Все сочиненіе оканчивается небольшою поэмкою о Кн. Юс. Поняповскомъ, умершемъ въ Лейпцигѣ въ 1613. Вначалѣ своей книги Авторъ помѣстилъ пѣснь, сочиненную Св. Адалъбертомъ лѣтъ за 800, и прежде употребляемую всегда въ церквахъ; воины имѣли обыкновеніе повторять оную предъ началіемъ сраженія. Съ нѣкотораго времени ее снова поютъ всякое воскресенье въ одной изъ церквей Варшавскихъ. При каждой Исторической пѣсни находишся картинка и мошны, къ ней относящіяся. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что почти всѣ картин-

ки, рисованы Польскими дедами, равно какъ и музыка сочинена большею частію ими же.

Pielgrzym w Dobromiliu — Богомолецъ въ Добромилѣ (Варш. 1816. 2 ч. съ 50 картинками). Книжка Изабелла Чаршоринская, мать Сенатора, Палашина Королевства, естъ содвинувшаяся сей книги, въ которой она заставляетъ богомольца ходишь по деревнямъ, научать крестьянъ и дѣшей ихъ Исторіи ихъ опечества, разсказанной простымъ и яснымъ слогомъ. —

Rapowanié Henryka Walezyuszai Stefana Batorego — Царствованія Королей Польскихъ Генриха Валоа и Стефана Баторія, извлеченныя изъ рукописей Альбершранди, изд. Игнашіемъ Опацевичемъ (Варш. 1824. 2 ч. in 8°). —

Іоаннъ Баписшъ Альбершранди, Епископъ Зенопольскій, умершій въ Варшавѣ въ 1808, былъ Президентомъ Общества Любителей Наукъ. Онъ въ 1782 отправился въ Италію и въ продолженіе прехъ лѣтъ посѣщаль тамъ разныя библіотеки и дѣлалъ повсюду касательно Польской Исторіи извлеченія и выписки, которыя составили послѣ 110 рукописныхъ томовъ; опшуда потхалъ онъ въ Стокгольмъ и Упсалу, гдѣ хранящся драгоцѣнныя рукописи, къ Польшѣ относящіяся. — Одаренный удивительною памяшью, онъ каждый вечеръ излагалъ на письмѣ то, что читалъ въ продолженіе дня, и шѣмъ избѣгалъ запрещенія Шведскаго правительства опбиращъ писанныя

замѣчанія и успѣлъ сдѣлать драгоценное рукописное собраніе Историческихъ выписокъ, изъ 200 номеровъ состоящее. — Спаниславъ Августъ удостоилъ его медалю съ надписью: *merentibus*. Онъ прудился до послѣдняго конца жизни своей и услугами, оказанными Словесности, приобрѣлъ всеобщее уваженіе. —

Kollektaŋea z dziejepisow Turęckichъ и пр., Извлеченіе изъ Турецкихъ Историковъ, служащія къ объясненію Польской Исторіи, изд. Іосифомъ Сенковскимъ (Варш. 1845. 2 ч. in 8°). Весьма любопытно знать, что Турецкіе Историки могли писать о сношеніяхъ своихъ съ другими народами; о своихъ войнахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ. Такіе матеріалы весьма важны для Исторической Критики. Сочиненіе сіе весьма рѣдко.

Pamiętniki o dawnymъ Polscie и проч., Записки о древней Польшѣ, изд. Юл. Урс. Нѣмцевичемъ (Варш. 1820. 4 част. in 8°), что есть собраніе небольшихъ сочиненій, могущихъ служить матеріалами для Польской Исторіи. — Сіе собраніе заключаетъ въ себѣ письма и записки извѣстныхъ Поляковъ и иностранцевъ, писавшихъ о Польшѣ; описанія народныхъ праздниковъ, постовъ; рѣчи; извлеченія изъ древнихъ актовъ и пр. Ни одинъ Полякъ не читаетъ сей книги безъ особеннаго вниманія. — Обстоятельства не позволили Автору окончить оной.

Кромѣ всѣхъ сихъ вышеупомянутыхъ Историческихъ сочиненій, издаваемо было съ 1815 много переводовъ, между прочихъ: *Rapowanie Henryka Walezyskiego* — царствование Генриха Валуа, соч. Шуазеля, род. въ 1580, перевод. съ Французскаго Адальбертомъ Турскимъ (Вильна 1818. 1 т. in 8°).

Picknoscí Historyi Polskiej — Красота Польской Исторіи, соч. Новареша, перев. съ Французскаго (Бресл. Норм. 1 т. in 12). Упомянемъ еще о множествѣ небольшихъ сочиненій и диссертацій, проошранныхъ Историческихъ общества, издаваемыхъ иногда но или напечатанныхъ въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ, преимущественно же въ *Варшавскихъ запискахъ*, *Ученыхъ запискахъ* и *Литтературныхъ упражненіяхъ*, въ *Варшавскомъ Журналѣ*, *Праковской Пчелѣ*, *Познанскомъ Муравѣ*, *Виленскомъ Журналѣ*, *Лембергскихъ запискахъ* и ш. д. — Замѣшимъ также: 1) Польскую Хронику Х стол., соч. Прокоша (Варш. 1825, 1 т. in 12); 2) *Ostatnié lata rapanowania Zygmunta starego* и пр. — Последніе годы царствованія Сигизмунда I (старого) и начало правленія Сигизмунда II (Августа), соч. Іоакима Лелевеля (Варш. 1821. 1 т. in 8); 3) *Historya Polski* и пр. — Сокращеніе Польской Исторіи, над. Іоанномъ Фаденскимъ (Бресл. 1819. 1 т. in 8).

Первое изъ сихъ сочиненій есть собраніе басенъ, вымышленныхъ около половины прошедшаго столѣтія и которыя хотѣли выдать за Хронику Х вѣка. Сей обманъ

былъ открытъ Варшавскимъ Журналомъ. Второе, есть извлеченіе изъ одной рукописной Исторіи Польши. Имя Автора, его труды, снѣлъ извѣстные уже въ лингвистическомъ свѣтъ, служащъ порукою въ достоверности сего небольшого сочиненія. Последнее во многомъ ему уступаетъ. Наконецъ Записки Мих. Огинскаго о Польшѣ и Царякахъ, съ 1788. по 1815 (Парижъ 1827. 4 л. in 8°); сочиненіе совершенно историческое, недавно изданное, коему отданъ былъ тщательный разборъ въ главнѣйшихъ журналахъ Франціи, Германіи, Италіи и даже Южной Америки, есть новѣйшее изобретеніе о Польшѣ, коей исторія доведена здѣсь до 1815 года.

Н. Пельтъ.

ГЛАВНОЕ РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ НЫНѢШНИМЪ СЛАВЯНСКИМЪ И СЕРБСКИМЪ ЯЗЫКАМИ.

Въ Сербской землѣ нѣтъ никакого нарѣчія, свойственнаго одной черни; по крайней мѣрѣ оное не такъ резко отличается, какъ у другихъ, болѣе образованныхъ народовъ. — Мы не должны удивляться тому, что въ языкѣ Сербскомъ нѣтъ грубого и низкаго нарѣчія: за тысячу лѣтъ предъ симъ, и позже, то же самое было и въ другихъ земляхъ. — Въ Славянскихъ земляхъ бѣдный крестьянинъ языкомъ своимъ вовсе не отличается отъ человека знат-

наге; Герцегованецъ, Ресавецъ, Воевикъ, Сирмиецъ и проч. въ числѣ которыхъ сохраняются особенности природнаго своего нарѣчія. — Мало помалу, какъ видимъ, изъ Исторіи языковъ другихъ народовъ, болѣе образованныхъ, ограничились образованіемъ нѣкоторыхъ особыхъ нарѣчій: наконецъ составилъ одинъ языкъ книжный, а нарѣчія народныя, потерявъ равновѣсіе, испортились и лишились своей силы. — Вѣроятно, что и по водвореніи образованія въ Сербіи одно нарѣчіе превозможетъ прочія. — Тогда пройдетъ время эпическихъ спихотвореній: они уже не будутъ жить въ ушахъ народа, а останутся въ видѣ драгоцѣннаго завѣща предковъ, предметомъ почтенія и удивленія въ потомствѣ (*).

Если кто знаетъ хотя одинъ изъ главныхъ Славянскихъ языковъ, шотъ не откажется отдать справедливостъ числѣннѣ и благозвучію языка Сербскаго.

Онъ найдетъ въ ономъ множество неизвѣстныхъ или потерянныхъ истинно Славянскихъ словъ, формъ и оборотовъ. — Россіянинъ безъ труда можетъ понимать Сербскаго. — Краинцу это еще легче; но для Поляковъ и Богемцевъ должно быть труднѣе. — У Сербовъ есть болѣе сильныхъ и благозвучныхъ формъ, нежели у другихъ Славянъ.

Большая часть писателей согласны въ томъ, что самый близкій къ Славянскому или нынѣшнему церковному языку есть

(*) См. Сынъ Отечества XXIV, 1825 года.

Сербскій, . жѣнѣ другихъ измѣнившійся. — Главнѣйшее различіе между сими двумя языками, какъ полагаютъ, состоитъ: во первыхъ въ словахъ ж во вторыхъ въ словомѣненіи (*).

1. Въ словахъ.

1. Въ Сербскомъ языкѣ многія слова имѣютъ *е* тамъ, гдѣ Славянскіи имѣютъ *я*, *е* (а послѣ *ж*, *ч* и *ш* а), — на пр.: *месо* (мясо), *име* (имя), *племе* (племя), *клетва* (клятва), *кнезъ* (князь), *светъ* (свѣтъ), *свезати* (связати), *редъ* (рядъ), *езыкъ* (языкъ), *жетва* (жатва), *чедо* (чадо), *начети* (начати); равнымъ образомъ во всѣхъ глаголахъ, въ прѣшѣмъ лицѣ множественнаго числа, прошедшаго времени, напр.: *писаше* (писаша), *теорише* (творилъ), *игралше* (игралъ), и въ глаголахъ прѣшьяго спряженія (по Сербски) въ настоящемъ времени (въ томъ же лицѣ и числѣ), — напр.: *служе* (служатъ), *уче* (учатъ), *суше* (сушатъ), и ш. д. — Сіе свойство Сербскаго языка (южно-Славянскаго) безъ сомнѣнія было еще при Кириллѣ и Меѳодіѣ; это можно доказать тѣмъ, что во всѣхъ старинныхъ церковныхъ или Славянскихъ книгахъ, печатныхъ или писанныхъ, не только что постоянно въ вышеозначенныхъ словахъ, вмѣсто буквы *я*, стоитъ *е*, но и

(*) Мнѣніе извѣстнаго Сербскаго Литератора Вука Стефановича Карачича. См. Даница, забавникъ за 1826.

въ такихъ словахъ, копорыхъ окончаніе въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ перемѣнилось, — напр.: по Славянски *пречистыя* родителный падежъ единственнаго числа женскаго рода, а по Сербски *пречисте*, что и согласно съ древнею рукописью Славянскою, копорая хранился въ Мюнхенѣ и разсмащриваема была въ сзвдующемъ изданіи:

Weiner Jahrbücher der Litteratur 17 ten Band, Wien 1822 года, на 102 страницѣ.

2. Въ старинныхъ Славянскихъ книгахъ, во многихъ словахъ, между согласными буквами находящія буквы *ѣ* и *ь*, — напр.: *отѣцъ*, *конѣцъ*, *овѣнъ*, *овѣсь*, *кашѣль*, *пѣськѣ*, *шипѣкѣ*, *кратѣкѣ*, *кратѣкѣ*, *мръзѣкѣ*, *съкрати*, *дѣсна*, *крѣвѣ*, *крѣтѣ*, *ерѣло* и ш. д. — Въ сихъ и подобныхъ имъ словахъ Рускіе, въ нынѣшнемъ Славянскомъ языкѣ, приняли по ихъ нарѣчію вмѣсто *ѣ* и *ь* или *е* или *о*, — напр.: *отецъ*, *конецъ*, *овенъ*, *овесъ*, *кашель*, *песокъ*, *шипокъ*, *кровокъ*, *кратокъ*, *мерзокъ*, и ш. д.; за исключеніемъ весьма малаго числа словъ, въ копорыхъ вовсе выброшены *ѣ* или *ь* — напр.: *тма*, *ржа*, а особливо послѣ *р* и *л*, — напр.: *мудръ*, *мудршій*, *храбръ*, *храбршій*, *свѣтлѣ*, *свѣтлшій* и ш. д. — Въ Сербскомъ языкѣ въ шаковыхъ словахъ почти вездѣ вмѣсто *ѣ* принята буква *а*, напр.: *отацъ*, *ованъ* и ш. д.; а гдѣ *ѣ* находишся послѣ *р*, тамъ нѣтъ никакой гласной буквы, но буква *р* сосзавляетъ сама по себѣ слогъ (какъ

въ старомъ Славянскомъ и Чешскомъ языкахъ), — напр.: *крѣѣ*, *прѣѣ*, *крѣѣ*, *грѣѣ*, *рѣѣ*, и ш. д.

3. Въ старинныхъ Сербско-и Руско-Славянскихъ книгахъ, во многихъ словахъ, между согласными буквами встрѣчается *лѣ* или *ѣл* (*лѣ* или *ѣл*), — напр.: *слѣнице* (*сѣлнице*), *дѣлѣѣ* (*дѣлѣѣ*), *плѣнѣ* (*пѣлнѣ*), *вѣлна* (*вѣлна*), *слѣза* (*сѣлза*) и ш. д. Въ Рускомъ, равно и въ нынѣшнемъ Славянскомъ языкахъ, въ шаковыхъ словахъ принято: или *о* передъ *л*, напр. *солнце*, *домѣ*, *полнѣ*, *солна*, или *е*, напр. *слеза* и ш. д. Въ Сербскомъ языкѣ, вездѣ принято вмѣсто *лѣ* или *ѣл* (*лѣ* или *ѣл*) *у*, — напр.: *сунце*, *дугѣ*, *пунѣ*, *оуца*, *оуза*.

4. *Л* въ окончаніи слога, въ Сербскомъ языкѣ, всегда превращается въ *е*, — напр.: *пепео* (*пепелѣ*), *сеоце* (*селце*), *котао* (*кошелѣ*), *писао* (*писалѣ*), *говоріо* (*говорилѣ*) и ш. д. Если же, при перемѣнѣ словъ чрезъ падежи и времена, послѣ *л* слѣдуетъ гласная буква, въ шакомъ случаѣ *л* остается на своемъ мѣстѣ, — напр.: *пепела*, *котла*, *котлу*, *котловы*, *говорила*, *говорило*, *говорила*, *говорили* и ш. д. —

5. Въ Сербскомъ языкѣ нѣтъ существительныхъ именъ, кончащихся на *іе*, за исключеніемъ шѣхъ, которыя приняты изъ церковныхъ книгъ, — напр.: *спасеніе*, *срѣтеніе*, *моленіе*, *введеніе* и ш. д.; прочія же имена, кончающіяся въ Славянскомъ языкѣ на *діе*, *жіе*, *зіе*, *ліе*, *ніе*, *ріе*, *тіе*,

cie, cie, sie, sie, въ Сербскомъ принимають вмѣсто *i* букву *ь*, — напр. *веселье*, *колье*, *писанье*, *ученье*, и ш. д. — Далѣ имена, кончащіяся въ Славянскомъ языкѣ на *bie, vie, mie, nie*, въ Сербскомъ языкѣ букву *i* перемѣнили на *ль*, — напр.: *еролье*, *вдравлье*, *безумлье*, *коплье*.

6. Букву *щ* Рускіе и другіе народы Славянскаго племени выговаривають какъ *шч*; Сербы произносятъ оную двоякимъ образомъ: 1) или какъ *шт*, — напр. *штене*, *штинати*, *пршитъ* и ш. д.; 2) или какъ *тъ* (*ѣ*) — напр.: *ноть*, *моть*, *петь*, *позлатьенъ* и ш. д. Въ сихъ словахъ въ Рускомъ языкѣ *щ* перемѣнилось на *ч*, — напр. *ночь*, *мочь*, *позолоченъ*, *печь*, а въ Польскомъ и Чешскомъ языкахъ вмѣсто *щ* находится *ц*, напр.: *ноцъ*, *моцъ*, *позлаценъ*.

7. Какъ *щ* и *т* во многихъ словахъ, въ Сербскомъ языкѣ, превратилось въ *тъ* (*ѣ*), такъ ж и *д* въ *дъ* (*ѣ*) — напр.: *господъа* (господъа), *медъа*, *родъенъ*, *радъати*, *прадъа*, *рдъа* и ш. д. —

8. *Х* почти не употребляется въ Сербскомъ языкѣ, исключая немногихъ словъ, — напр.: *лѣбъ* (жлѣбъ), *вала* (жвала) или (*фала*). — (Тамъ, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ *е* слѣдуетъ послѣ *х*, въ Сербіи во многихъ мѣстахъ *х*, особливо въ городахъ, *е* выговаривають за *ф*, — напр.: *фалити* (хвалишь), *уфатити* (ухвалишь) и ш. д.). — Либо *х* обратился въ *е*, — напр.: *суеъ* (сухъ), *глуеъ* (глухъ), *уе* (ухо) и ш. д. — Въ Герцеговинѣ, если *х* находится

ся въ концѣ слова, по выговаривается за г, — напр.: *дойдогъ* (дойдохъ), *видьегъ* (видѣхъ), *надогъ* (найдохъ). —

II. Въ Грамматикѣ.

Самое большое различіе между Сербскимъ и Славянскимъ языками находится въ глаголахъ:

а. Вообще всѣ глаголы въ Славянскомъ языкѣ кончащіяся на *у* или *ю* въ настоящемъ времени единственнаго числа, въ Сербскомъ языкѣ имѣютъ *м* (амъ, емъ, имъ), — напр.: *пишемъ* (пишу), *учимъ* (учу), *играмъ* (играю), *творимъ* (творю). —

б. Тѣ глаголы, которые въ Славянскомъ кончаться на *т* въ претъшемъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ настоящего времени, въ Сербскомъ имѣютъ окончаніе: 1, въ единственномъ числѣ: *а*, *е*, *и*; 2, во множественномъ числѣ: *у*, *ю*, *е*, — напр.: *игра* (играешъ), *пише* (пишешъ), *твори* (творишъ); — *пишу* (пишущъ), *играю* (играющъ) *творе* (творяшъ).

в. Всѣ Славянскіе глаголы, кончащіяся на *м* (исключая четыре неправильные глагола: *есмъ*, *вѣмъ*, *ямъ*, *имамъ*, которые въ настоящемъ времени множественнаго числа кончаться на *мы*) въ первомъ лицѣ множественнаго числа, въ Сербскомъ языкѣ имѣютъ окончаніе, безъ исключенія, *мо*, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ временахъ, — напр. въ настоя-

ищемъ времени: *играмо* (играемъ), *пишемо* (пишемъ), *творимо* (творимъ), въ прошедшемъ времени: *играемо* (играломъ) и т. д.

г. Тамъ, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ второе лице единственнаго числа настоящаго времени кончился на *ши*, въ Сербскомъ имѣетъ окончаніемъ букву *ш*, — напр. *играшѣ* (играеши), *пишешѣ* (пишеша) и т. д.

Въ Сербскомъ языкѣ нѣтъ настоящаго причастія спрадѣтельнаго залога. — Глаголы: *есамѣ* и *отѣу* въ настоящемъ времени имѣютъ двойное: *есамѣ* и *самѣ*, *отѣу* и *тѣу*.

2. Въ именахъ существительныхъ.

а. Имена мужескаго рода единственнаго числа, какъ въ Сербскомъ, такъ въ Славянскомъ языкахъ, имѣютъ во всѣхъ падежахъ одинаковыя окончанія, кромѣ предложнаго, который въ Славянскомъ языкѣ кончился на *ѣ* или на *и*, а въ Сербскомъ на *у*; равнымъ образомъ и дательный (потому что сіи два падежа въ Славянскомъ языкѣ имѣютъ одинакое окончаніе, въ прилагательныхъ именахъ женскаго рода и во многихъ мѣстоименіяхъ). — Во множественномъ нѣтъ одинаковыхъ падежей, кромѣ именительнаго и звательнаго (но и сіи не имѣютъ одинакаго окончанія въ тѣхъ именахъ, которыя въ Славянскомъ языкѣ имѣютъ окончаніе *е*, — напр. сынове, Римляне). — Самое большое различіе въ предложномъ падежѣ, имѣющемъ въ Славянскомъ языкѣ окончаніе *ехѣ* или *ѣхѣ*, а въ Серб-

скомъ *ма* (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ *ма* перемѣнилось на *и* прощажное; это еще осталось отъ Славянскаго окончанія *ѣхъ*; ибо въ Сербскомъ языкѣ *х* почти вышло изъ употребленія).

Родительный падежъ въ Славянскомъ языкѣ бываетъ двоякій; или какъ именительный единственнаго числа, или оканчивается на *овъ* или *евъ* (нѣкоторыя имена имѣютъ *ей* вмѣсто *евъ*); но въ Сербскомъ въ обоихъ случаяхъ родительный падежъ имѣетъ окончаніе *а*. — Сіе можно сказать только о тѣхъ именахъ, которыя оканчиваются на *ова*, или *ева*, имѣя во всѣхъ падежахъ множественнаго числа окончанія *овъ* или *евъ*.

Дательный падежъ въ Славянскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе *омъ* или *емъ*, равнымъ образомъ и шворительный единственнаго числа въ Сербскомъ на *ма*. — Винительный падежъ въ Славянскомъ имѣетъ окончаніе *и* или *ы*, а въ Сербскомъ языкѣ *е*.

6. Въ именахъ средняго рода почти такое же различіе, какъ и въ предыдущихъ; исключая тѣхъ именъ, которыя въ Сербскомъ языкѣ имѣютъ въ родительномъ и въ прочихъ падежахъ окончаніе *т* или *н* съ предыдущею гласною, тѣхъ имена оканчиваются: въ родительномъ на *а* въ дательномъ на *у*, шворительномъ, *омъ*, — напр. прасе, род. прасеша, даш. прасешу, швор. прасетомъ. — Им., род. имена, даш. имени, швор. именомъ.

в. Имена женскаго рода, кончащіяся на *ъ*, склоняющіяся, какъ въ Сербскомъ, такъ и въ Славянскомъ языкахъ, одинаково (съ тою только разницею, что звательный падежъ единственнаго числа въ Славянскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе *е*, а въ Сербскомъ *и*, шворительный въ Слав. на *ію*, а въ Серб. на *у* и на *и*. — Во множественномъ числѣ предложный падежъ въ Славянскомъ языкѣ оканчивается на *охъ*, а въ Сербскомъ дательный, шворительный и предложный на *ма*).

Склоненіе именъ женскаго рода, кончащихся на *а*, ошолъ ошлично въ сихъ языкахъ, что почишаю нужнымъ написать одно противъ другаго, для того, чтобы удобнѣе усмотрѣть можно различіе между склоненіями упомянутыхъ именъ.

Единственное число. Множествен. число.

	Славян.	Сербск.,		Славян.	Сербск.,
И.	вода	вода	И.	воды	водѣ
Р.	воды	водѣ	Р.	водъ	вода
Д.	водѣ	води	Д.	водамъ	водама
В.	воду	воду	В.	воды	водѣ
З.	водо	водо	З.	воды	водѣ
Т.	водою	водомъ	Т.	водами	водама
П.	водѣ	води	П.	водахъ	водама.

Имена, кончащіяся въ Славянскомъ языкѣ на *ня*, *ля*, *жа*, *ча*, *ща*, *іа*, *іа*, въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа вмѣсто *ѣ* имѣютъ *и* (а въ Сербскомъ вообще всѣ безъ исключенія);

въ звательномъ *е* вмѣсто *о*, въ шворительномъ *сю* вмѣсто *ою*; имена на *ia* и *ia*, кроме упомянутого, имѣють въ родительномъ падежѣ множественнаго числа окончаніе *и* и *ей*, въ Сербскомъ же языкѣ все сіе подвержено одному правилу (кроме весьма немногихъ словъ, кончащихся на *ца*, которыя имѣють *е* вмѣсто *о* въ звательномъ падежѣ).

3. Въ именахъ прилагательныхъ.

а. Здѣсь должно замѣтить, что прилагательныя имена въ Сербскомъ языкѣ въ женскомъ родѣ не оканчиваются на *а*, въ среднемъ на *ое* (*ее*), но на *а* въ женскомъ, на *о* (*е*) среднемъ родахъ, какъ усѣченныя прилагательныя имена въ Славянскомъ языкѣ.

б. Въ мужескомъ и среднемъ родахъ единственнаго числа родительный падежъ (также и винительный въ одушевленныхъ вещахъ) въ Сербскомъ языкѣ оканчивается на *ога* или *ега* (а сокращенно на *огъ*, или *егъ*), а въ Славянскомъ на *ого* или *его*. — Предложный падежъ въ Сербскомъ языкѣ оканчивается на *омъ*, а въ Славянскомъ языкѣ на *ѣмъ* или *емъ*. — Кроме сего, въ Сербскомъ языкѣ многія прилагательныя имена (т. е. все тѣ, которыя въ родительномъ оканчиваются на *ога*) имѣють окончаніе въ дательномъ падежѣ на *у* и на *е*, — напр. *светому* и *светоме*. Творительный и предложный падежи какъ въ Сербскомъ, такъ и въ Славянскомъ языкахъ имѣють одинаковыя окончанія. — Съ

женскомъ родѣ дательный и предложный падежи въ обоихъ языкахъ имѣютъ одинакія окончанія, съ тою разницею, что въ Славянскомъ языкѣ оканчиваются сѣи падежи на *ой*, *ѣй* (рѣдко на *ей*), а въ Сербскомъ только на *ой*; но ежели возьмемъ усѣченныя прилагательныя имена въ Славянскомъ языкѣ, тогда именительный, винительный и звательный падежи равны въ обоихъ языкахъ; а въ родительномъ и шворительномъ имѣютъ такое же различіе, какъ и въ существительныхъ именахъ.

Все сказанное должно разумѣть въ единственномъ числѣ, а во множественномъ мужескаго рода только именительный и звательный, въ среднемъ (въ усѣченныхъ въ Славянск. языкѣ) именительный, винительный и звательный падежи одинаковы. — Родительный въ Славянскомъ языкѣ оканчивается на *ыхъ* или *ихъ*, а въ Сербскомъ на *и* и на *іе*. — Дательный въ Сербскомъ на *има* и *іемъ* (слѣдовательно — шворительный и предложный падежи тѣ же имѣютъ окончанія).

в. Самое большое различіе въ именахъ прилагательныхъ находится въ степеняхъ уравнианія. — Сравнительная степень въ Славянскомъ языкѣ бываетъ тогда, когда въ цѣломъ окончаніе *ый* или *ій* перемѣняется на *шій*, — напр. *богатый*, срав. *богатшій*, а въ Сербскомъ на *іи*, — напр. *богати*, *учени*; или на *ѣи*, — напр. *младъ*, срав. *младѣи*, — *црнь*, *црњи* — *люшь*, *лютьи* и. ш. *д.*, или на *и*, напр. *благъ*,

блажи, — *брзъ*, *бржи* и ш. д. — Прекосходная степень въ Славянскомъ языкѣ бываетъ, когда окончаніе *ый* перемѣняется на *айшій*. — напр. *благіи*, *блажайшіи*, — сладкій *сладчайшій* и ш. д. — въ Сербскомъ превосходная степень дѣлается изъ сравнительной, прибавляя къ оной сначала *най*, — напр. срав. *богатіи*, превосх. *найбогатіи* — *младѣи*, *наймладѣи*, — *бржи*, *наибржи*, — *црѣи*, *найцрѣи*.

Н. Цветковичъ.

(ИЗЪ ПИСЬМА КЪ С. В. Т.)

Нѣчто о городѣ Бѣжецкѣ.

Первобытннй Бѣжецкъ находился въ 11 верстахъ отъ нынѣшняго, на берегу Каменнаго озера. Въ древности сей городъ назывался *Бѣжицы*, а жители его Бѣжане. Самое названіе его даетъ понятіе о населеніи его такими людьми, которые принуждены были спасаться бѣгствомъ и искать себѣ убѣжища. Изъ Исторіи Россійской видно, что въ древнія времена Новгородъ не рѣдко раздраемъ былъ расприами и ссорами, возникавшими между знаменными гражданами онаго города; а изъ преданія вѣроятную догадку сдѣлать можно, что во время шакowychъ мятежей, нѣкошорыя фамиліи, и шо нарочитыя, не желая бытъ въ страхѣ и опасности отъ бунтующихъ своихъ сосѣдей, или лучше, со-

гражданъ, рѣшались оставить опочечесвенный свой городъ и удалились въ безопасное для себя мѣсто. Упоминаемые здѣсь Бѣжицы по сей причинѣ могли сдѣлаться для оныхъ мѣстомъ шихаго приспанища. Это переселеніе Новгородцевъ въоряціе заслуживаеиъ еще и потому, что Бѣжецкій округъ въ древности принадлежалъ Новгороду и составлялъ одну изъ его *платинъ*. Надобно думать, что основаніе городу Бѣжицамъ положено было Новгородцами - бѣглецами въ девятомъ столѣтіи по Р. Христовомъ, или по крайнѣй мѣрѣ до двѣнадцатаго столѣтія. Случай перемѣстившись Бѣжанимъ съ лѣваго берега Мологи на правый (гдѣ нынѣ стоить Бѣжецкъ) былъ слѣдующій: 1273 года Князь Тверскій Святославъ Ярославичъ, по своимъ неудовольствіямъ на Новгородъ, напалъ съ Тверскимъ и Ташарскимъ (приглашеннымъ) войсками на Бѣжицы и раззорилъ сей городъ до основанія; отъ сего городъ Бѣжицы пришелъ въ упадокъ и запустѣніе. Новгородцы, сожалея о семъ городѣ, спарались возобновить его, и избрали новое мѣсто на другомъ берегу Мологи, гдѣ и выстроены былъ новый Бѣжецкъ — въ послѣдствіи времени именовавшійся Городцемъ. Это, кажется, происходило между 1273 и 1320 годами.

Церквей въ нынѣшнемъ Бѣжецкѣ 11 штукъ и всѣ каменные; дома по большой части деревянные.

Нарядъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ Бѣжецкихъ бываетъ не одинаковъ. Старики носятъ кафтаны съ борами и подпоясывающія кушаками, молодые же большею частію одѣваются по Нѣмецки. Что же касается до уборовъ женскихъ, то спарушки употребляютъ фашы, кофты и юбки, молодушки же и дѣвушки носятъ плащя, подобно Московскимъ щеголихамъ, за исключеніемъ того, что немногія изъ богатыхъ головнымъ уборомъ оплечаютъ себя опъ бѣдныхъ, т. е. носятъ на головахъ шляпки.

Бѣжецкія дѣвушки въ церковь ходятъ тогда только, когда говѣютъ или бываютъ именинницы. У нихъ бываютъ прогулки большею частію во время весны и лѣта, когда стоитъ хорошая погода. Лучшія и шоржественныя гулянья бываютъ:

1 е) Въ Пятидесятницу — въ рощѣ Шеломенской.

2 е) Во 2 й день по пятидесятницѣ — въ приселкѣ Княжевѣ.

3 е) Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ на кладбищѣ.

4 е) 4 и 16 Августа на кладбищѣ же. При входѣ въ оное стоятъ купеческіе и мѣщанскіе дѣти щегольски одѣтые, раскланиваются съ знакомыми и высматриваютъ себя пригожихъ невѣстъ, кои входятъ на кладбище и на среднемъ валу онаго сядишя. Дождавшись звона къ вечернѣ, онѣ вспаютъ и прогуливаются вокругъ кладбища; часовъ же въ шесть гуляютъ по улицамъ. По воскресеньямъ, исключая богатыхъ ку-

печескихъ дочерей, хотя бы была и хорошая погода, не прогуливаются. — Дѣвушки имѣютъ также обыкновеніе дѣлать посѣдки, кои начинаются обыкновенно опѣ 14 Ноября и продолжаются до мясопусшнаго воскресенья, бывающаго предѣ масляницею. На оныхъ бесѣдахъ дѣвушки сидятъ безъ дѣла и нажимаютъ къ себѣ молодцовъ, по приходѣ коихъ поютъ пѣсни и пляшутъ съ ними. На посѣдки молодцы приходятъ съ закрытыми лицами, не въ своемъ нарядѣ и стараются скрываться опѣ дѣвушекъ, говоря не своимъ голосомъ.

У Бѣжецкихъ торгашей есть какое-то странное нарѣчіе, которое они употребляютъ при торговлѣ, на пр.: *обзани его*, т. е. обвѣсь его; а молодцы, увидя дѣвушекъ, смотрящихъ на нихъ или идущихъ, говорятъ: *збранюга - зехай - карыши хряютъ* — братъ, смотри, дѣвки идутъ; также иногда спрашиваютъ другъ друга: у тебя *ель рикша* — есть у тебя деньги. Рубль называютъ *тефрь*, полтину *ломиха*, четверть рубля — *уголъ*, гривенникъ — *ма рошникъ*, гривну — *марка*, шпофъ — *штибель*, полшпофъ — *полштибель*, вино — *торнуха* и пр. Вообще же говорятъ не совсемъ правильно, напр. пойдѣмъ за грибамъ; пирогъ съ грибамъ; нами нужно; что вы не ходите къ нами и пр.

Б. ъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ

Псалмъ 46-му.

О Богъ радуйшесь народы,
Вся тварь Его во вѣкъ хвали ;
Ему гремише неба своды
И основанія земли !
Се , ошъ языка до языка
Несетсѣ Вышнему хвала ,
Зане великъ судьбъ Владыка
И благосшны Его дѣла.

Послалъ Онъ бури съ горныхъ сводовъ ,
Пошрясь вселенныя столпы
И дышущихъ враждой народовъ
Подъ наши положиъ столпы.
Даровъ небесныхъ достоянье
Сынамъ земли Онъ далъ въ удѣлъ ,
И щедрое руки даанье
Любовію запечатлѣлъ.

Восходишъ Богъ во гласахъ шрубныхъ ,
Въ воскликновеніи словесъ :
Прославьше въ пѣсняхъ благолюбныхъ
Благаго Зодчаго небесъ.

Одѣвъ молній багрянцей,
Онъ шлеть намъ правду, милость, судъ,
И мощною его десницею
Цари восходяшь и падушъ.

Д О Н Ъ К А Р Л О С Ъ,

И н ф а н т ѣ Г и ш п а н и ю.

Драматическая поэма, сочиненіе Шиллера.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Карлосъ, Маркизь Поза.

К а р л о с ъ.

Идушъ! Чшо вижу я? о Небеса!

Мой Родерикъ!

М а р к и з ъ.

Мой Карль.

К а р л о с ъ.

Возможноль? Ты ли?

И эшо не мечта? Такъ, эшо шь!

Я чувствую; близъ сердца моего

Одно швое шакъ сильно можеть бишься!

Забышо все! въ объятіяхъ швоихъ

Отъ немоши душа освободилась!

Со мною Родерикъ!

М а р к и з ъ.

Чшо значить эшо:

Отъ немоши душа освободилась?

Чшо эшо все, забышое при мнѣ?

Вы слышите: я васъ не понимаю,

К а р л о с ъ .

Что вызвало тебя — и такъ незапно —
 Изъ Брисселя? Кому обязанъ я
 Нежданной этой радостью? кому?
 Какой вопросъ! святое Провидѣнье!
 Сія хула восторга упоенье!
 Прости ее! Кому, какъ не Тебѣ?
 Безъ ангела былъ Карлосъ; Ты послало
 Ко мнѣ его, и я — какой вопросъ!

М а р к и з ъ .

Просшите, Принцъ, когда на зѣлошъ бурни
 Восторгъ души я возражу уныньемъ.
 Нѣтъ! не такимъъвоображалъ я Карла!
 Болѣзненный огонь въ его щекахъ,
 Болѣзненный огонь въ устахъ дрожащихъ!
 Что долженъ думашъ я? И потъ ли это
 Левъ - юноша, къ которому послала
 Меня страна героевъ угнетенныхъ?
 Не Родерикъ предъ вами, не товарищъ
 Младенца Карлоса, но представитель
 Народовъ, Принцъ, васъ прижимаетъ къ сердцу,
 И Фландрія въ лицѣ моемъ рыдаетъ,
 Торжественно моля васъ о спасеньи.
 Она для васъ погибла, если Альба,
 Свирѣпый фанатизма жрецъ, нахлынетъ
 Съ Гишпанскими законами, подъ Брисселемъ
 На внука Карла Пятого лежишь
 Последняя надежда сей земли;
 Она обрушилась, коль ваше сердце
 Для человѣчества забыло биться.

КАРЛОСЪ

Она обрушилась!

МАРКИЗЪ

Творецъ! что слышу?

КАРЛОСЪ

Ты говоришь о временахъ минувшихъ.
Мнѣ также нѣкогда мечтался Карлосъ,
У кого, при имени: свобода,
Бѣжалъ огонь по жиламъ — онъ погибъ.
Тотъ, коего ты видишь здѣсь, не Карлосъ,
Покинувшій себя въ стѣнахъ Алкамы,
И въ сладкомъ упоеньи дерзнувшій
Осуществить мечту златаго вѣка
Въ Гишпаніи. — Младенческая мысль!
Она была божественно — прекрасна.
Прошли мечты.

МАРКИЗЪ

Мечты, Инфантъ? То были
Однѣ мечты?

КАРЛОСЪ

Какъ сладко, другъ единый,
Мнѣ плакалъ на груди швоей, и плакалъ
Горячими слезами! Никого
Я не имѣю въ мірѣ — никого.
Какъ ни пространно это Королевство,
Какъ ни далеско наши флаги вѣютъ,
Но нѣтъ нигдѣ — нигдѣ — нигдѣ приюта;
Въ котормъ бы, какъ здѣсь, на этой груди,
Тоску души я облегчилъ слезами.
О Родерикъ! для райскаго блаженства,

Для райскаго блаженства не отвергни
 Меня ошь этой груди!

М а р к и з ъ (склоняется на него въ безмолвномъ умиленіи).

К а р л о с ъ.

Сирошою

Я былъ; но ты меня, изъ состраданья,
 На ступеняхъ престолоа призрѣлъ. Боже!
 Мнѣ чуждъ и звукъ: родишель — я Инфантъ,
 Сынъ Короля. О если шо сбылося,
 Чшо говоришь мнѣ сердце, если ты
 Меня постигъ одинъ изъ тысячъ, если
 Создательной природой отразились
 Другъ въ другъ Родерикъ и Карлосъ, если
 Незримыя сердцеъ ихъ арфы сходно
 Въ ихъ юноши настрояны, и если
 Моя слеза, бальзамъ души скорбящей,
 Тебѣ дороже милосшей Филиппа —

М а р к и з ъ.

Дороже всей вселенной.

К а р л о с ъ.

Сшоль глубоко

Низринушь я, и сшоль я бѣденъ спалъ;
 Чшо принужденъ златое наше дѣшство
 Тебѣ напомнишь, швой давно забышый,
 Давно забышый долгъ тебѣ напомнишь,
 Который ты еще младенцемъ сдѣлалъ.
 Тогда, какъ мы, простой природы дѣши,
 Въ союзъ брашскомъ вѣшшь возрастами,
 Одна печаль меня шерзала — видѣшь
 Ничтожештво мое передъ шбою;

Но я не могъ бышь Родерику равнымъ —
 И безпредѣльно полюбилъ его.
 Тушь началъ я скучашъ тебѣ любовью
 И ласками безчисленными браша;
 Ты, гордый умъ, ошвергъ ихъ равнодушно.
 Не рѣдко ты дѣшей, породы низкой,
 Сжималъ въ объятіяхъ, меня минуя;
 Я тушь стоялъ — но ты того не видѣлъ!
 И жаркіе пошoki слезъ бѣжали
 Изъ глазъ моихъ! За что же только ихъ?
 Я восклицалъ печально: не имѣюль
 И я души для Родерика? ты же,
 Ты холодно и важно предо мною
 Склонялъ колѣна: вошь что, говорилъ,
 Принадлежишь досшомншву Инфанша!

М а р к и з ъ .

Забудьте, Принцъ, вы эту повѣсть дѣтства;
 Я ошь нее шеперь еще краснѣю.

К а р л о с ъ .

Я эшаго не заслужилъ. Ты могъ
 И разшерзашъ и презрѣшь сердце Карла,
 Но ошь себя ошпринушь — никогда.
 Три раза ты Инфанша удалялъ,
 Три раза онъ стоялъ передъ шобою,
 Молмлъ тебѣ, какъ нищій, о любви,
 Скучалъ тебѣ любовію своею.
 Чего не могъ и Принцъ, шо жребій сдѣлалъ.
 Случилося, однажды, въ нашихъ играхъ,
 Чшо швой воланъ ударилъ какъ-шо въ глазъ
 Моей роднѣ, Богемской Королевѣ.

Нечаянность за умыселъ принявъ,

Ч. IV. Но XV и XVI.

Она въ слезахъ нажаловалась брату.
 Возмъ юношамъ придворнымъ должно было
 Къ ошкрышю виновнаго собраться ;
 Король клялся , за шаковой проступокъ ,
 И своего единственнаго сына
 Не пощадишь — шущь-шо я увидѣлъ
 Тебя вдали шрепещущимъ — увидѣлъ —
 И бросился къ родишельскимъ стопамъ :
 Я эшо сдѣлалъ — я ! воскликнулъ Карлось ;
 Излей швой гнѣвъ и мщеніе на сына !

М а р к и з ъ .

Ахъ , Принцъ ! за чѣмъ напоминашь мнѣ эшо ?

К а р л о с ъ .

Передъ лицомъ всего двора , печально
 Стоявшаго въ кругу , они на Карла ,
 Какъ на невольника , излишны были.
 Я на шебя смошрѣлъ безъ слезъ ; ошъ боли .
 Я скрежесалъ зубами , и не плакалъ ;
 Подъ шяжкими ударами , позорно ,
 Я обливался кровью Королевской ,
 И на шебя смошрѣлъ безъ слезъ. Ты вышелъ ,
 Ты бросился къ ногамъ моимъ , рыдая :
 Я побѣжденъ ! воскликнулъ шы , и долженъ
 Воздашь тебѣ , какъ моему владыкѣ !

М а р к и з ъ .

Я долженъ , Карль ! младенческой обѣщъ
 Произношу шеперь , какъ мужъ : я долженъ
 Воздашь тебѣ ! И мой ударишь часъ.

КАРЛОСЪ.

Теперь! теперь! не медли! онъ пробилъ.
 Твой часъ насталъ — ты можешь быть свободенъ!
 Одной любви я жажду. Спешной тайной
 Томишься грудь — она должна излиться —
 Должна — должна! Пусть эшотъ мрачный взоръ
 Произнесетъ мой смертный приговоръ!
 Не возражай! узнай — и шрепещи!
 Сынъ любить мать!

МАРКИЗЪ.

Творецъ небесный!

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Я не хочу пощады. Говори,
 Что на землѣ нѣтъ бѣдствія, съ кошорымъ
 Моглобъ мое сравниться — говори —
 Я знаю все, что ты скажешь мнѣ можешь.
 Сынъ любить мать! Обычай народа,
 И Римскіе законы, и природа
 Осудятъ эшу страсть; мои права
 Въ святой борьбѣ съ правами Короля —
 Я знаю — и люблю; мой пушъ ведетъ
 Къ безумію, или на эшафотъ;
 Моя любовь порочна, безнадежна,
 Съ боязнію я бышя и смерти —
 Я знаю все — и я люблю.

МАРКИЗЪ.

Извѣстналь

Объ этой страсти Королева?

Карлосъ.

Могъ ли

Ее открышь я ей, женѣ Филиппа
И Королевъ, и дъ землѣ Гиспанской?
При ней на стражъ ревность Короля,
Вокругъ нее придворные, и могъ ли
Я съ нею мигъ наединѣ остаться?
Ужъ восемь адскихъ мѣсяцовъ тому,
Какъ Королемъ изъ Университета
Я вызванъ былъ за шѣмъ, чшобъ ежедневно
Съ ней видѣться въ безмолвнѣ могильномъ.
Такъ, восемь адскихъ мѣсяцовъ шайшя
Въ груди моей свирѣпый ашощъ пламень;
Тысячекрашно гибельная шайна
Спреишительно изъ устѣ моихъ бѣжала,
И въ глубъ души скрывалась боязливо.
О Родерикъ! одно мгновенье съ нею
Наединѣ —

Маркизь.

А вашъ родишель, Принцъ?

Карлосъ.

За чѣмъ его напомнилъ шы, несчастный?
Всѣ муки совѣспи, всѣ казни ада
Исчисли мнѣ — объ немъ одномъ ни слова!

Маркизь.

Вы ненавидите отца?

Карлосъ.

Ахъ, нѣтъ!

Нѣтъ! я люблю его; но страхъ злодѣя
И робкая боязнъ меня объемлюшъ

При семъ ужасномъ имени — и я ли
 Тому, виной, что даже въ юной — въ юной
 Душѣ моей раздавленъ былъ опроснокъ
 Любви къ нему, подъ рабскимъ воспицаньемъ!
 Я на седьмомъ году впервые вспрѣшилъ
 Ужаснаго, который назывался
 Моимъ опцомъ — и помню это утро!
 Нешрепешно пять смертныхъ приговоровъ
 Онъ подписалъ въ минушу — и сокрылся
 Потомъ я былъ за дѣтскій мой просхупокъ
 Имъ осужденъ на наказанье Боже!
 Здѣсь чувствую вполне мой верный жребій!
 Довольно! ахъ, довольно! кончимъ это!

М а р к и зъ.

Нѣтъ! вы теперь должны быть опкровенимъ;
 Слова бальзамъ души обремененной.

К а р л о съ.

Не разъ съ собой боролся я, не разъ
 Во время сна моей подкупной сражи,
 Полуночью, съ горячими слезами,
 Поверженный предъ ликомъ Благодатной,
 Испрашивалъ души покорной сына;
 Но не было оспрады. Разгадай
 Мнѣ, Родерикъ, шы тайну Провидѣнья:
 За чѣмъ изъ тысячи опцовъ достался
 Мнѣ сей опецъ — и эшопъ сынъ ему
 Изъ тысячи достойнѣйшихъ сыновъ?
 Въ своемъ кругу природа не встрѣчала
 Двухъ крайностей, противнѣйшихъ другъ другу.
 Моглаъ она Филиппа и меня —

Послѣдніе предѣлы человѣковъ —
 Соединишь священнѣйшею цѣпью?
 Ужасный рокъ! за чѣмъ свершилось это?
 За чѣмъ двумъ смертнымъ, вѣчно разлученнымъ,
 Спось гибельно сойшись въ одномъ желаньи?
 Здѣсь, Родерикъ, ты видишь два враждебныхъ
 Созвѣздія. Въ шеченіе вѣковъ
 Единожды пуши ихъ пересѣклись,
 Они сошлись — другъ друга сокрушили —
 И въ безпредѣльность розно полетѣли.

Маркизь.

Предвижу я несчастный мигъ!

Карлосъ.

Я также.

И грозныя мечты за мною всюду,
 Какъ фурія; сомнительно вступаешь
 Мой добрый духъ въ борьбу съ ужасной думой,
 И бѣдный умъ, прокравшись боязливо
 Сквозь лабиринтъ надеждъ и заблужденій,
 Вдругъ содрогаешься надъ страшною бездною.
 О Родерикъ! когдабъ я могъ забыть
 Ощца въ Филиппъ — Родерикъ! я вижу,
 Твой смертный взоръ проникъ въ меня глубоко —
 Когдабъ я могъ забыть ошца въ Филиппъ,
 Что былъ бы мнѣ Король тогда?

Маркизь. (По нѣкоторомъ молчаніи.)

Дерзнулъ ли

Я Карлосу принести мое моленіе?
 Согласны ли вы не начинатьъ безъ друга
 Ни одного изъ вашихъ предпріятій?
 Согласны ли вы на то?

КАРЛОСЪ.

На все, на все,
Чегобъ твоя любовь ни захошла!
Я весь въ твоихъ рукахъ.

МАРКИЗЪ.

Король намѣренъ,
Какъ говоряшъ, Аранжуецъ покинуть.
Намъ времени немного оспается.
Нигдѣ, какъ здѣсь, не можно съ Королевой
Вамъ видѣться и тайно говоришь;
Спокойство селъ, непринужденность нравовъ
Благопріятнымъ намъ —

КАРЛОСЪ.

Я также думалъ;
Но это все напрасно.

МАРКИЗЪ.

Не совѣмъ.
Я сей же мигъ представляюь Королевъ.
Когда она въ Гишпаніи все также,
Какой была и при Дворѣ Французскомъ,
То я найду въ ней ангельскую душу,
Въ ея очахъ прочу надежды Карла,
Склоню ее къ свиданію съ Инфантомъ,
И — только дамъ оспалось удалишь.

КАРЛОСЪ.

Мнѣ предана большая часть изъ нихъ;
За Мондекаръ же сынъ ея порука:
Онъ пажъ при мнѣ.

М А Р К И З Ъ .

Тѣмъ лучше , Принцъ . И шакъ
Вамъ должно бытъ вблизи , чѣшбы не медля
Явишься тамъ по знаку моему .

К А Р Л О С Ъ .

Все , все исполню — только поспѣшай .

М А Р К И З Ъ .

О ! я шерьшь не спану ни минушъ .
И шакъ , Инфаншъ , до мѣсна нашей встрѣчи .
(*Расходятся въ разныя стороны .*)

Н . Колатевскій .

1827 Года

Іюль .

ГРОБНИЦА БОНАПАРТЕ .

Подражаніе Ла - Мартину .

На дальшой , вѣковой скалѣ ,
Какъ моря бурнаго граница ,
Привѣшшвуешь въ шуманной мглѣ
Пловца пусшынная гробница !
На берегѣ морскомъ стоишь
Она въ задумчивости дикой :
Тамъ скипшръ преломленный лежишь ,
Обвишый мхомъ и павиликой .

•

Но чья она ? кто погребенъ
Безъ имени ? весь міръ ошвѣшшишь ;

Чей прахъ въ забвеніи, кто онъ!

Прошедшее его освѣишишь:

Онъ вписанъ яркою чертой

Почти во всѣхъ концахъ вселенной;

Онъ не забышь еще землей,

Его явленьемъ изумленной.

*

И пораженные вѣка

Передадутъ о немъ преданья:

Не прикоснешся ихъ рука

Къ дѣламъ его существованья.

Но пошъ, кшо дуною своей

Въ мечтахъ далеко возносился,

Кшо ужасалъ собой людей,

Гроза! онъ тамъ останоился.

*

Онъ тамъ! и что же? въ шрехъ шагахъ

Его ребенокъ измѣряешъ,

И доблестный Героя прахъ

Ногами пушникъ попираешъ;

Вокругъ гробницы шишина:

Лишь прожужишь комаръ порою,

Иль о скалу плеснешъ волна,

И смѣнишь другой волною!

*

Но не спрахись, Героя шѣнь!

Я не пришелъ для порицанья;

Ты дивной доблестью одѣнь

Свои прошедшія дѣянья!

Поэшь всесмыленною мечшой

Тебя для славы вызываетъ,
И только истиной одной
Разсказъ печальный украшаетъ!

*

Какъ будто въ мракъ черныхъ пучъ —
Твой гробъ, швое происхожденье;
Но ты сверкнулъ какъ молній лучъ —
И миръ узрѣлъ швое явленье;
Не зноимъ землю разгромили:
Такъ, мчась пусшынными мѣстами,
Неназванный, но шумный Нидъ,
Ужъ славенъ бурными волнами.

*

Все было свержено во прахъ
И всюду буйная свобода;
Но онъ! онъ не погибъ въ волнахъ
И сдѣлался Царемъ народа.
Сей гибельный, ужасный вѣкъ
Къ кому крыломъ не прикоснулся?
Но ты, о дивный человекъ!
Онъ опъ тебя какъ опшашнулся.

*

Ты заблужденье поражалъ
Своей губительной спрѣлою;
Ты никогда не шрепешалъ
Предъ многочисленной толпою;
И дряхлосшь вѣка оживилъ
Ты бодросшью своихъ вельнѣй;
Ты придалъ мужесшвенныхъ силъ
Собой, непосшижимый Геній!

*

Когдабъ наслѣдственный вѣнецъ
 Ты возвратилъ Царей снѣгами;
 Когдабъ на доблестный конецъ
 Спрямились бы швы дѣянъ:
 Герой, свершилъ добрыхъ дѣлъ,
 Какоюбъ славой озарился?
 Завиднѣ былъ бы швой удѣлъ
 И еямамъ бы воскурился.

*

Ты презиралъ, что люди чтящъ,
 Тебѣ безвѣстны наслажденья!
 Твой мечъ въ готовности, подыашъ
 Для гибели, для сокрушенья!
 Свобода, честь — все это сонъ,
 Мгновенно, быстро исчезающій;
 Любилъ ты только грозный звонъ,
 На шумъ военный призывавшій!

*

Въ швоей груди одна мечта —
 Быть въ цѣломъ мірѣ властелиномъ;
 Ты шелъ преграды никогда!
 Всѣ падали предъ исполиномъ!
 Ты направлялъ свой спрашный путь
 Пернатой, быстрою стрѣлою,
 И ни врага, ни друга грудь —
 Всѣ сокрушались предъ шобою.

*

Привѣтныи, дружественныи шумъ,
 Ни пиръ веселыхъ призываній,
 Ничто не развлекало думъ

Твоихъ воинственныхъ мечтаній,
 Пылистой любви черны,
 Прелестныя души волненія,
 Печаль невинной красоты; —
 На все смотрѣлъ безъ сожалѣнїя!

*

Любилъ ты только бранный звукъ,
 Оружїи грозныя бряцанья,
 Предвѣстники ужасныхъ мукъ —
 Военной бури завыванья.
 Тебя плѣнялъ швой вѣрный конь,
 Когда, копытомъ землю роя,
 Въ его очахъ блистала огонь:
 Онъ чувствовалъ, что несъ Героя!

*

Ты удовольствїя не зналъ,
 Людей чуждался взоръ угрюмой;
 Но ты безъ ропоша упалъ,
 Не расставаясь съ гордой думой.
 Подобно какъ орлиный взглядъ,
 Такъ въ міръ мысль твоя летѣла;
 Твоею думой міръ объяшь —
 И думъ не было предъѣла!

*

Всю землю славой разгромить,
 Разрушить силу поколѣній,
 Собой міръ цѣлой удивить,
 Могуществомъ своихъ вѣзгъ
 Народъ заставишь пререпешать;
 Въ борьбѣ съ жестокостью, съ любовью;

Оковы тяжкія ковашь,
Ихъ обливашъ невинной кровью;

*

Для всѣхъ вѣковъ загадкой бышь;
Свершишь ужасныя дѣянья;
Пресшолы, Царства истребишь;
Заставишь говорить преданья;
Какъ бы кровавая зѣзда,
Знаменовашъ свое печенье! . . .
Какая страшная мечта! —
И вопшь швое опредѣленье.

*

Но ты упалъ! . . . и гдѣ мечши
Власшлюбивыхъ покушеній?
Гдѣ дерзостный Герой? гдѣ ты?
Исчезъ какъ призракъ сновидѣній!
Судьба на жершву обрекла,
Ты низпровергнушь колесницей,
Тебѣ приспанищемъ скала
Между пресшоломъ и гробницей.

*

Какъ живо представляю я,
Когда ты, въ думу погруженный,
О прошломъ спрашивалъ себя
И озирался удивленный:
Ты самъ себя не узнавалъ,
Какъ бы своей страшился тѣни,
И въ мрачности не довѣрялъ
Воспоминанью заблужденій!

*

Какъ пушникъ взорами слѣдишь
 За убѣгающей волною,
 Въ кошорой пѣнь его бѣжишь
 Съ непостоянною спруею :
 Такъ, ниспровергнувъ съ высоты,
 Ты думой прошлыя мгновенья
 Ловилъ шакъ жадно, какъ мечшы,
 Какъ мимошныя видѣнья.

*

И проходили эти дни
 Воспоминанія шолпами;
 Тамъ разливались они
 Какъ будшо бурными валами —
 И гордо неся каждый валъ
 Тебя коснувшійся главою,
 И отблескъ славы озарялъ
 Тебя съ прошекшею волною.

*

Тамъ на мосту вселялъ ты страхъ,
 Тобой опасносшь здѣсь поправа,
 Взылся въ свяшой пустынь прахъ,
 И ты въ волнахъ ужь Иордана.
 Тушь неприсшупная скала
 Увидѣла швое спремленье;
 Коснулась шамъ швоя спрѣла;
 А здѣсь какое вдругъ смяшенье!

*

За чѣмъ ты отшвращаешь взглядъ,
 Какъ бы въ предчувствіи прешупномъ ?
 За чѣмъ глаза швои горяшь
 Огнемъ какимъ - то недосшупнымъ ?

И не ужь ли прошедшій шумъ
 Вспревожилъ взоръ швой величавой ?
 Ты не спрашишь прошедшихъ думъ ;
 Ты все покрылъ своею славой !

*

Такъ , все ! . . . лишь на тебѣ блестящъ
 Пышномъ Героя (*) кровь молодая
 И предъ вѣками говоришь ,
 Какъ бы на судъ ихъ отдавая.
 Но казнь шобою свершена ;
 Тебя прошедшее смущаетъ
 И даже шумная волна
 Тебѣ его напоминаетъ.

*

И помрачился грозный взоръ ,
 Воспоминаньемъ пораженный :
 Ничто не ошвратишь позоръ ,
 Съ симъ злодѣяньемъ сопряженный.
 Хошя тебѣ хвалы гремятъ ,
 Хошь за тебя швой дѣянъ ;
 Но нѣтъ ! они не заглушаютъ
 Сшоль мрачнаго воспоминанья !

*

За шѣмъ останешься , пирань !
 Загадкою неразрѣшимой ! . . .
 И шы , подобно вѣмъ , поправъ
 Жезломъ судьбы неумолимой !
 Тебѣ какое имя дашь —
 Вѣка преидушь въ недоумѣнны

(*) Ирица Конде.

И не престануть шрепешать
При мысли о швоемъ явленнѣ!

✱

Но жизни шы свершилъ конецъ
Все шакже, какъ и рабъ свершаешь;
Подобно шакъ усшамый жнецъ
Безпечно въ полѣ засышаешь.
Въ молчаннѣ шы извлекъ свой мечъ,
Испрашивалъ вознагражденья;
Ты судъ хошѣлъ себѣ изрѣчь. . . .
Но дивны Вышняго велѣнья! . . .

✱

Преданье вѣрное гласишь:
Въ пылу мечшательныхъ мгновений,
Когда шы всѣми былъ забышь,
Съ шобой бесѣдовалъ швой Геній, —
Ты взоромъ Небо вопрошалъ,
Парилъ, казалось, думой жадной,
Начашъ хошѣлъ но замиралъ
Въ твоихъ устахъ сей звукъ опрадной.

✱

Сверши, произнеси мольбы,
Ничшо тебя да не удержишь!
Геросвъ доблестныхъ судьбы
Въ рукахъ своихъ Всевышній держишь!
Онъ шолько, Онъ тебя поймешъ:
Премудро все въ Его законахъ;
Тиранъ и рабъ дадушъ опчешъ:
Тошъ въ скипешрѣ, а сей въ оковахъ.

✱

Свершилось! . . . Богъ его судилъ;
Мыжъ смершные — вѣвѣкъ молчанье!

Найдешь ли кто довольно силъ
 Поняшь Небесь предназначенье?
 Отецъ! падемъ передъ Тобой,
 Предъ благостью Твоихъ вельний!
 Но ты, о доблестный Герой!
 Ты былъ непостижимый Геній!

12 Января
 1828 года.

Р А Л Ы Ф Ъ.

Я пасмуренъ, други, ужасенъ мой взглядъ;
 Въ очахъ моихъ злобы огонь мрачный пылаетъ;
 Ланиты поблекли, колѣна дрожатъ
 И гласъ мой охрипый любовь устрашаетъ.
 Встрѣчаешь ли дѣву, — взоръ робкій склоня,
 Какъ листъ зашрепещетъ и прочь убѣгаетъ;
 Малюшка въ рѣзвяхъ завидитъ меня, —
 Вмигъ радость исчезла, онъ игры бросаешь
 И махери къ груди прижавшись дрожишь.
 Гдѣ я, тамъ улыбкой уста не живятся;
 Тамъ споны спихаюшь, тамъ радость молчишь
 И имени Ральфа какъ язвы спрашиваешь.
 Мой слухъ не привыченъ къ притѣшнымъ словамъ;
 Языкъ лишь проклятья промолвитъ умѣетъ;
 Улыбка счастливыхъ безвѣстна устамъ,
 Лишь ярости хохотъ на нихъ цѣпенѣетъ.
 Я проклятъ природой, я проклятъ людьми;
 Я съ жизнью связанъ однимъ лишь страданьемъ;
 Рукою холодной всѣ узы любви

Ч. IV. № XV и XVI.

14

Давно ужъ расшоръ я съ печальнымъ созданьемъ . . .
 И долгъ мой природѣ давно ужъ судьбой
 За скудный даръ жизни уплаченъ съ лихвою
 Ушрашою счастья и скорби цѣной.

С.

Э Л Е Г І Я .

Ахъ! гдѣ она, швоя любовь?
 Она была — и миновалась!
 И слѣдъ пропалъ — и съ сердцемъ вновь
 Одна бывшая грусть оспалась!
 Ахъ! гдѣ она? гдѣ свѣтлый взоръ,
 Любви знакомая примѣта?
 Гдѣ твой привѣтный разговоръ?
 Напрасно сердце ждетъ отвѣта!
 Жестокой другъ! тебѣ меня
 Не обманушь твоимъ искусствомъ:
 Коль не умою постигну я,
 Такъ вѣрь, все разгадаю чувствомъ!
 Когда ты скученъ, чѣмъ тогда
 Мой взоръ забошливый обманешь?
 Чѣмъ очаруешь слухъ, когда
 Сурово ошѣчашъ мнѣ станешь?
 Ахъ! мнѣ ли не поняшь тебя?
 Я знаю все; — но, другъ мой милый!
 За что же ты ведешь меня
 Дорогой дальней до могилы?
 Чѣмъ ближе пушь, тѣмъ я скорѣй
 Избавлюсь шяжкаго сомнѣнья;
 Чѣмъ ближе пушь, тѣмъ я вѣрнѣй

Дойду до пристани забвенья !
 Но я молю , — миѣ слово дай
 И сохрани его , жестокой !
 Забудь меня , — не посѣщай
 Моей могилы одинокой !
 Не приходи : ночью порой
 Тамъ все преступника пугаешь ,
 И въ часъ полуночи глухой
 Тамъ страшно буря завываешь !
 Не приходи : тамъ ушромъ нѣтъ
 Почившимъ въ мирѣ пробужденья ;
 Тамъ озаряешь солнца свѣтъ
 Одну картину разрушенья !
 Не приходи : вблизи , вдали
 Тамъ встрѣшишь взоръ лишь видъ унылой ;
 То мраморъ роскошной въ пыли
 Надъ позабытою могилой ;
 То камень дикой , гробовой ,
 Вѣками грозно разрушенный ;
 То мхомъ заросшій крестъ простой ,
 Убогихъ памятникъ смиренный !
 Тамъ къ свѣжей насыпи придешь ,
 Быть можешь , спросишь : чья могила ?
 И въ сердцѣ собственномъ найдешь
 Ошвѣшь , кого она сокрыла !

М. Лисицына.

П Р О З А.

О Р О М А Н А Х Ъ.

(Изъ предисловія къ новому роману, въ прошедшемъ году напечатанному подъ заглавіемъ : *Cecile ou les Passions* и сочиненному извѣстнымъ писателемъ Жуи. Я выбралъ изъ сего предисловія, что показалось мнѣ всего замѣчательнѣе и новѣе въ мысляхъ и мнѣніяхъ автора о романахъ вообще и о Валшеръ Скошпъ въ особенности.)

. Последнимъ произведеніемъ и, такъ сказать, окончательнымъ слѣдствіемъ гражданскаго образованія былъ Романъ. Съ принятіемъ Христіанской вѣры переменилась судьба женщинъ и возстановилось равенство между ими и другимъ сильнѣйшимъ поломъ, который долго держалъ ихъ въ порабощеніи. Любовная страсть явилась въ полномъ развитіи. На мѣсто древнихъ нравовъ, столь простыхъ и величавыхъ, выступили многосложныя пользы жизни, запущанныя еще феодальною системою. Это была смѣсь ширанской свободы съ гонимельнымъ рабствомъ, грубыхъ страстей съ плащонизмомъ, набожности съ преступленіями. Это былъ хаосъ, оптически величавый, но темный или сумрачный, въ которомъ просіяли рѣдкія добродѣтели. Познаніе людей сдѣлалось труднѣе и замѣчательнѣе, какъ матерія болѣе сложная и разнородная сообщаетъ болѣе за-

жанчивости опытамъ Химика. Когда же слилися въ одно цѣлое всѣ разнородныя стихіи, когда установилось общество въ равновѣсіи подѣ самовластнымъ правленіемъ Лудовика XIV, тогда съ воспоминаніями и вліяніемъ ихъ измѣнился духъ словесности. Не было уже для подданныхъ ни опеченія, ни духа народнаго, ни пользы общей: изъ нѣдръ общежитія возникнулъ истинный Романъ, шопъ, который изображаетъ слабости и спрасы человеческого сердца.

Уже угасло рыцарство; но воображеніе плѣнялось имъ; сочинители Романовъ спарались схватить духъ рыцарства. Сей родъ могъ ожидать себя нѣкошораго успѣха въ правленіе Монарха, котораго могущество окружалось плѣнью рыцарскаго величія. Со дня на день возрастало владычество женщинъ; онѣ изобрѣли Романъ спрасшей. До сочинительницы *Заиды*, никто не смѣивался разрыть сердце человеческое, во всѣхъ его тайноспяхъ, и основать вымысла единственно на развишіи и боре-ніи любовной спрасы. Въ слѣдъ за нею, другія женщины-романисты того времени показали рѣдкій даръ вѣрнаго наблюденія и тонкихъ соображеній въ родѣ, изобрѣтенномъ Г-жею Лафайешъ. Но мушкетеру ожидала слава вывести въ Романѣ общество новѣйшихъ временъ во всѣхъ его видахъ; ни одно сердечное движеніе ни одно изъ разнообразій любовной спрасы не укрылось отъ упомянутыхъ женщинъ: Ле-

саяъ , сочинитель Жилблаза , не прогля-
дѣлъ и не пропустилъ ни одного порока
нашихъ нравовъ , ни одной спранныости
нашего общежитія . Его изобрѣшеніемъ былъ
Романъ нравовъ . Другой Лафонтень между
романистами , просподушный въ самой силѣ
и ошкровенности своего Генія , разнообраз-
ный подобно жизни человѣческой , назида-
тельный , подобно опыту , онъ скупенъ и
и забавенъ , какъ дѣйствительные опыты
жизни .

У Англичанъ , которымъ удалось соеди-
нить папріотизмъ древнихъ и общій духъ
народный съ аристократизмомъ , испекшимъ
изъ феодальныхъ учрежденій , были нравы
общественные и домашніе : смѣшеніе , неиз-
вѣстное древнимъ народамъ . Туманное не-
бо заславляло ихъ чаще сходиться подъ се-
мейственнымъ кровъ; и безпокойная ихъ не-
зависимость возспала бы явно на само-
вольную инквизиціонную управу , которая
дерзнула бы нарушить святыню домашней
тайны . Однимъ собственнымъ словомъ , ими
изобрѣшеннымъ , выразили они все удо-
вольствіе сидѣть дома , у огня , подъ защи-
стою драгоцѣнной собственности , во всей
свободѣ пошупковъ , которыми такъ доро-
житъ ихъ народъ : это слово есть *home* , не-
вѣдомое въ другихъ спранахъ Европы и слу-
жащее характерискою сихъ острожи-
щанъ . У Англійскаго народа быстро раз-
вернулся Романъ , посвященный изображе-
нію домашнихъ нравовъ ; и не лзя не при-
знать его мастеромъ дѣла въ томъ родѣ

Романа, котораго онъ можешь почиашься швордомъ, хошя другіе народы подали ему первую мысль и первый примѣръ сего рода.

Такъ явились въ Англіи безчисленныя изображенія частной жизни и домашнихъ ея обычаевъ, споль дорого цѣнимыхъ народомъ; и между шѣмъ какъ Лесаждъ вмѣспилъ въ шри шма глубокіе и забавные уроки обще-жизельной опытноспи, рѣзкія начертанія нашихъ пороковъ и нравовъ, Ричардсонъ, въ угодноспь согражданамъ своимъ, написалъ исторію семейспва, какъ пишущъ исторію міра, не упуская ни одной подробноспи, ни одного случая или обстоятельспва; правдивый и мѣлочный, какъ сама природа, болпливый и неправильный, какъ спрасши, живущій, шакъ сказашъ, избышкомъ подробноспей и опыскавшій способъ бышъ заманчивымъ для своихъ чипашелей въ простомъ, но въ осьми шомакъ разболшанномъ разсказѣ о любовномъ оболъщеніи.

Дидьрошъ, котораго пламенный геній загорался, какъ лава, и разливался, подобно ей, огненными потоками, посвятилъ Ричардсону диѣирамбъ въ прозѣ, гдѣ справедливая похвала кажется сомнишельною ошъ излишняго преувеличенія. Если же захошимъ вникнушъ въ духъ Англійскихъ нравовъ, и смошрѣшъ на семейспво, какъ на пріятнѣйшее для челошъка зрѣлище, какъ на драму, въ которой каждая малѣйшая сцена имѣешъ свою занимательностъ, шо мы не переспанемъ удивляшъся въ Ричардсонѣ дальновидноспи наблюдательнаго ума, об-

широкому и разнообразному взгляду живописца, точности въ подражаніи различнымъ тонамъ, совершенному правдоподобию въ подробностяхъ, мастерскому единству характеровъ, истинѣ во всѣхъ и глубокомыслию во многихъ изображенныхъ лицахъ. Ричардсонъ сообщилъ Роману нравовъ полное, всевозможное совершенство въ смыслѣ сурогаго вкуса и величайшую дальновидность и обширность; у него выведены съ великою точностію и разнообразіемъ подробности домашнихъ нравовъ, входящихъ въ составъ романовъ новѣйшихъ временъ.

Почитатели Ричардсона сравниваютъ его съ Гомеромъ: не споря о правильности сего честлюбиваго сравненія, признаемъ, что онъ внесъ въ свою Эпопею семейственныхъ нравовъ ту же плодovitость, силу воображенія и безыскусственное краснорѣчіе, копорыми отличался пѣвецъ баснословныхъ вѣковъ Греція. Чудно, что между стихотворнымъ гениемъ древняго ошца поэзовъ и наблюдательнымъ, но совершенно прозаическимъ гениемъ шворца Клариссы, можно вывести нѣкоторое сравненіе!

Ричардсонъ позналъ выгоду опмѣнишь въ романъ ту форму, въ которой повѣсшвуешь самъ писатель. Въ его швореніяхъ скрывается повѣсшвователь; въ нихъ видны характеры людей, ихъ дѣйствительныя страсти, тайныя пружины мыслей, словомъ, сама природа. Онъ оставилъ своимъ

дѣйствующія лица говоришь за самихъ себя. Каждый рассказываетъ свою собственную жизнь, повѣряешь тайну своихъ ощущений, изобличаешь самъ себя во всѣхъ дѣлахъ и помысленіяхъ. Таковъ духъ новѣйшаго Романа, постигнутый Ричардсономъ. Это было, такъ сказать, новое употребленіе драматическаго искусства. Въ каждомъ письмѣ Романа, какъ бы въ нѣкошоромъ монологѣ, открывающа чисташелю всѣ тайны дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ. Ловеласъ повѣдаешъ собственную развращенность; тайная любовь Кларишсы къ ея обольсташелю явно обнаруживаешся, не взирая на усилія ея добродѣтели; и переписка вѣроспешенныхъ лицъ опредѣлаешъ для главныхъ шу спешень чешпи и уваженія, на кошорую возводишь ихъ воображеніе автора: обширная машина, кошорой изобрѣшеніе выказываешъ геній шворца ея, а исполненіе достоинство побѣжденныхъ, но великихъ затрудненій.

Едва, въ нѣкошорыхъ изящныхъ швореніяхъ драматическихъ, достигли масшта искусства до того, чтобы слышья совершенно съ духомъ и свойшвами немногихъ лицъ, ими выведенныхъ на сцену. Англійскому Романишу предстояло, для описанія, болѣе шешидесяти разныхъ лицъ, ошмѣченныхъ прошивоположными качествами. Надлежало засшавишь каждого говоришь своимъ собственнымъ языкомъ, не смѣшвая никогда ихъ нравовъ, навыковъ, нарѣчій. Какъ ошказашъ счастливому исполни-

шелю такого предпріятія въ правѣ стоятъ на ряду съ первыми шворцами - геніями?

Фильдингъ, вмѣсто того чтобы идти по слѣдамъ Ричардсона, принялъ за образецъ Лесажа, въ отношеніи къ формамъ. Онъ изображалъ массы общества, описывалъ общіе характеры и повѣствовалъ о происшествіяхъ жизни своихъ лицъ съ такою истиною и силою, которыя опредѣляютъ ему первое мѣсто подлѣ сочинителя Жилблаза.

Съ дальнѣйшими успѣхами гражданскихъ обществъ возрастало вліяніе романовъ. Чтеніе ихъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ всѣхъ классовъ людей, наравнѣ съ драматическимъ представленіемъ: во всѣхъ возможныхъ видахъ являлся сей родъ сочиненія. Въ немъ Спернъ описывалъ, въ фантастическихъ чертахъ, свое нравіе человѣческаго сердца. Вольтеръ обратился въ бичъ пороковъ, нанесенныхъ суевѣріемъ и безнравственностію политическою. Руссо, одаренный разумомъ мужественнымъ и сprogимъ, поставилъ его на высоту философическаго шворенія.

Гь *Новой Элоизѣ* видно смѣшеніе разнообразныхъ соображеній. Пыливный образцемъ Ричардсонова пера, Жан-Жакъ, подобно ему, вложилъ разсказъ въ уста дѣйствующихъ лицъ своихъ. Для сцены Романа выбралъ онъ пустыню, гдѣ герои его, удаленные отъ предубѣжденій и предразсудковъ городскихъ, споль легко закрадывающихся въ душу, исповѣдуютъ безъ всякой осторожности смѣлую вѣру въ истины

природы и въ парадоксы философіи, можетъ бытьъ проспительные людямъ въ уединеніи. Лафайетъ изобразила всѣ упонченія нѣжной спраспи въ обществѣ и у людей вышняго класса. Руссо, врагъ общественныхъ опличій, показалъ всѣ бурные порывы, муки, опраду и шоску любовной спраспи въ сердца молодыхъ людей, чуждыхъ свѣта и его мнѣній. Наконецъ, какъ Ричардсонъ выказалъ въ почной картинѣ, или лучше сказать въ ясномъ чистомъ зеркалѣ малѣйшія движенія семейственныхъ нравовъ, такъ сочинитель *новой Элоизы*, всегда увлекаемый воображеніемъ въ области мысленнаго міра, хотѣлъ сошворить семейство совершенно счастливое и очаровательнымъ шаланшомъ своимъ осуществивъ на землѣ рай, украшенный чистотою безпорочныхъ нравовъ, сияшостию домашнихъ добродѣтелей, порядкомъ и пріятностію сельской жизни. Если сей великій шаланшъ не могъ выполнитьъ въ цѣломъ столь благородное предначертаніе, и сообщить ему желаемое совершенство, то надобно думать, что такое предпріятіе превышало человѣческія силы, и что смѣлость философа мѣтила далѣе цѣли, доступной для генія.

Краснорѣчіе языка, красота слога, блескъ парадокса, пылкость спраспи, сила умствования, все истощено было Жан-Жакомъ для того, чтобы скрасить недоспашки и погрѣшности общей рамы, въ которую хотѣлось ему вставить всѣ мысли свои, мнѣнія, воспоминанія, мечты, надеж-

ды, сомнѣнія и сожалѣнія, испытанныя въ жизни. Пламенная спрашная душа мѣшала ему быть безприсрашнымъ наблюдателемъ; и онъ не представилъ своихъ героевъ, какъ Ричардсонъ, въ дѣйствительной жизни и съ языкомъ собственнымъ. Юлія и Сен-пре, Клеры и Лордъ Эдуардъ говорящъ языкомъ Жан-Жака: языкомъ смѣлымъ, блистательнымъ, исполненнымъ силы и величія, почти неподражаемымъ, но кошораго одна вишійшвенная красота есть уже несообразность, прошиворѣчащая формъ письменнаго Романа.

Подъ сею формою писемъ Жан-Жакъ выгадалъ для себя право разсуждать о вопросахъ философіи, морали, Религіи и политики. Ему подражала Г-жа Спаль. Дельфина, первое швореніе сей знаменитой женщины, есть, подъ именемъ Романа, распрощраненіе ложнаго правила, будто бы женщины должны повиноваться мнѣнію, а мущины не слушались онаго. Въ ея Романѣ видно лучшее знаніе свѣша, нежели въ Новой Элоизѣ; но въ характерахъ есть болѣе искусственнаго и поддѣльнаго, въ спрашяхъ менѣе истины, въ слогахъ менѣе совершенства, въ нравоученіи нѣчто двусмысленное. Въ немъ дышетъ теплая вѣра въ неограниченное владычество спрашей, и нѣкошорымъ образомъ въ ихъ силу и благородство, что осмавляетъ по себѣ опасныя и вредныя слѣдствія. Благоговѣйное поклоненіе Дельфины и Леонса самимъ себѣ и своему энтузіазму, ихъ лю-

бовъ, ихъ величавость, ихъ стремительность выходящъ на дѣлъ эгоизмомъ чувствительности, прикрытой маскою философіи; кажется, будто они сполнѣ съ колѣнопреклоненіемъ передъ своими собственными спрасками.

Умная и превосходная писательница, о которой говоримъ, не избѣжала пороковъ новой Элоизы; не видно у ней намѣренія пользоваться выгодами Романа въ письмахъ для разнообразія характеровъ; во всей перепискѣ ея героевъ та же монотонія витійственнаго языка спраски. Не смотря на выпренный и лучезарный умъ Ж. Ж. Руссо, не смотря на быструю силу мыслей, знаменующую дарованіе Г-жи Спаль, сіи два романиста уронили, по нашему мнѣнію, славу Романовъ въ письмахъ; ибо въ ихъ Романахъ нѣтъ того драматическаго достоинства, которое происходитъ изъ совершенной истины языка, свойственнаго каждому лицу. Другіе романисты, шествуя по слѣдамъ Жан - Жака, заслужили ту же укоризну въ швореніяхъ, ознаменованныхъ паланшомъ, но въ которыхъ они не держались правилъ Ричардсоновыхъ, необходимыхъ въ родѣ письменнаго Романа.

Таковъ славный Вершеръ, опринушый подъ спарость самимъ Гете, какъ незрѣлый плодъ его пылкой юности. Этошъ Романъ есть, шакъ сказать, монологъ въ письмахъ; въ немъ шакже видна цѣль философическая; шамъ представляема въ жестокой

картинъ ничтожность вещей человѣческихъ, суещность нашихъ спрасней, наконецъ извиненіе самоубійства, внушеннаго опчаяніемъ. Отдавая справедливость превосходному искусству писателя и силъ его мешафизическаго краснорѣчія, согласимся, что Геше не могъ не сожалѣть о семъ злоупотребленіи своего таланта въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ жизни. Для человѣка такъ легко свергнуть узы общежитія подъ видомъ своего превосходства надъ людьми обыкновенными, что не лѣзя безвредно утверждать, будто превосходный человѣкъ имѣетъ право разорвать всѣ связи, и скорѣе отбросить пятно бытія, нежели дѣлать скуку общественнои жизни съ полною въпреную или развратною.

Г-жа Криденеръ, въ Романъ своемъ: *Валеріа*, подражала *страданіямъ Младаго Вертера*; а Г-жа Кошень и нѣкоторыя другія Англійскія писательницы слѣдовали приѣру Ричардсона, до сочинителя *Опасныхъ связей*, котораго, не смотря на дарованіе свое, уступаетъ живописцу Ловеласа, какъ въ искусствѣ, такъ и въ нравовѣ.

Владычеству Романа въ письмахъ положенъ былъ наконецъ предѣлъ, и слава обрашилась на сочинителей Романовъ другаго рода.

Историческій Романъ не новое дѣло въ литературѣ: если бы я хотѣлъ изслѣдовать во всѣхъ его опраслахъ и съ точностію разбирать сей родъ полу-историческій и полу-вымышленный, то могъ бы я дока-

зашь, что Гг-да Верто, Сен-Реаль и Сарразень, писатели - академики; выдумавшіе украшашь дѣйствительные случаи вымышленными, имѣющь несравненно болѣе права на имя шворцевъ историческаго романа, нежели Г-жа Жанлисъ и Валтеръ-Скоттъ.

Но мы, не восходя до колыбели историческаго Романа, рассмотримъ, какія его требованія, какая цѣль и какіе способы въ сочиненіи.

Минувшее пѣвнѣетъ человѣческое воображеніе; въ повѣствованіяхъ о древности есть величіе и движеніе; ихъ простота исполнена красоты. На мысли наши дѣйствуютъ сильно имена историческія. Исторія захватываетъ цѣлыя массы и любопытныя подробности, почерпнутыя въ минувшемъ. Записки и біографіи дополняютъ выпущенное исторіей изъ общаго обозрѣнія народовъ: такое чтеніе заманчиво и наславательно; имъ пользуются Цари и народы, обучающія мудрецы; для всѣхъ она наука, какъ говоришь Монпанъ, *полезна и утѣшна*.

Сочинитель историческаго Романа, предоставляя исторіку все, что есть полезнаго въ его трудахъ, избираетъ для себя все пріятное въ преданіяхъ Исторіи: ему нѣтъ дѣла до правоученія; довольно для него картинъ, пѣвнѣющихъ воображеніе. Изображашь костюмы, описывашь воинскіе наряды, представляшъ фізіономіи вымышленныя, приписывашъ дѣйствительнымъ

лицамъ поступки, рѣчи, движенія и дѣла, копорыхъ не лзя доказашь достовѣрно-
сти, — вошъ его швореніе. Вмѣсто шого
чшобъ возвысишъ исторію до себя, онъ уни-
жаешъ ее до вымысла; ея правдивая Муза
говоришъ у него ложь; и едва можешъ ша-
ланшъ писателя приближись къ истинѣ:
родъ сочиненія лживый, порочный и ко-
шорый, сколько бы ни украшала его гиб-
кость разнообразнѣйшаго дарованія, поль-
зуется одною только славою, и скоро на-
скучишъ прихотливому вкусу моды.

Нѣкоторые писатели создали родъ уче-
наго Романа, въ кошоромъ высказали общіе
и частныя нравы минувшихъ вѣковъ. Та-
ковъ Анахарсисъ, сочиненный Аббаомъ
Бартелемій. Но въ семъ швореніи ученаго
мужа употреблены матеріалы историческіе
и книга его ешъ вѣрное изображеніе обы-
чаевъ и нравовъ древняго народа. Когда на-
прошивъ шого Г-жа Жанлисъ, наскучивъ пи-
сашъ сказочки для обученія дѣтей Физикъ и
Химіи, вздумала передавать чашателямъ
зрѣлаго возраста дѣла и мысли Государей
въ историческихъ романахъ, шо лишне-
рапурная кришика и здравый смыслъ воз-
спали на догадки, введенныя авторомъ-жен-
щиной въ обласъ исторіи. Опъ нее шре-
бовали лучшихъ доказательствъ предположе-
нія, будшо бы непостоянный любовникъ дѣ-
вицы Лавальеръ имѣлъ въ любви нѣжную
разборчивость; и будшо бы Лудовикъ XIII,
сей холодный и слабый Монархъ, пишаль
въ душѣ романическій пламень. Разсудитель-

ные люди объявили себя противниками сего преображенія историческихъ лицъ, а присоединившаяся къ тому слабость кисти и колориста въ сочинительницѣ обезславляла еще болѣе сей родъ сочиненія.

Явился писатель, болѣе оплачивающійся ученостію, нежели силою мысли; свѣдущій въ древностяхъ Шотландіи, своего отечества; прозаикъ правильный и поэтъ щеголеватый; одаренный чудесною памятью и великимъ искусствомъ живописывать воспоминанія минувшихъ временъ; чуждый за то философіи и никогда не подвергающій дѣла и лица суду нравственности. Выпустивъ въ свѣтъ нѣсколько стихотвореній блистательныхъ, но лишенныхъ глубокомыслия и силы психической, онъ вздумалъ предсавить, подъ видомъ повѣсти, сказанія отечественной древности, которая была предметомъ его изученія; живописалъ нравы дикой страны и удивилъ новостію обычаевъ, нарѣчій, мѣстъ, суевѣрій и одежды потомковъ древнихъ Цельсовъ. Давно наскучили намъ чувствительные романы. Какъ рады мы были дышать горнымъ воздухомъ, и смотрѣть, какъ изъ шума, спелющагося въ долину, выказывались верхи утесистыхъ скалъ пустынной природы. Упомяненіе просвѣщенныхъ народовъ обрѣтало въ сихъ простыхъ и дикихъ картинахъ нѣчто ошрадное и живительное для ихъ слабости. Чѣмъ болѣе накаплились въ повѣствованіи автора изображенія невѣдомыхъ до того обычаевъ и мѣстъ, но засвидѣтельствова-

ныхъ путешественниками и сохраненныхъ преданіемъ, шѣмъ болѣе, увлекаясь ново-стию, пѣнялись умы чтеніемъ многочисленныхъ произведеній Валпера - Скопша. Принимая съ какимъ-то бѣщенствомъ шворенія Шотландскаго Баронета, Европа, съ ея нравами изнѣженными, роскошными, вѣшренными, какъ бы воздавала невольнo по-чтеніе радушной величавости нравовъ ди-каго народа.

Даръ изобрѣшашъ идеальныя существа, облачашъ ихъ въ красоту небесную, сооб-щашъ имъ жизнь сверхчеловѣческую (*super-humaine*) — эшотъ шворческій даръ, принад-лежащій великимъ поэтамъ, не былъ ни-когда удѣломъ Валпера-Скопша. Онъ писалъ подѣ сказаніемъ своей памяти; и роясь без-прешанно въ пыльныхъ архивахъ, извле-калъ изъ нихъ достойное любопытства и удивленія. Онъ избиралъ періоды или эпо-хи, слегка опирался на Исторію, и выда-валъ шомы за шомами. Имѣя даръ оживляшъ для насъ карпины минувшихъ вѣковъ, во всѣхъ ихъ подробностяхъ, Валперъ-Скопшъ не заботился ни о сочиненіи плана, ни о выборѣ героя для своего шворенія. Почши всѣ его романы состояшъ въ счас-ливомъ изложеніи подробностей; но у не-го на первой линіи стояшъ лица, не воз-буждающія учасія; за-ними, на вшорой, являющія шѣ, копорыя рисовалъ онъ и, шакъ сказать, ласкалъ преимущественно передѣ другими. Въ его картинахъ видны вкусъ и шочность Фламанскихъ живопис-

цевъ, и два главные порока: одинъ шощъ, что онъ называющся *историческими*; а другой, что нѣтъ въ нихъ порядка, правильности и философіи, и что онъ представляющъ вмѣсто полнаго и совершеннаго творенія смѣшеніе набросанныхъ на удачу предметовъ, хотя списанныхъ съ вѣрностію плѣнительною.

Этотъ Романъ новаго рода опредѣляется именемъ Историческаго: опредѣленіе нешочное и недоспашочное, какъ и многія новыя слова, обличающія скудость языка нашего. Романъ естъ вымыселъ; а всякій вымыселъ — ложъ. Позволимъ ли себѣ назвашъ *исторической ложью* книги Англійскаго Романиста? Нѣтъ. Это было бы оскорбительно и несправедливо. Его оригинальныя повѣспованія заслуживающъ похвалу во многихъ ошношеніяхъ; но его не лзя поставитъ на ряду съ Тацитами, Макиавелями, Вольперами и Юмами. Всякій собиращель анекдотовъ имѣешъ болѣе права на имя историка, а ему принадлежшъ шолько слава шого искусства и успѣха, съ которыми онъ пользовался сокровищами сухой науки, матеріалами древнихъ рукописей и одкрышіями изыскашелей древностей.

Движеніе, пріятность, жизнь, украшающія повѣспованія Валшера-Скопша, явленія минувшихъ временъ, жесткость, а иногда и неопытность разсказа, но всегда соощвѣшшвеннаго избранной имъ эпохъ,

разнообразіе чудныхъ лицъ, въ которыхъ дышашъ своеправіе природы и дикость глухой древности, несообразность въ цѣломъ и мѣлая точность въ подробностяхъ, пріохотили Европу къ чтенію Валшерь-Скоштовыхъ Романовъ, которые нынѣ сдѣлались народными. Произведенныя ими впечатлѣнія такъ дѣйствовали на умы, что общее ослѣпленіе не замѣчало даже пороковъ. Такъ у насъ воображеніе далеко отъ нынѣшнихъ обществъ гражданскихъ! Творенія Валшера-Скошпа нанесли рѣшительный ударъ Ричардсоновымъ Романами. Какъ блѣдны казались картины общественныхъ нравовъ передъ нравами горныхъ жителей и новыхъ Сивиллъ, которыя говорятъ и дѣйствуютъ въ повѣствованіяхъ Шотландскаго Романиста! Не такъ ли человѣкъ, приступившій чувства свои употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, оптакиваетъ съ отвращеніемъ другое здоровое пишіе, которое нѣкогда утоляло его жажду?

В. Измайловъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Спасская Полиця.

(Станція 5.)

Мы выѣхали изъ Чудова въ 9 часовъ вечера; хотя я былъ въ теплой шинели и въ курш-

къ на бѣличьемъ мѣху, но понималъ тогда, что слова фабриканта были справедливы. Къ несчастію моему, ловкій Архитекторъ, помѣщаясь на свое мѣсто, еще въ Чудовѣ разбилъ стекло кареты; въперъ дулъ мнѣ съ лѣвой стороны и я начиналъ уже чувствовашъ ознобъ въ плечѣ. — Поднимише жалюзи! сказалъ Нѣмецъ: я ей Богу не соберу зубовъ моихъ. — Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ въ одномъ холодномъ серпукѣ и дрожалъ, какъ осиновый листъ подлѣ вѣтвей непоколебимаго дуба. Архитекторъ завернулся въ еношъ и, казалось, не чувствовалъ ничего земнаго; луна медленно перебѣгала изъ одной тучи въ другую, и наконецъ волны облаковъ заили ея сіяніе. — Я поднималъ полосатое жалюзи; въ каретѣ сдѣлалось еще темнѣе; Нѣмецъ мой успокоился, задремалъ и скоро, какъ иностранецъ и Архитекторъ, вкусилъ сладкій сонъ. — Если шруды и безпокойства отягощительны для человека, то тихой, крѣпкой сонъ, обновляя силы, исцѣляетъ всѣ его земныя горести; никто лучше поселянъ и путешественниковъ не испытываетъ его благотворнаго вліянія.

Между тѣмъ, какъ я размышлялъ, луна выкапилась изъ облаковъ и ярко освѣтила нашу карету: широкое лице архитектора было сумрачно; казалось, что мысли утомленнаго были погружены въ прошедшее и воспоминанія изображали предметы, горестныя для его сердца; можешь, онъ мечталъ о будущемъ, и оно терзало его душу;

подлѣ него сидѣлъ блѣдный иностранецъ; слабая голова его упала на грудь при каждомъ толчкѣ карешы, какъ стебель полевого цвѣтка, когда вѣтеръ преклоняетъ его на всѣ стороны. Нѣмецъ занималъ прешіе мѣсто. Онъ склонился на мое плечо; мнѣ жаль было разбудить его; но голова, опоготченная и рокомъ и спихами, была нестерпимо подновѣсна. Позади карешы сидѣлъ историкъ съ комисіонеромъ; впереди кондукторъ и при немъ фабрикантъ въ бѣлой волчьей шубѣ; извозикъ сидѣлъ ниже ихъ, на козлахъ, и погоня лошадей, цѣрѣдка перерывалъ наше безмолвіе.

Такъ, думалъ я, судьба соединяетъ разные народы на земномъ шарѣ, какъ случай соединилъ насъ всѣхъ въ этомъ дилижансѣ: мы всѣ спремимся къ одной цѣли, но у каждаго изъ насъ свои намѣренія, свои надежды: мы ищемъ благополучія, счастья, богатства, но можешь быть послѣдній изъ насъ пріобрѣнешъ его черезъ низоспи и пороки, а достойнѣйшій останется въ угнетеніи и бѣдности. Не все дѣлается такъ, какъ надобно; не всегда дарованіе прокладывало путь къ славѣ, и слава не всегда была украшеніемъ душъ истинно, высокихъ; часно умъ скрывается отъ глазъ, какъ дальнѣйшія яркія звѣзды отъ обыкновенныхъ телескоповъ Аспронома: можешь быть, этошъ историкъ, которому такъ удивляется Архитекторъ, ничего болѣе, какъ архивъ памяти и, подобно гордому Нѣмцу, обязанъ своимъ умомъ — уму шрудо-

любивыхъ писателей. Люди умѣютъ жить на чужой счетъ, но понятія ихъ не прогрессируютъ далѣе правилъ, предписанныхъ давностію, или предками: шакъ дѣши смощряшъ въ калейдоскопъ и думаютъ, что уже не лѣзя ничего прибавишь къ тѣмъ фигурамъ, которыя они видѣли въ спеклахъ законодательной прубки. . . Съ мечтою о Гомерѣ и Мильтонѣ, о Колумбѣ и Бонапартѣ я задремалъ, подобно моимъ поварищамъ, и уже проснулся, когда ошворили намъ дверцы кареты на станціи Спаской Полиспи. — Здѣсь мы нѣсколько закусили, иные даже выпили водки, и садясь въ дилижансъ, условились не выходить изъ него до Новгорода.

РАХИНО.

(Станція 11.)

Тѣу пропашъ! сказалъ Архитекторъ, выходя изъ кареты въ Рахинъ: эта несносная дорога закачала меня совершенно; я лучше найму почтовыхъ до Зимогорья и тамъ отдохну, ожидая утомительнаго дилижанса. — Да, отвѣчалъ Кондукторъ, если вы поѣдете въ саняхъ, то много выиграете противъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно уснете подлѣ Валдайскихъ баранокъ. Тѣмъ временемъ, какъ проводникъ веселился на счетъ дороднаго Вепрувія, мы вошли въ шракширъ; тамъ какой-то проѣзжій старецъ пилъ кофе подлѣ молодой красавицы:

черныя, густыя рѣсницы, какъ облако, прикрывающее яркое сіяніе солнечнаго огня, придавали много пріятности ея красотѣ и невинности; нарядъ простой, но станъ легкій и возвышенный, изображали богиню радости, когда она лилейною рукою наливаєтъ сладостный Нектаръ въ фіалъ безсмертнаго Юпитера. Незнакомка подавала чашку кофе своему отцу или дѣду, и онъ, казалось, молодѣлъ при каждомъ ея взглядѣ; ешо напоминало мнѣ Душеньку, когда она стояла передъ очами дряхлаго Сатурна. Мы также спросили кофе, другіе пошребовали чаю, и сидя, почти за общимъ столомъ, начали разговаривать о дорогѣ. Признаюсь, Г. Архитекторъ, сказалъ Нѣмецъ, я самъ не менѣе васъ готовъ жаловаться на дурную дорогу. Но что вы скажете, когда поѣдемъ далѣе — возразилъ Кондукторъ: прошивъ шой, ешо еще скапершь. Что же дѣлать Г-да., сказалъ фабрикантъ, ничто не пріобрѣтается безъ труда и неудовольствія. — Ваша правда! — подхватилъ Историкъ: Англичане много шрудились надъ дорогами и пошому ихъ скаперши далеко лучше нашихъ. На все надо время, сказалъ Коммисіонеръ: мы видимъ, что и у насъ отъ обихъ столицъ дѣлають прекрасное шоссе. Конечно, сказалъ я, на это надо имѣть большое терпѣніе; со временемъ Государство много выиграетъ отъ усовершенныхъ дорогъ. Въ нашъ вѣкъ изобрѣшеній и проэктовъ, я готовъ предложить, чтобы большую часть войска нашего заняли от-

дѣлкою дорогъ и мостовъ. — Но кто же будетъ защищать насъ? спросилъ фабрикантъ: они разучатся воевать. И будущъ войска Пешра передъ арміею Карла, съ усмѣшкою прибавилъ Нѣмецъ. И покажутъ свѣшу новую Полшаву или Бородино, сказалъ я, переломивъ сухарь на мѣлкія части. Да, возразилъ Историкъ, ошкровенность чаще бываетъ не у мѣсца, и пошому, не касаясь личности, я хочу сказать, что Римляне необыкновенно прудились во всякомъ случаѣ. Тогдашнія дороги и водопроводы ошались навсегда памяшникомъ невѣрояшной дѣяшельности ихъ ратниковъ; но между шѣмъ ихъ походы и завоеванія не показали нигдѣ, чтобъ они разучились владѣть оружіемъ, когда шого требовали польза и слава ихъ безсмершнаго ошечесства. Нынѣшнія войны, сказалъ Нѣмецъ, основаны болѣе на хипрости, чѣмъ на силѣ. — Согласенъ, ошвѣчалъ я; но полководца образуютъ науки и обстояшельства; ошъ его умныхъ соображеній зависить успѣхъ войны: дѣла Фридерика Великаго, я думаю, вамъ извѣсны болѣе, чѣмъ мнѣ. — Послѣднія слова, кажешся, вдвойнѣ понравились самолюбію моего прошивника. Подавая мнѣ свою руку, Нѣмецъ сказалъ, что, бывши на мѣстѣ Фридерика, онъ бы произвелъ меня въ Генералы; я въ свою очередь, ошблагодаривъ его оширошою, очень былъ доволенъ, что милая незнакомка удостомила меня шогда нѣжнымъ взглядомъ. Вѣрояшно ошотъ нѣжный взглядъ происходилъ болѣе ошъ при-

вычки, нежели опъ чувствва какой нибудь признапельности; однако въ то время онъ польстиль моему самолюбію, и я былъ награжденъ имъ болѣе, чѣмъ принужденною похвалою холоднаго Нѣмца. Незнакомый спарецъ, слыша наше разсужденіе, также вмѣшался въ разговоръ. Изъ почтенія къ его сѣдинѣ, я не противорѣчилъ догадкамъ старика, и готовъ былъ согласиться съ нимъ прежде, нежели онъ обнаруживалъ свои мысли: такъ сильно дѣйствуютъ иногда невидимыя впечатлѣнія на сердце человека.

Спарикъ жаловался на дурную дорогу и говорилъ, что его племянницѣ хочется ночевать въ Яжельбицахъ. Спарикъ сожалѣлъ, что поврежденную его карету не скоро привезутъ изъ кузницы, но ѣхавъ ночью по такой дорогѣ онъ очень опасался. Архитекторъ, слушая мастишаго незнакомца, казалось, съ охотою бы предложилъ ему свое мѣсто, но онъ не могъ пригласить туда же и милую его племянницу. — Въ это время я стоялъ съ Нѣмцомъ въ другомъ углу комнаы, и сердечно радуясь нечаянному случаю, просилъ его ѣхавъ съ Архитекторомъ. — Нѣмецъ поспѣвъ подошелъ къ спарику и учтиво предложилъ ему занять два мѣста въ дилижансѣ. — Намъ очень пріятно, сказалъ я ему, и если вамъ будетъ угодно посадить кого нибудь изъ вашихъ, я съ охотою уступаю свое мѣсто. — Спарикъ, тронутый нашимъ предложеніемъ, согласился ѣхавъ въ каретѣ, но просилъ меня оспариться съ нимъ: слуга и

горничная, прибавилъ онъ, подъѣдушъ къ намъ, а мы ночуемъ и опдохнемъ въ Яжельбицахъ. — Вамъ будетъ покойно, сказалъ услужливый Кондукторъ; я надѣюсь, что мы недолго будемъ въ дорогъ.

Лиза! ожидала ли ты такого приключенія? прибавилъ шарикъ, поцѣловавъ руку своей племянницы. — Нѣтъ, дядюшка, опшвѣчала милая незнакомка; но я говорила, что мы ночуемъ въ Яжельбицахъ, и мы сдержимъ наше слово. — Благодаря господъ, опшвѣчалъ шарикъ, относясь къ Нѣмцу и Архипектору, которые въ этой комедіи играли пресмѣшныя роли. —

Между тѣмъ тройка ждала у подъѣзда; Архипекторъ и Нѣмецъ сѣли въ почтовые сани; ихъ колокольчикъ зазвенѣлъ до Зимогорья. Карета наша почти была готова и мы скоро послѣдовали ихъ примѣру: шарый помѣщикъ взялъ съ собою подушку, иностранецъ несъ ихъ узелки. Я посадилъ миленькую племянницу въ карету; за нею послѣдовалъ дряхлый Сатурнъ; пассажиры, стоя подлѣ кареты, украдкою улыбались нашей сценѣ; иностранецъ захопнулъ дверцу; скоро Кондукторъ закричалъ: пошелъ! и мы поѣхали скорѣе обыкновеннаго.

ХОТИЛОВО.

(Станція 15.)

Мы вышли изъ кареты и толпа нищихъ, по обыкновенію, обступила пассажировъ.

Г. Офицеръ! пожертвуйте имъ баранками краснаго сарафана, сказалъ мнѣ фабрикантъ улыбаясь. Очень радъ, отвѣчалъ я, и отдалъ связку ребятамъ. Нупецъ тотчасъ вынулъ свой кошелекъ, и одѣлая шарухъ и шариковъ, приговаривалъ: молись, друзья, за прегрѣшенія Г. Офицера. Прекрасно! воскликнулъ я, вошъ истинно по нашему! Рускіе всегда ошличались чувствительностію и добродушіемъ. Не всегда! подхватилъ Коммисіонеръ, неся свои баранки. — Несчастіе перемѣняетъ людей, сказалъ Архитекторъ, и мы видимъ примѣръ этому послѣ приключенія въ Зайцевъ. Фабрикантъ улыбнулся. Скоро мы вошли въ шпакширъ.

Ба! ато Мевій Русскаго Парнасса, сказалъ я, увидавъ на стѣнѣ портретъ одного изъ ошечественныхъ писателей, копорый напомнилъ мнѣ басню: Стихотворецъ и чортъ, шакъ хорошо написанную А. Измайловымъ. — Нѣмецъ вынулъ карандашъ и на стѣнѣ начертилъ Нѣмецкую эпиграмму; онъ перевелъ ее; пассажиры смѣялись ошъ всей души. — Но историкъ не понравился аши насмѣшки; полноше, Господа! сказалъ онъ, и безъ того довольно ломали его шарья кости; пора, какъ Третьяковскаго, его ошавившъ въ покоѣ. — Почему же вы равняете его съ Третьяковскимъ? Нашъ Пиндаръ ошжидаетъ суда попомощва, отвѣчалъ я; вы знаете, что Мильшонъ сдѣался славень, спо лѣтъ спустя послѣ своей смерти. — Не знаю, но вѣрю, отвѣчалъ Ис-

шорикъ; автору позволительно ожидать безсмертія, и считаешь себя мудрецомъ въ уединеніи своего кабинета. Я не желаю безсмертія, подхватилъ Коммисіонеръ, но очень желаю закусить чего нибудь: на послѣдней станціи нашъ обѣдъ былъ такъ дуренъ, что я почти ничего не ѣлъ. Правда, что дуренъ, сказалъ Нѣмецъ, при томъ же въ нашемъ путешествіи все дѣлается такъ не во время, что разстроиваетъ здоровье. Не мое по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Кондукторъ; я гошю ѣсть и пью во всякое время и никогда отъ эшаго не буду боленъ. Вошь что значить, подхватилъ Историкъ, не наблюдать правилъ діететики. Правда, сказалъ Архитекторъ, что Доктора часто расслабляютъ насъ болѣе самой болѣзни: я видѣлъ этому множество примѣровъ, а особливо у насъ въ Москвѣ. Мнѣ кажется, что исторія докторовъ, сказалъ я, можешь служить продолженіемъ исторіи кармановъ. Г. Булгаринъ могъ бы вывести изъ нее прелюбопытное заключеніе о богатствѣ и просвѣщеніи, такъ называемаго у насъ, лучшаго шона людей. — Я поспѣшилъ эту мысль записать въ мою книгу; въ это время нашимъ гаспрономамъ подали дорожный полдникъ. — Историкъ, замѣтивъ, что я скоро оставилъ ихъ общество, спросилъ, что я дѣлалъ въ другой комнатѣ?

Записалъ нѣкоторыя мысли, отвѣчалъ я. Вы часто открываете дорожную книгу, прибавилъ онъ; не лѣзяли видѣть ва-

шихъ замѣчаній? — Вы не найдете въ нихъ ничего любопытнаго для себя: опъѣзжая изъ Пешербурга, я далъ слово одной дамѣ описать путешествіе въ дилижансѣ и представилъ ей маленькой ошчешъ, или, вѣрнѣе, капалогъ станцій, завпраковъ и обѣдовъ; она посмѣется надъ лѣнивымъ перомъ моимъ; поклонникъ ея прелесшей можете быть блеснешъ при етомъ случаѣ остроуміемъ Французскаго ума; другой чичисбей замѣшитъ грамматическія ошибки; а всѣ вмѣстѣ проведутъ нѣсколько веселыхъ минутъ на мой счетъ, и какъ обыкновенно: посмѣются надъ ошсущствующимъ. — Все это очень забавно, сказалъ дородный Вешрувій. Однако я буду остороженъ, иначе попаду въ такой лабешъ, что Московскаго Архитектора въ Пешербургъ назовутъ Мипрофаномъ. — Вы обижаете меня; я ничего не беру въ худую сторону, и, кажется, до сихъ поръ не далъ вамъ повода дѣлать такія догадки. Замѣчанія мои не могутъ быть обидны; но чтобы доказатьъ вамъ справедливость моихъ писемъ, я прочту то самое, которое окончилъ за нѣсколько минутъ: вы увидите, прибавилъ ли я хоть одно слово. — Между нами не было ни одного medicines professores, я вынулъ книгу и въ слухъ прочиталъ мое письмо: всѣ пассажиры, кромѣ Коммисіонера, были мною довольны. Почему же вы называете меня Испорикомъ? спросилъ пассажиръ въ зеленомъ сюртукѣ. Потому, что Г. Архитекторъ еще въ Ижорѣ удостоилъ васъ ешимъ названіемъ. Пассажиръ улыбнулъ

ся и покачалъ головою. Не отдадите ли вы письма ваши въ печать? спросилъ меня комисіонеръ. — Почему же, ошвѣчалъ Историкъ; если онѣ выдутъ въ свѣтъ. — рецензенты вѣрно будутъ вамъ благодарны. — Не понявъ его насмѣшки, я ошвѣчалъ, что они хвалятъ только своихъ, а я, слава Богу, не принадлежу ни къ одной сектѣ. — Не боитесь ли вы колкосшей и насмѣшекъ? спросилъ меня Архитекторъ. Нѣтъ, ошвѣчалъ я; всѣ дѣльныя замѣчанія приму съ охотою: я люблю научаться отъ опытныхъ и умныхъ людей, но, равнодушный къ похвалѣ и кришикъ журнальной, я хочу, чтобы мои письма лежали на туалетѣ моей красавицы, или, въ папильошкахъ, обнимали бы иногда ея черные локоны. — Историкъ смѣялся надъ моимъ самолюбіемъ, Нѣмецъ радостно попиралъ свои руки, фабрикантъ намѣнялъ нѣсколько грошей; чтобы раздать ихъ бѣднымъ, Архитекторъ былъ осторожнѣе въ разговорахъ, а Кондукторъ учтиво спросилъ у меня: Не пора ли намъ ѣхать? Одинъ Коммисіонеръ, кажется, былъ недоволенъ; однако, скушавъ послѣдній кусокъ сыра, онъ вынесъ бѣлый хлѣбъ и раздѣлилъ его бѣднымъ. Мы весело выѣхали изъ Хопилова и дорогою разговаривали о Русскихъ журналахъ. . .

ЗАВИДОВО.

(Станція 22.)

Знаете ли, сказалъ мнѣ Коммисіонеръ, какую новость услыхалъ я отъ моей сосѣд-

ки? Эша Француженка презабавная и расскажешь вамъ множество анекдотовъ. На примѣръ, она объявила мнѣ, какъ водились, по секрету, что госпожа, у которой она жила гувернанкою, нанимала въ Москвѣ домъ недалеко отъ нашего фабриканша; между тѣмъ, какъ онъ жилъ по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ, жена его, молодая, прекрасная женщина, влюбилась въ одного уланскаго офицера. Тотъ увезъ купчиху и обвинчался; говоря, что она не забыла взять съ собою брилліанты, а милый Ловеласъ помогъ ей выпасишь сундукъ, въ которомъ, какъ сказала Француженка, хранился капиталъ ея зажиточнаго мужа. О! это безподобно! — Но скажите, какъ же ей выдти за мужъ отъ живаго мужа? Тотъ же вопросъ и я сдѣлалъ моей рассказщицѣ; но она отвѣчала, что въ нашемъ мѣрѣ это часто бываетъ; припомъ же, сказала она, фабрикантъ раскольникъ, у нихъ женятся безъ вѣнца, а Г. офицеръ посѣдовалъ правилами Греко-Россійской церкви: и такъ вы видите, что онъ имѣетъ полное право на ея руку. Послѣ этого она прибавила анекдотъ забавнѣе прежняго. — Между тѣмъ, какъ мы разговаривали въ одномъ углу, протѣ за кофеемъ и чаемъ глотая побочный дымъ, шумѣли въ другомъ, прозвенѣлъ колокольчикъ и замолкнулъ; коляска ошпановилась у крыльца пракшира . . . Скорѣе запрегайте лошадей, раздалось за дверями; двери ошворились: ба! Радинь! . . . N! . . . воскликнули мы почти вмѣстѣ и кинулись обнимать другъ

друга; скажи, какимъ образомъ ты очутился въ ешомъ чаду? спросилъ онъ меня, посмапривая на пассажировъ. — Вышелъ въ општравку и пенерь їду къ роднымъ, опвѣчалъ я, пожимая его руку. — Но скажи, какъ кончились твои дѣла? — Какъ не лѣзя лучше, мой другъ! опвѣчалъ Радинъ: меня ввели во владѣніе имѣніемъ покойной моей мапери, а сто тысячъ, досщавшіяся мнѣ по завѣщанію дяди, почши всѣ ухнули въ бѣлокамѣнной Сшполіцѣ. Я игралъ, веселился: — вошь тебѣ моя исторія. — Надобно не имѣшь ничего, прибавилъ онъ, и пошомъ получить груды ассигнацій, чшобы узнать людей! — Повѣришь ли, чшо въ теашрахъ и собраніяхъ многіе ашеристы ухаживали за мною какъ обѣднявшіе женихи, а въ домахъ шепушки и мапушки мучили меня своими ласками; къ ешому прибавъ, чшо изученные вздохи и глазки ихъ блѣдныхъ, красныхъ, желшыхъ дочекъ, какъ будшо невольнo, опличали меня опъ другихъ; я спарался показашъ, чшо вниманіе ихъ предпочишаю всему на свѣшѣ, и между шѣмъ за рюмкою вина или за сшасшливой двойкою смѣялся ихъ манѣврамъ. — О денъги! денъги! чшо вы дѣлаете въ ешомъ мірѣ! сказалъ я. — Все! опвѣчалъ Радинъ, а особливо въ наше безденежное время; повѣришь ли, мой другъ, чшо въ самыхъ лучшихъ общесшвахъ мнѣ удавалось на самомъ дѣлѣ разигрывать Донъ-Жуана. Радинъ не хотѣлъ, чшобъ его разумѣли пассажиры, или, подражая общей модѣ, говорилъ со мною по Фран-

цузски; хотя пріятель мой любилъ прихвастнушь, какъ многіе изъ молодыхъ людей, а особливо изъ офицеровъ, но я довольно зналъ его любовныхъ похощеній и ни на что не удивлялся, что молодой, богатый наследникъ, опущенный на годъ за ремоншомъ, везетъ въ Петербургъ огромный ремоншъ любовныхъ приключеній и карточныхъ проказъ. Онъ былъ недурень и богатъ, носилъ шпоры и усы, а вы знаете, что мундиръ и деньги могутъ производить большія чудеса въ маскарадъ нашей жизни!

Какъ храбрый кавалеристъ нашихъ временъ, онъ любилъ разговаривать о лошадяхъ и подобно Англійскому Лорду, гошовъ былъ цѣлый день просидѣть въ своей теплой конюшнѣ; мнѣ даже казалось иногда, что онъ своихъ верховыхъ лошадей (спыжусь сказать) любилъ болѣе женщинъ.

Назалось, что Москва охладила въ Радинѣ ешу спранныю привязанность, или онъ почипалъ меня невѣждою, который не видалъ въ глаза даже конскаго лѣчебника; какъ бы то ни было, но только Радинъ ни слова не говорилъ со мной о ремоншѣ; вмѣсто того рассказывалъ о карточной игрѣ, о любовныхъ приключеніяхъ и между прочимъ упомянулъ, какъ онъ для своего товарища увезъ одну молодую купчиху. Это извѣстіе было очень недалеко отъ того, о которомъ съ полчаса тому назадъ рассказывалъ мнѣ Коммисіонеръ. Знаете

ли, сказалъ я Радину, что мужъ этой купчихи ѣдетъ со мною въ дилижансъ и сидишь жецерь позади себя? — Ты шутишь! И шакъ я объясню ему все дѣло! воскликнулъ Радинъ, оборотясь къ фабриканшу, которой въ это время покойно выпивалъ десяшую чашку чаю. Оставъ его въ покоѣ, Радинъ; что тебѣ хочется заводишь исторію. — Какую исторію? опивчалъ Радинъ: онъ бородачъ и долженъ сносить все терпѣливо; съ этимъ словомъ Радинъ спросилъ у фабриканша, онъ ли купецъ шакой-то? — Точно шакъ, учтиво опивчалъ фабриканшъ, приклонивъ нѣсколько голову, для изъясненія готовности къ его услугамъ. — Г. Н., сказалъ Радинъ, указывая на меня, дославилъ мнѣ случай увидѣшь шакого человека, въ которомъ я принимаю живѣйшее участіе. До сихъ поръ фабриканшъ слушалъ Радина, не забывая своего чая; но когда тошъ сказалъ ему; *васъ постигло несчастье: вы лишились супруги!* бѣдный купецъ вышаращилъ глаза, и помолчавши нѣсколько, спросилъ: что это значить? какъ онъ это знаетъ? Я это знаю по слухамъ и, наклонясь къ фабриканшу, прошепталъ ему что-то на ухо. — Не можете бытъ! воскликнулъ фабриканшъ поропливо. Г. Офицеръ! вамъ угодно надо мною шутишь; но за чѣмъ обижать мою жену? — Совсѣмъ нѣтъ, Г. фабриканшъ, возразилъ я; въ удостовѣреніе попросите нашу компаніонку, и она подшвердитъ вамъ слова Радина. Тутъ мы убѣдили спарую

Француженку повторить все, что она говорила Коммисіонеру, и несчастный фабрикантъ не сомнѣвался болѣе въ своей горестной судьбѣ; онъ ударилъ себя рукою по лбу такъ сильно, какъ будто хотѣлъ разбить въ дребезги всю свою торговую голову: пассажиры смотрѣли на него съ изумленіемъ и участіемъ. Онъ задумался; потомъ вскочилъ и просилъ Кондуктора выхлопотать ему пройку почтовыхъ лошадей хотя бы за пятерные прогоны. — Но васъ не пропускаютъ у засавы, сказалъ Коммисіонеръ. — Я пройду пѣшкомъ, а тамъ возьму извозчика, или тѣхъ же почтовыхъ . . . — И пріѣдете въ пустой домъ, продолжалъ Радинъ. Фабрикантъ не ошевѣчалъ ни слова; онъ пошелъ съ Кондукторомъ къ дилижансу, тамъ взял свой чемоданъ и не возвращался къ намъ болѣе. Лошади и намъ и Радину были готовы; мы пожелали другъ другу успѣховъ и потѣхали въ разные стороны. Ну, думаю я, Русскіе любятъ подражать: скоро испанешъ вѣкъ похищеній! Добродушныя машушки! берегите богатыхъ дочекъ; преспарылые мужья! рѣже ѣздите въ Англійскій клубъ, сидите подлѣ молодыхъ женъ вашихъ; и вы, жены и дѣвицы! — но пора ѣхать въ пущь опыскивать въ Москвѣ Амоновы рога.

З — Р.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ ПЕВЕРИЛЯ, ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА СИРА ВАЛТЕРА СНОТТА.

ГЛАВА VI.

(Изъ 4 й Части.)

(Молодой Певериль убилъ на поединкѣ одного забіяку: его взяли, допросили и отправили въ тюрьму.)

Карета остано­вилась предъ страшными врагами Невгаша, подобными адскимъ, съ шою разницею, что изъ первыхъ возвращались къ жизни нѣсколько чаще, чѣмъ изъ послѣднихъ, хотя не съ меньшими хлопотами подвиговъ Геркулесовыхъ.

Юліанъ вышелъ, поддерживаемый съ величайшею заботливостію своими прово­жатыми, къ копорымъ, при первомъ звонѣ большаго колокола, висящаго у наружныхъ дверей, прибѣжали на помощь два или три привратника. Такое вниманіе было внушено не учтивостію, но опасеніемъ побѣга, о копоромъ Юліанъ и не помышлялъ. Толпа школьниковъ и уличныхъ бродягъ, встрѣчающихъ всегда привозимыхъ въ Невгашъ мнимыхъ заговорщиковъ — Паписловъ, состоящая вся изъ ревностныхъ про­тестантовъ, привѣтствовала его шумными криками: о! о! Паписъ, еще Паписъ! къ чорту Папу и всѣхъ его сообщниковъ!

При такихъ-то злобныхъ восклицаніяхъ вошелъ Певериль подъ мрачные своды, куда вступая, столько людей простились съ честію и жизнью. Темный переходъ вывелъ его на

внутренний, обширный дворъ, гдѣ множество заключенныхъ за долги забавлялись въ мячъ, кости и другія игры, для кошорыхъ заимодавцы давали имъ полную свободу, опнивая всѣ средства честными трудами уплачивать долги и содержать семейства, просіяя милосшыню и умирающія съ голоду.

Юліана повели, или понащили далѣе. Низкая, крѣпкая дверь, залoженная желѣзными запорами и запершая замками, отворилась для его принятія и въ ту же мину щщательно заперлась за нимъ. Его снова повлекли по разнымъ щѣднымъ переходамъ, пересѣкающимъ другъ друга; на всѣхъ перекресткахъ ихъ были двери желѣзные, или дубовыя, обшитыя желѣзными полосами и гвоздями съ широкими головками. Юліану наконецъ позволили остановишься въ круглой комнащѣ съ низкими сводами, куда стекалось множество корридоровъ подобно центру паутины, къ кошорому сходящся всѣ главныя нищи щкани искуснаго насѣкомаго.

Сходство еще увеличивалось щѣмъ, что овалныя спѣсны комнащы были убраны щесаками, ружьями, пщшолешами и полнымъ собраніемъ, въ порядкѣ разложеннымъ, всѣхъ родовъ щѣпей, оковъ и кандаловъ, посреди кошорыхъ сидѣло что-то, совершенно похожее на толстаго паука, гошоваго бросающагося на добычу, попавшую въ его щѣщи.

Эта важная особа былъ человекъ съ природы здоровый и высокой, но опъ излишества нищи и недоспашка движенія

онъ разтолстѣлъ неимоверно и сполько же походилъ на прежняго себя какъ раскормленный для бойни волъ походишь на дикаго поджараго быка. Ничего нѣтъ ошвращшелнѣе, какъ видѣшь на лицѣ здороваго толстняка печать злодѣйскаго ремесла — спокойнаго звѣрства. Видишь съ досадою несправедливостъ общей пословицы, что злое сердце сушитъ человѣка; и весельчакъ можешь быть иногда взбѣшенъ, но проотивно природѣ, чтобъ любитель роскошнаго спола былъ мраченъ и свирѣпъ. — Взглядъ на эшаго человѣка, его широкое блѣдное лицо, густыя сросшшися брови, его неспройные раздушые члены, огромнѣйшее брюхо, все вмѣстѣ раждало мысль, что эшо чудовище, попавши сюда разъ, уже назадъ никогда выйши не можешь. Подлѣ него лежали толстыя книги съ желѣзными заспешками: списки обипашелей эшаго царства бѣдшвѣй, котораго онъ былъ первымъ министромъ. Во всякое другое время Певериль содрогнулся бы, помысливъ, какая громада злодѣйства и злосчасшй заключается въ сихъ огромныхъ книгахъ; но собственное положеніе заглушало въ немъ мысли о человѣчествѣ вообще.

Констапель, отдавъ главному шюрешнику предписаніе о заключеніи Певериля, говорилъ съ нимъ нѣсколько времени пошпхоньку, не сполько словами, какъ взглядами и знаками; эша мрачная таиншвенность всегда наводишь новый ужасъ на заключаемаго.

Юліанъ слышалъ только нѣсколько словъ , сказанныхъ шюремщикомъ , или , какъ тогда называли , шюремнымъ начальникомъ . „И другую ппичку въ кльшку !“ —

И которая спанеть насвистывать : о *Папа Римскій* , не хуже другихъ скворцовъ вашего ппичника , опвѣчалъ Констанпель шушливо , но съ должнымъ почтеніемъ .

Звѣрское лице шюремщика искривилось , какъ будто для улыбки ; но мгновенно принявъ свой обыкновенный , мрачный видъ , онъ устремилъ глаза на новаго гостя и сказалъ одно слово , негромко , но ужасно выразительно : — *заковать* .

Юліанъ Пeverиль наслышался довольно о разныхъ шюремныхъ обычаяхъ и рѣшился заранѣе согласоваться съ ними . Онъ могъ удовлетворить корыстолюбію шюремщика , а пошому и надѣялся даже увидѣться съ опцемъ .

Я расположенъ , сказалъ онъ , принуждая себя казаться спокойнымъ , во всемъ повиноваться вашимъ обыкновеніямъ . Спойшъ вамъ сказать — я все пошчасъ исполню .

При сихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ полный золоти , благодаря судьбу , что могъ сохранить его . Тюремщикъ измѣрилъ глазами величину кошелька во всѣхъ направленіяхъ съ невольною улыбкою ; но сія улыбка , подернувъ одну губу его и усь , пошчасъ исчезла : онъ вспомнилъ

свою должность, которая запрещала ему вѣѣпиться, какъ соколу, въ свою добычу и разомъ проглотить ее.

Еще огорчительная мысль заспавила его ошвѣчать не ласково:

Такса бываетъ разная. У всякаго своя воля: я пребую только должнаго; но за угожденіе надобно плашить.

И я заплачу, сказалъ Певериль; объявите только цѣну.

Въ голосъ Певеріля выражалось презрѣніе, котораго онъ не спарался и скрывать, видя, что золото производишь, хотя косвенное, но сильное дѣйствіе на шюремщика.

Тюремный начальникъ весьма его почувствовалъ; онъ невольно снялъ старый теплый колпакъ, а пальцы его, не привыкшіе къ такой спранности, начали чесать зашылокъ, покрытый сѣдыми волосами; самъ же онъ ворчалъ подобно собакамъ, которая переспаешъ лаять на чужаго, видя что ее не боялся: „Такса бываетъ разная. Есть мѣста и за казенную цѣну; но тамъ темно, свѣтъ проходишь снизу, а общество состоишь изъ воровъ и мошенниковъ. Пошомъ есть господское отдѣленіе; цѣна по одной золотой монетѣ: тамъ нѣтъ менѣе смершубійцы.

Какая самая высокая цѣна? говорите и я заплачу, сказалъ Певериль сухо и опривисто.

Три золотыя монеты за кавалерскую квартиру, ошвѣчалъ адскій владыко.

Вотъ вамъ пяць и помѣспшите меня съ Сиромъ Жеофреемъ, сказалъ Пезериль, бросая деньги на споль.

Съ Сиромъ Жеофреемъ! Хемъ! хемъ! подхващилъ шюремщикъ, какъ будто размышляя, что ему дѣлать . . . Ага! съ Сиромъ Жеофреемъ! . . вы не первый плашите за епо деньги, хотя вы всѣхъ щедрѣе; но вѣроятно вы послѣдній его увидите . . . ха, ха, ха!

Юліанъ не понялъ епой замысловатой рѣчи, кошорая кончилась громкимъ смѣхомъ, подобнымъ радостному рыканію пирга, пожирающаго свою добычу, и подшорилъ свое прѣбованіе.

Хорошо, хорошо, отвѣчалъ главный шюремщикъ, я сдержу свое слово; припомъ бьюсь объ закладъ, что дѣло ваше должно быть чистое. Какое нибудь нечаянное убійство и больше ничего: епо вздоръ. Вотъ если Пацизмъ . . . шупъ ни за что не ручаюсь. Гей, Жем-Ндинкъ! отведи его милосшь.

Помощникъ шюремщика или приспалъ взялъ ключи, желѣзы и молча пошелъ съ Пезерилемъ; они опять проходили длинными корридорами, но уже другими, хотя также съ часпыми дверями на объ споронны, покуда доспигали комнашы Сира Жеофрея.

Дорóгой, вожапый Юліана, разсуждая, что онъ могъ бы имѣть лучшую комнашу за половинную цѣну, а плашитъ двойную за конуру, рѣшишельно призналъ его су-

масшедшимъ: — Да Сирь Жеофрей намъ родня, что ли? осмѣлюсь спросить, хе! хе! хе!

Я сынъ его, ошвѣчалъ Певериль сердито, надѣясь такимъ ошвѣтомъ зажать ротъ большуну; но приспавъ принялся еще болѣе смѣяться!

Вы его сынъ? вскричалъ онъ. Хороша сказка! Вы девяти-вершковой молодчина, сынъ Сира Жеофрея! . . . хе, хе, хе!

Удержись ошъ дерзостей, ошвѣчалъ Юліанъ; мое положеніе не даетъ тебѣ права оскорблять меня.

Я и не думалъ о томъ, продолжалъ приспавъ, удерживаясь ошъ смѣха, ибо вспомнилъ, что въ кошелькѣ Юліана денегъ оспалось довольно; я смѣялся только тому, что вы назвались сыномъ Сира Жеофрея. Впрочемъ ешо не мое дѣло! Умное дитя, коли знаешь, кто его отецъ . . . Но вотъ комната Сира Жеофрея; улаживайше родственныхъ дѣла свои. При сихъ словахъ онъ ошперъ дѣръ и впустилъ Юліана въ небольшую, но довольно опрятную комнату, гдѣ стояли чешыре стула, споль и кровать.

Юліанъ искалъ глазами ошца и къ удивленію — не находилъ никого. Онъ оборотился къ провожашому и упрекалъ его съ гнѣвомъ въ обманъ.

Нѣтъ, милостивый государь, ошвѣчалъ Приспавъ, я не обманулъ васъ. Башюшка вашъ, какъ вы сами называете, принаиася гдѣ нибудъ въ уголку: ему надо немного мѣста; но я его подниму. Гей, гей, Сирь Жеофрей! покажишесь . . . ну, вотъ

онъ! . . . хе, хе, хе! — Сынокъ къ вамъ пришелъ! По крайней мѣрѣ сынъ вашей жены, хоть, можетъ, вы невиноваты ни душой, ни шѣломъ! . . .

Певериль не зналъ, что подумать о такихъ дерзостяхъ. Изумленіе, досада, опасеніе какой нибудь ошибки доконали его гнѣвъ. Онъ опять спалъ оглядывая комнату и увидѣлъ въ одномъ углу что-то, похожее больше на свертокъ кармазиннаго сукна, нежели на существо живое. При воззваніи присава это существо ожило, начало двигаться мало по малу и наконецъ, выпрямясь, принявъ гордую осанку, явилось глазамъ Певериль шестипалымъ дитяшею, съ ногъ до головы завернутымъ въ лоскутъ краснаго сукна, еслибъ швердый голосъ ашаго уродца, хотя нѣсколько визгливый, не удословѣрилъ Юліана въ пропивномъ.

Тюремный присавъ! заговорило чудное шворенъице, что это значить? Что смѣешь меня беспокоить? Не изливаешь ли на главу мою злобствующая фортуна ковыдхъ оскорбленій? Но душа моя довольно имѣетъ силъ пропировоборствовать несчастьямъ. Она выше вашего роста.

Сиръ Жеорей! ошвѣчалъ присавъ, вы люди знашные, сами знаете, что надо дѣлать; но если вы шакъ принимаете своего сына? . . .

Моего сына! повторимъ пигмей; кто ошепъ дерзновенный? . . .

Тутъ должна быть ошибка! вскричалъ Певериль. Я хотѣлъ видѣть Сира Жеофрея.

Онъ предъ вами, молодой человекъ, подхватилъ карло, сбрасывая маншію и являясь во всемъ величїи полутора-аршиннаго рооша. Я былъ любимцемъ прехъ Королей Англіи и теперь — жищель эшаго погребѣ, игрушка звѣрскаго шюремщика: я Сиръ Жеофрей Гудзонъ.

Хотя Юліанъ никогда не видывалъ эшой чудной особы, но по рассказамъ сей часъ узналъ въ немъ знаменишаго карлу, кошорый, переживъ убїеніе Короля, изгнаніе Королевы и всѣ мятежи и междоусобныя войны, наконецъ попалъ въ шюрьму, по мнѣмому заговору Паписшовъ. Юліанъ привѣстивовалъ несчастнаго старичка и попышилъ объяснишь ему и присшаву, что онъ желалъ занимать одну комнату съ Сиромъ Жеофреемъ Певерилемъ, изъ Гравсшва Дербѣ.

Это бы надо сказать прежде, не шеряя по пустому золопатаго пороху, почтенный господинъ! возразилъ присшавъ: тогда бы вы и узнали, что другой Сиръ Жеофрей, съдой и высокой, вчера еще вечеромъ отправленъ въ Башню (*). Впрочемъ, эшаго видѣлъ любопышнѣе.

Я прошу тебя, сказалъ Певериль, сходи къ своему главному шюремщику; объ-

(*) Башнею назывался шюремный замокъ государствѣнныхъ преступниковъ.

ясни ему ошибку и скажи, что я желаю — также опростаться въ башню.

Въ Башню? вскричалъ приставъ. Е! е! Башня для Лордовъ и Кавалеровъ, а не для простыхъ дворянъ. Туда не лзя понасть за какое нибудь уличное убійство; а надобно провиниться въ измѣнѣ, или заговорѣ, да и то сажаютъ по предписанію Государственнаго Секретаря.

По крайней мѣрѣ я не хочу быть въ шпигель, сказала Юліанъ, этому господину. Мы незнакомы, и намъ не для чего опростаться вмѣстѣ. Поди и скажи главному шпиритику объ этой ошибкѣ.

Я сходилъ бы, если бы не былъ увѣренъ, опросталъ Клинкъ съ лукавою усмѣшкою, что онъ знаетъ это не хуже васъ. Вы заплашили за помѣщеніе васъ вмѣстѣ съ Сиромъ Жеофреемъ, ну вошь вы и вмѣстѣ. Мой начальникъ внесъ имя ваше въ реэспрѣ и ни для кого въ свѣстѣ этого не перемѣнишь. — Ну, будьте же разсудительны; я беру васъ въ самыя легкія и покойныя желѣзы.

Всякое убѣжденіе и сопротивленіе было бесполезны. Певериль покорился необходимости; его сковали по ногамъ, но такъ, что желѣзы не мѣшали ему ходить по комнатамъ.

Въ это время онъ успѣлъ размысливъ, что главный шпиритикъ воспользовался сходствомъ именъ и что онъ точно знаетъ, какъ Клинкъ и замѣшилъ; изъ предписанія

судьи объ имени Пейерия: низко и бесполезно было вновь говорить объ этомъ.

Молодость, прекрасная наружность, терпѣніе и покорность Юліана разжалобили присава.

Вы, славный молодецъ, сказалъ онъ, и я доставлю вамъ споль и постель лучшія, какіе только есть въ Невгагъ. Вы же Сиръ Жеофрей не любите людей большого роста, а потому должны принять участіе въ этомъ господинѣ. Онъ прѣкололъ насквозь брюхо на поединкѣ Жану - Женкелю, самому рослому дѣшинѣ изъ всего Лондона, кромѣ однако Г-на Евана, Королевскаго при-
вращника, который, какъ всѣмъ извѣстно, нашивалъ васъ въ карманѣ.

Убирайся негодяй! крикнулъ карликъ, и презираю тебя и слова твои.

Присавъ пошелъ улыбаясь, но не забывая запереть двери двумя замками.

ГЛАВА VII.

Оспавшіеся, хотя не одинъ, но по крайней мѣрѣ въ покоѣ въ первый разъ въ продолженіи дня, споль обильнаго приключеніями, Юліанъ свѣлъ на дубовый стулъ у камина, въ кошоромъ догорали еще уголья, и предался размышленіямъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ грозили ему опасности и несчастія. Любовникъ, сынъ, другъ — всѣ спирадали въ немъ. Участіе его уподоблялась кораблю во время бури, посреди подводныхъ камней и мѣлей, безъ мачтъ и безъ кормила.

Между тѣмъ, какъ Пезериль неволь-
но предавался опчаднію, его товарищъ
сѣлъ на прошивоположной спудъ у камина,
и поглядывая на него важно и торжест-
венно, обратился на себя вниманіе Юліана.

Жеорей Гудзонъ (мы не спанемъ ве-
личать его *Сиромъ*; эшо названіе при-
давали ему за рыцарское достоинство,
въ которое возвелъ его Король для шушки:
оно бы спущивало нашу исторію), Жео-
рей, хошя былъ самый малорослый карло,
не имѣлъ однако ни чего въ себѣ прошив-
наго. Огромная голова, длинныя руки, ко-
роткой и широкой станъ, были, правда, весь-
ма не соразмѣрны съ его ростомъ, но вся фи-
гура была забавна, а неопвращишельна. Да-
же шерерь, въ спаросши, черпы его лица
были живы и значительны и одно уродство
пѣла сообщало ему странное и смѣшное
выраженіе, чему много способствовали длин-
ные усы, висящіе почти до плечъ.

Одежда эшаго маленькаго чудака пока-
зывала общую причудливостъ людей безоб-
разныхъ, но ешь онъ любилъ щегольст-
во, яркіе цвѣта и покррой плашья — како-
го ни кто не носилъ. Его позументы,
шипье кафлана, оспашки пышности, были
изношены и зашасканы долговременнымъ пре-
бываніемъ въ шюрмъ за мнимое участіе въ
мнимомъ заговорѣ. Эшо было повѣтріе шо-
го времени. Мы скоро увидимъ, что въ мы-
сляхъ и словахъ эшаго бѣднака существо-
вало сходство съ его нарядомъ. Какъ стран-
ная смѣсь и безвкусіе дѣлали смѣшными на

немъ и шелкъ бархашъ , также были смѣшны и высокія чувства , и свѣшлыя мысли , надушо сказанныя уродливымъ человѣчкомъ.

Нѣсколько времени поварищи смотрѣли другъ на друга молча ; наконецъ нашъ пигмей , будучи спаршимъ и хозяиномъ , счелъ за должную учтивость привѣтствовать госпя.

Государь мой! началъ онъ , умягчая свой грубый и рѣзкой голосъ , я вижу теперь , что вы сынъ моего однофамильца и спариннаго друга , храбраго Сира Жеофрея Певерилля де Пика. Я видѣлъ вашего опца шамъ , гдѣ онъ раздавалъ болѣе ударовъ , чѣмъ денегъ , и не смотря на порокъ большаго роста , которъ лишаетъ проворства и ловкости , какъ думаемъ мы , опытные воины , вашъ опецъ дѣйствовалъ славно. Я весьма радъ , что случай познакомилъ насъ.

Юліанъ отблагодарилъ поклономъ ; но Жеофрей , развязавъ языкъ , продолжалъ уже разспрашивать безъ околичностей.

Вы служите при дворѣ , я думаю? — Юліанъ отвѣчалъ отрицательно.

Я не повѣрилъ бы этому. Хотя теперь не состою въ дѣйствительной службѣ при Государѣ , но я провелъ свою молодость при дворѣ и занималъ тамъ важное мѣсто , чего желаю и вамъ. Безъ лести скажу , Господинъ Певериль , вы имѣете необыкновенную наружность ; жаль , что будете слишкомъ высоки , какъ и башюшка. Увидя однажды , кажешся , никогда уже не лзя забыть васъ.

Юліанъ подумалъ, что всего приличнѣе обратишь къ нему самому эту учливость, но отвѣчалъ корешко, что почти не знаетъ Англійскаго двора.

Тѣмъ хуже. Молодому человѣку трудно образоваться, не бывая часто у двора. По крайней мѣрѣ вы служите со шпагою ?

Нѣтъ, я не удостоился еще этой чести. Какъ ? ни придворный, ни воинъ ? Вошь хорошо. Вашъ батюшка, Господинъ Певериль, очень виноватъ. Да гдѣ же молодой человѣкъ можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, оплечиться, какъ не въ службѣ ? Я въ ваши годы былъ уже всѣмъ извѣстенъ моею шпагою. — Гдѣ же вы воспитывались, молодой человѣкъ ?

Въ домѣ Графини Дерби.

Препочтенная женщина, ручаюсь моимъ дворянскимъ словомъ. Я зналъ Графиню, когда еще служилъ при Августѣйшей повелительницѣ моей Генріетѣ Маріи. Графиня была образецъ ума, образованности и любезности. Она была одною изъ пятнадцати придворныхъ красавицъ, коимъ я позволялъ называть себя: *пиколеттини* (*): это глупая шутка надъ моимъ малымъ ростомъ, коимъ отличался я и въ молодости отъ людей обыкновенныхъ. Женщины всегда любили шушиться надо мною; но служилъ имъ усердно и покорялся ихъ причудамъ, иногда и слишкомъ своеволь-

(*) Малютка.

нымъ, было и будетъ свойствомъ благовоспитаннаго дворянина.

Какъ ни былъ огорченъ Певериль, но едва могъ удержаться отъ улыбки, глядя на этого пигмея, который начиналъ добродушно рассказывать свои старинныя похождения, выдавая себя образцемъ любезности и храбрости, хотя любовь и оружіе всего менѣе шли къ нему. Между тѣмъ Юліанъ, никакъ не желая огорчить новаго своего поварихи, весьма учтиво ошвѣчалъ ему, что безъ сомнѣнія челоуѣку, воспитанному при дворахъ и на поляхъ сраженій, какъ на примѣръ Сиру Жеофрею Гудзону, всѣхъ лучше извѣстно, какія вольности можно позволить и какія нѣтъ.

Маленькой рыцарь съ необыкновенною живостию спрыгнулъ со стула и съ большими хлопотами принялся шатишь его поближе къ Певерилу, въ знакъ возрастающей дружбы. Окончивъ пруды свои, шотчасъ началъ говорить слѣдующее:

Вы правы, Г. Певериль, и я доказалъ это. Да, государь мой, моя Августѣйшая повелительница Генріета Марія всегда находила во мнѣ вѣрнаго исполнителя ея воли: въ войнѣ и мирѣ, на полѣ битвы и на праздникѣ. По особенной просьбѣ Ея Величества, я согласился даже одинъ разъ (вы знаете, государь мой, какъ странно бывають женскія прихоти), согласился пробывать нѣсколько времени въ пирогахъ.

Въ пирогахъ! воскликнулъ Юліанъ съ удивленіемъ.

Да, государь мой, я 'надѣюсь, вы не находите ничего смѣшнаго въ моемъ снисхожденіи?

Нѣтъ, Сирь Жеофрей; увѣряю васъ, что я теперь совсѣмъ не расположенъ смѣяться.

И я также, когда былъ заключенъ въ пирогъ, хотя столь огромномъ, что могъ въ немъ протянуться. — Корка его обхватила меня, какъ гробъ, а сверху наложили шаковую большую сдобную лепешку, что на ней уписалась бы эпиграфа какому нибудь Генералу или Архіепископу. Хотя были взяты предосторожности, чтобъ я не задохнулся, но по чести, государь мой, я походилъ на живаго въ могилѣ.

Очень вѣрю.

Надобно прибавить, государь мой, что весьма немногіе знали тайну; ешу шушку выдумала Королева для собственнаго удовольствія, а для нее я согласился бы влѣзть въ орѣховую скорлупу, еслибъ могъ только умѣститься. Посудите, какимъ опасностямъ я подвергался: слуги могли уронить меня нечаянно; какой нибудь обжора могъ проглотить меня ножомъ, и хотя мое оружіе было со мною (замѣйте, молодой человекъ, что я не разсваивался съ нимъ въ опасныхъ случаяхъ) и я могъ немедленно наказать дерзкаго, но не могъ предупредить шакого несчастія.

Вы совершенно правы, отвѣчалъ Юліанъ, начавшій бояться, что маленькой бол-

щунъ надоѣсть ему ужасно и сдѣлаетъ положеніе его еще тягостнѣйшимъ.

О, о! вскричалъ карликъ, это еще не все. Лорду Букингаму, опцу теперешняго Герцога (онъ былъ въ большой милости при дворѣ) вздумалось весьма не къшати, что горячій пирогъ будетъ вкуснѣе, и онъ предложилъ подогрѣть меня въ печь.

И такое предложеніе не смутило швердой души вашей?

Молодой человѣкъ! я не скрою отъ васъ: натура имѣетъ свои права, и храбрѣйшій изъ смертныхъ долженъ признать ихъ. Мнѣ пришла въ голову огненная печь Навуходоносора, и казалось, пламя уже начало палить меня: благодаря Бога, я вспомнилъ Королеву, рыцарскую обязанность и укрѣпился. Лордъ Букингамъ пошелъ самъ въ кухню (если это съ намѣреніемъ, да проститъ ему Небо) и пребовадь, чтобъ поваръ посадилъ пирогъ въ печь, хотя на пять минутъ; но по счастью этотъ славный малой, участвовадь въ нашей тайнѣ; онъ смѣло и рѣшительно не согласился, и меня поставили снова здравымъ и невредимымъ на столъ Королевской. Наконецъ наступила славная минута моего освобожденія: верхнюю корку взрѣзали, и я, при громѣ трубъ и роговъ, возсталъ изъ пирога, подобно герою, призванному на судъ спрашный. Тогда, со щипомъ въ рукѣ и съ мечемъ въ другой, я началъ воинственную пляску, въ которой считался первымъ мастеромъ, представляя всѣ виды нападеній и защите-

ній съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что мужчины меня оглушили рукоплесканіями, а женщины вымочили, опрыскивая разными благовоніями. Продолжая мой Пиррическій шанецъ, я имѣлъ случай опмшпшп и Лорду Букингаму: я шакъ близко махнулъ ему подъ насъ мечемъ, какъ цырюльникъ бришвою, и Лордъ опкачнулся назадъ вершка на два. Кромъ меня, тогда никто не осмѣлился бы съ нимъ эшаго сдѣлать. Благосклонные взоры и улыбки красавицъ были моею наградою. Но, увы, государь мой, молодость, забавы, шалости, шумъ и блескъ шакъ мгновенны, какъ прескучій огонекъ сухаго хворосша, подогрѣвающій кострюльку. . . .

Боже мой! думалъ Певериль, эшопъ челоуѣкъ желаетъ помолодѣть, чтобы снова служилъ начинкою пирога!

Товарищъ его, у котораго языкъ давно скучалъ бездѣйствіемъ, рѣшилъ вознаграждать свою потерю и далъ полную волю своему краснорѣчію.

Между тѣмъ, продолжалъ Жеофрей Гудзонъ, чѣмъ болѣе опличія и славы, тѣмъ болѣе зависши, вѣроломства и гоненій. Сколько вышерпѣлъ я насмѣшекъ надъ моимъ ростомъ даже опъ людей, впрочемъ весьма почтенныхъ, которыми въ голову не приходило, что одна рука создала и Драгу и Песочника, что кусочекъ Алмаза дороже въ десять тысячъ разъ гранинаго ушеса! . . . Хотя большая часть насмѣшекъ происходила изъ одного удо-

вольствія попустишь, хотя приличіе и обязанность заставляли меня сносить ихъ; но наконецъ нашлись люди, которыхъ все превосходство предо мною состояло въ высокому росту, которые позволяли себѣ шѣ же шушки и которыми я не могъ, не долженъ былъ спускаться. Провидѣнію было угодно, чѣмъ самый эпотъ праздникъ (я считаю его славнѣйшею эпохою въ моей жизни) былъ причиною плачевнаго происшествія, почитаемаго мною однимъ изъ первыхъ несчастій.

Нарликъ замолчалъ на минушу, тяжело вздохнулъ и продолжалъ возвышеннымъ тономъ, приличнымъ предмету печальному.

Вы конечно и не подозреваете молодой человѣкъ, чѣмъ случай, сей часъ мною рассказанный, эпотъ прелестно выдуманный и превосходно исполненный маскарадъ, могъ подать поводъ къ злорѣчію и насмѣшкамъ? Но случилось именно такъ. Весь дворъ спалъ мнѣ завидовашъ и со всѣхъ сторонъ сыпались плоскія шушки, глупыя сравненія и намѣки. *Пирогъ съ гусемъ и гробъ изъ сдобнаго тѣста* у всѣхъ были на языкѣ. Я рѣшился прекратить сіи пошлыя оспрошны. Тогда служилъ при дворѣ одинъ молодой человѣкъ, сынъ Кавалера и Баронета, всѣми уважаемый и корошкѣй мнѣ пріятель; отъ него всего менѣе ожидалъ я оскорбительной шушки. Однажды вечеромъ вспрѣщались мы въ переднихъ комнапахъ дворца; надобно замѣтить, что пріятель мой выпилъ лишнее; онъ сей часъ началъ изъ-

вѣтѣльно смѣяться надо мною; я съ хладнокровіемъ, но важностію и швердостію просилъ его перемѣнить разговоръ. Ни шутки было; онъ удвоилъ свои ругательныя шушки, и я вызвалъ его на дуэль. Любя молодого человѣка и желая только проучить его, я предлагалъ биться на шпагахъ; дѣло бы кончилось двумя или тремя ранами, но онъ выбралъ пистолеты. Въ условленный часъ мы пріѣхали на назначенное мѣсто; но противникъ мой, вмѣсто оружія, вынулъ ребячью игрушку, копорою брызнувши воду . . . Я право забылъ, какъ она называется . . . ешо родъ маденькаго ручнаго насоса . . . Брызгальцо, сказалъ Певериль. Онъ начиналъ припоминая эту исторію, слышанную имъ прежде.

Точно такъ, государь мой. Такое прервѣніе разсердило меня; я наговорилъ ему много оскорбительнаго и принудилъ взять настоящее оружіе. Мы сѣли на лошадей, спали въ назначенномъ разстояніи, по данному знаку начали сближаться, и какъ я не даю никогда промаха, то имѣлъ несчастіе первымъ выспрѣломъ убить почтеннаго Г. Кроуша. Не желаю лютому врагу моему испытать половину того мученія, которое я почувствовалъ, увидя, какъ эшотъ несчастный молодой человѣкъ зашатался на сѣдлѣ, упалъ и облилъ горячею кровью хладную землю. Небомъ свидѣтельствуюсь, что я желалъ свою жизнь воскресить его! Такъ погибъ юноша храбрый, благородный, съ блиста-

шельными надеждами, погибъ жертвою — язвительнаго остроумія и легкомыслія. Но, увы! что было мнѣ дѣлать! Честь необходима для жизни какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ, и топъ не живетъ, кто носитъ на себѣ малѣйшее пятно безславія.

Чувствительность, благородство, которыми одушевляли рассказъ второй половины исторіи Героя — карлика, внушили Юліану лучшее мнѣніе объ его сердцѣ и умѣ. — Онъ истинно того стоилъ. Печальная судьба Кроша и другіе храбрые подвиги нашего пигмея, во время междоусобной войны, въ продолженіе которой онъ командовалъ отрядомъ конницы, заставили и тогда придворныхъ господъ шептать поосторожнѣе.

Въ часъ по полудни приставъ, вѣрный своему обѣщанію, принесъ обоимъ заключеннымъ изрядный обѣдъ и бутылку добраго, но слабаго вина. Старикъ Жеорей, любившій прежде весело пожить, замѣшилъ, что величина бутылки выбрана по его росту. Когда ее опорожнили и обѣдъ кончился, Гудзонъ прочелъ по латинѣ длинную молитву и разговоръ продолжался о предметахъ важнѣйшихъ.

Маленькой болшунъ сначала распространился о полистикѣ и вѣрѣ, потомъ сбился въ Мистицизмъ: онъ говорилъ о пайныхъ вдохновеніяхъ, о предчувствіяхъ и предсказаніяхъ, о явленіи духовъ, о пайнахъ Шотландской логи, о чернокнижии и волшебствѣ.

Безутолкнутое вранье напугало Певерия, и онъ рѣшился улечься спать особо и подале отъ своего шоварища. Старикъ не уставалъ. Передъ сномъ прочелъ опять молитву по латинѣ (онъ былъ Каполикъ), и раздвываясь, началъ новую исторію, кошорая прервалась сномъ, сомкнувшимъ въ одно время его глаза и рошъ. Юліанъ заснулъ прежде.

С. А.

Анекдотъ о Байронѣ (отрывокъ изъ путешествія)

Безвѣріе, предполагаемое въ Байронѣ, наиболѣе огорчало истинныхъ друзей его славы. Изъ всего, что открыто намъ послѣ его смерти, должно заключить, что душа его чувствовала по крайней мѣрѣ великую нужду въ вѣрѣ. Когда человѣкъ являлся посредникомъ между небомъ и имъ, Байронъ обнаруживалъ одни сомнѣнія, и по странному своенравію гордости показывалъ надмѣнное пренебреженіе къ вѣрѣ во вліяніе свѣспилъ, тогда какъ съ друзьями своими онъ признавался въ этой слабости, такъ называлъ онъ ее, и старался оправдываться примѣромъ великихъ людей, бывшихъ сиполь же суевѣрными, какъ и онъ. — Извѣстно, что онъ всегда носилъ на груди драгоценную вещь, привязанную на ленточкѣ. Капишанъ Медвинъ полагаетъ, что это былъ поршреть той, кошорая внушила ему первую любовь; а ученый Г. Гаммеръ утверждаетъ, что это былъ восточный шалисманъ.

Слѣдующій анекдотъ заставляетъ меня думать, что этошъ шалисманъ могъ принадлежать къ числу священныхъ Христіанской вѣры.

Во время пребыванія своего въ Аѣинахъ въ монастырѣ Францисканскомъ, Лордъ Байронъ возбудилъ живое участіе къ себѣ въ одномъ монахѣ, по имени ошцъ Бернардь. Когда Греція, въ ошвѣшъ на великодушный вызовъ Байрона, пригласила его къ защитѣ свободы ея; тогда, покидая нѣгу Италіи и гошовый въ пушъ, онъ сказалъ друзьямъ своимъ:

— Странное дѣло Отець Бернардь, вручая мнѣ распятіе, сказалъ пророческимъ голосомъ: вы будете защитникомъ Христіанъ, вы опять прѣдете въ Грецію на помощь вѣрнымъ Но и

лишень буду удовольствія еще разъ увидѣться съ вами . . . Я боюсь, что вы не дождете до Афинъ. — Тутъ Лордъ Байронъ впалъ въ глубокое размышленіе, котораго ни кто не смѣлъ нарушить: знали, что онъ не рѣдко душою уединялся, когда мысль важная или печальная поражала его, даже посреди разговора. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ присовокупилъ сіи замѣчательныя слова: съ трудомъ повѣряя, что я ни въ какомъ случаѣ не расставался съ этимъ крестомъ. Я ни какъ не хотѣлъ отдать его ни матери моей, ни сестрѣ, не смотря на убѣдительныя прозбы ихъ по возвращеніи моемъ въ Англію: Францисканской Игумень, живущій въ Діогеновой башнѣ въ Афинахъ, подарилъ мнѣ его на память. Эпотъ почтенный монахъ очень меня любилъ. „Вы не должны забывать меня, сказала онъ мѣ, расставаясь; выберите изъ небольшого количества вещей, которыми я владѣю, то, что вамъ понравится, и храните въ воспоминаніе отца Бернарда.“ — Я коснулся рукою до распятія, которое висѣло у него на груди, и спросилъ: можетъ ли отецъ мнѣ его дать. Добрый Игумень такъ обрадовался моему выбору, что слезы навернулись у него на глазахъ. Эпотъ человекъ былъ искрененъ въ вѣрѣ своей. Съ тѣхъ поръ я не расставался съ этимъ распятіемъ. Скажу вамъ даже, что однажды я былъ встревоженъ, думая, что потерялъ его Но вотъ, пророчество отца Бернарда должно исполниться: я їду въ Грецію. — Послѣ смерти Лорда Байрона распятіе было найдено въ бумажникѣ подлѣ его кровати. Принцъ Маврокордато отослалъ его наслѣдникамъ поэта. Теперь оно въ рукахъ Г. Гобгоуза.

МАТА - МАТА ЧЕ - ЛАУТЪ.

(Извлеч. изъ *Anderson's Gesandtschaftsreise nach der östlichen Rüste von Sumatra. Aus dem englisch.*)

На возвратномъ пуши присоединилась къ намъ Мата - Мата Че - лаутъ, необыкновенная и странная старуха, которая въ обращеніи своемъ имѣла болѣе мужскаго, нежели женскаго. Она очень понятлива, и рассказывала намъ много любопытнаго о своемъ краѣ и о различныхъ приморскихъ мѣстахъ, по большей части посѣщенныхъ ею. Увидѣвъ у меня Новый Завѣтъ на языкѣ Малайскомъ (котораго я имѣлъ при себѣ достаточное число экземпляровъ для раздачи), стала просить оный, говоря, что будетъ изучать его. Я исполнилъ ея желаніе. Она говоритъ на многихъ языкахъ: на Китайскомъ, Сіамскомъ, Чулія и Бенгальскомъ, и однажды нарочно предприняла путешествіе въ Очинъ (*), чтобы только выучиться языку той страны; впрочемъ она любитъ путешествовать, занимается исторіею и стихотворствомъ; даже тогда, когда она сидѣла у насъ въ лодкѣ, то произносила безъ приготовленія стихи на каждый задаваемый ей предметъ съ такою быстротою, какъ только можно было успѣвать ихъ писать. Она умѣетъ называть по имени каждую рѣку и почти каждого владѣльца Палембанга, на восточномъ берегу, до Сузы, что на западномъ берегу Суматры. Память ея чрезвычайно тверда, и она отвѣчаетъ на всѣ вопросы, до чего бы оные ни касались, съ удивительною легкостью. Наружность ея не весьма привлекательна: она высока и худощава, имѣетъ длинныя, свислыя уши, которыхъ отверстіе величиною съ Испанскій шалеръ. Одежда ея обыкновенно состоитъ

{*.) На сѣверный берегъ Суматры.

изъ длиннаго, краснаго шелковаго башшу (или камзола), длинныхъ, широкихъ шароваръ и шахмашнаго саронга (или сюршука), падающаго до колѣнъ; поверхъ него опоясываетъ она салиндангъ (или шарфъ) изъ бумажной матеріи, ей самою окрашенной, и надѣваетъ зеленый корсетъ съ красною бахрамою, которую она накидываетъ на плеча, если намѣрена куда идти.

ФУТТИХЪ АЛИ ХАНЪ.

(Извлечен. изъ I. B. Fraser's Reise nach Khorassan aus dem englisch.)

На другой день посѣтили мы Футтихъ Али Хана, Шаха или Малекъ аль Шара — придворнаго поэта. Сей достопримѣчательный, уже пожилыхъ лѣтъ, человекъ, родомъ изъ одной древней фамиліи, которой члены нѣсколько поколѣній сряду были правителями Кашана, одаренъ удивительнымъ гениемъ, имѣетъ весьма живое воображеніе и довольно образованный вкусъ. Онъ сверхъ того пріобрѣлъ много свѣдѣній въ Механикѣ, къ которой онъ пристрастенъ, сдѣлалъ много сложныхъ машинъ своего собственнаго изобрѣшенія и даже по однимъ гравированнымъ картинкамъ, приложеннымъ къ Англійской Энциклопедіи, устроилъ книгопечатню. Его нравъ весьма крошочъ и пріятенъ; но онъ имѣетъ духъ, болѣе склонный къ независимости, и большая часть изъ его сапиръ написаны тѣко и остро. Бесѣда его очень занимательна, и онъ такъ словоохотенъ, что иногда даже бываетъ охъ того въ шагость. Его мнѣнія вообще свободны отъ предразсудковъ, исключая религіозныхъ предметовъ — о сихъ послѣднихъ думаетъ онъ какъ святоша. Какъ всѣ Персы, онъ гордъ собственнымъ

достоинствомъ; но, подобно имъ, не презираешь отъ ашаго другихъ, — большой почитатель Европы — охотно расположенъ ко всему, что только опшолъ ни доходитъ, и вообще ешь одинъ изъ образованнѣйшихъ и приятнѣйшихъ людей всего Двора. Въ Персіи онъ почитается величайшимъ изъ современныхъ знакоковъ своего опечественнаго языка и энциклопедическія его познанія значительны. Соопечественники спавяшъ стихи его въ слѣдъ за стихами Фирдусса; нѣкошорые даже считаютъ ихъ и выше; а плодовитость его изобрѣшенія идетъ ровнымъ шагомъ съ его стихошворческимъ даромъ: онъ сочинилъ, кромѣ большого числа мѣлкихъ стихошвореній, около 160,000 строфъ, по большей части къ прославленію подвиговъ нынѣ царствующаго Шаха. Сверхъ того, онъ же исторіографъ и придворный Поэтъ, и находится въ большой милости у Монарха, равно какъ и у Принцевъ; но при всемъ томъ не принимаетъ даже и малѣйшаго участія въ дѣлахъ общественныхъ и не занимается полишкою.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по оппечаташи представлени были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 8 Февраля, 1829.

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.